

ВЕСТНИК БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Учредитель:

Образовательное учреждение профсоюзов высшего профессионального образования «Академия труда и социальных отношений»

ISSN 2078-9025

№ 5 (21) ноябрь 2013

Спецвыпуск

Научный журнал

Издается с 2009 г. Выходит ежеквартально.
ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Редакционный совет журнала:

Председатель

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Заместитель председателя

ВЕЛЬЦ Рахиль Яковлевна, канд. филол. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционного совета:

БЕЗЗУБКО Лариса Владимировна, д-р наук по государственному управлению, профессор (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, Украина)

БУРХАНОВА Флюра Булатовна, д-р. социол. наук, профессор (Башкирский государственный университет)

ВАЛЕЕВ Хайдар Арсланович, д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент (Центральная избирательная комиссия Республики Башкортостан)

ГАЙДУК Вадим Витальевич, д-р полит. наук, канд. юрид. наук (Башкирский государственный университет)

ЗУЛЬКАРНАЙ Ильдар Узбекович, д-р экон. наук, профессор (Уфимский государственный университет экономики и сервиса)

ИСМАГИЛОВ Наиль Амирханович, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КЕРИМОВ Александр Джангирович, д-р юрид. наук, профессор (Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова)

КУРМАНОВ Альберт Сафуатович, д-р юрид. наук (ОАО «Социнвестбанк»)

ЛЯНЧЕ Маргарита Леонидовна, д-р полит. наук, профессор (Научно-исследовательский институт проектного менеджмента и инвестиций, Ганновер, Германия)

МАЛИКОВ Борис Зуфарович, д-р юрид. наук, профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

МАТВЕЕВА Любовь Дмитриевна, д-р ист. наук, профессор (Уфимский государственный университет экономики и сервиса)

МАХМУТОВ Анас Хусаинович, д-р экон. наук, профессор, академик АН РБ (Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович, д-р полит. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

МИХАЙЛОВА Наталья Вячеславовна, д-р полит. наук, доцент (Российский университет дружбы народов)

МУРАТШИН Фларит Рашитович, д-р юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

РАХМАТУЛЛИНА Зугура Ягануровна, д-р филос. наук, профессор (Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации)

САМИРХАНОВ Амирхан Миркадамович (Федерация профсоюзов Республики Башкортостан)

САМРАИЛОВА Татьяна Константиновна, д-р полит. наук, профессор (Академия труда и социальных отношений, Москва)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна, д-р ист. наук, профессор (Московский автомобильно-дорожный институт)

ТЮРИН Сергей Борисович, д-р экон. наук, профессор (Ярославский филиал Академии труда и социальных отношений)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д-р юрид. наук (Евразийский научно-исследовательский институт проблем права)

ШАЯХМЕТОВ Ульфат Шайхизаманович, д-р техн. наук, профессор (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы)

Редакционная коллегия

Главный редактор

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционной коллегии:

БЕЛЯЕВ Максим Анатольевич, руководитель Агентства примирительных технологий (Башкирский институт социальных технологий)

БИКТАГИРОВА Алсу Рашитовна, канд. психол. наук (Башкирский институт социальных технологий)

БОЧАРОВА Татьяна Евгеньевна, ответственный секретарь (Башкирский институт социальных технологий)

БЫСТРОВ Александр Ильич, канд. техн. наук, ст. научный сотрудник (Башкирский институт социальных технологий)

ГАЛИЕВА Гульназ Физратовна, канд. экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КУЗНЕЦОВ Игорь Александрович, канд. юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич, канд. полит. наук (Башкирский институт социальных технологий)

ХОРОШАВЦЕВА Ольга Петровна, канд. культурол. (Башкирский институт социальных технологий)

Адрес редакции: 450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие К.Б. Толкачева, Председателя Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан	7
Аюпов М.А. Модернизация и языковая идентичность	8
Багаева А.В. Региональная интеграция в контексте проблем национальных и федеративных отношений.	14
Болтенкова Л.Ф. К вопросу о понятии «русскость».	20
Власов В.И. О политической культуре в российском измерении.	23
Гайдук В.В. Национальная безопасность не должна иметь этнический оттенок	30
Гумеров С.Б. Модернизационная политика Федеративной России: траектории, развилки, тупики	36
Демьяненко Ю.А. Территориальная карта субъектного состава Федеративной России: возможные трансформации	40
Дробижева Л.М. К вопросу о стратегии государственной национальной политики Российской Федерации	45
Ефремова И.В. Федеративные аспекты политики государства в сфере труда на современном этапе	49
Зорин В.Ю. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: традиционность и новые подходы к укреплению единства многонационального народа России (российской нации)	55
Калинина К.В. Время определяет характер национального вопроса	65
Ланда К.Г. Каспий и геополитические интересы США в регионе.	72
Марданов М.Х. Миграционная политика в Российской Федерации: региональный мультикультурализм.	78
Матвеева Л.Д., Хайретдинова Н.Э. К вопросу о состоянии уфимского театра в период внутрипартийной борьбы за власть (конец 1922—1928 гг.).	81

Медведев Н.П.

Современные проблемы достижения политической стабильности:
научные подходы и политическая практика. 94

Михайлов В.А.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации:
вопросы теории и практических действий 101

Нигматуллина Т.А.

Социокультурный федерализм в сфере молодежной политики: вызовы современности 105

Рябова Е.Л.

Фольклор как важнейший фактор национального и культурного строительства 111

Сулейманов А.Р.

Национальная идея как атрибут государственности: политический миф или реальность 115

Сулейманова Ш.С.

Проблемы этнической адаптации в современной России 119

Терновая Л.О.

Влияние национальных и федеративных отношений
на развитие государственной символики 125

Фонарёв М.А.

Революционные трансформации постсоветского пространства: «цвета» и «бархат» 136

Хорошавцева О.П.

Специфика функционирования средств массовой коммуникации
и их роль в межкультурном диалоге на региональном уровне
(на примере Республики Башкортостан) 141

Шмидт В.В., Данненберг А.Н.

Религиозно-этнокультурные традиции Евразии:
восток и запад в начале XXI века. 151

Юсупов М.Х.

Миграционные процессы в Федеративной России: региональный транзит 181

Янускина В.В.

Воспитание молодежи — задача общая. 187

CONTENTS 190

АВТОРАМ 199

CONTENTS

Ayupov M.A.	
Modernization and language identity	8
Bagayeva A.V.	
Regional integration in the context of the problems of national and federal relations	14
Boltenkova L.F.	
To the question of the concept «russianness»	20
Vlasov V.I.	
On the russian dimension of political culture	23
Gaiduk V.V.	
National safety shouldn't have any ethnic shade	30
Gumerov S.B.	
Modernization policy of the Federative Russia: trajectories, branches, deadlocks	36
Demyanenko Y.A.	
Territorial map of subject structure of the Federative Russia: possible transformations	40
Drobizheva L.M.	
On the russia's strategy of the state national policy	45
Yefremova I.V.	
Federative aspects of policy of the state in the labor sphere at the present stage	49
Zorin V.Y.	
Russia's strategy of the state national policy: traditionalism and new approaches to the strengthening of unity of the russia's multiethnic people (russian nation)	55
Kalinina K.V.	
Time defines the nature of the ethnic question.	65
Landa K.G.	
The caspian sea and geopolitical interests of the USA in the region	72
Mardanov M.K.	
Migratory policy in the Russian Federation: regional multiculturalism	78
Matveyeva L.D., Khairtudinova N.E.	
To the question of the status of ufa theater during the inner-party power struggle (the end of 1922–1928)	81
Medvedev N.P.	
Today problems on the way to reaching political stability: scientific approaches and political practice	94
Mikhaylov V.A.	
Russia' strategy of the state national policy: theory and practice	101

Nigmatullina T.A.

Sociocultural federalism in the sphere of youth policy:
present challenges105

Ryabova E.L.

Folklore as the most important factor of national and cultural construction111

Suleymanov A.R.

National idea as an attribute of statehood: political myth or reality.115

Suleymanova Sh.S.

Problems of ethnic adaptation in modern Russia.119

Ternovaya L.O.

The impact of national and federal relations for the development of state symbols.125

Fonaryov M.A.

Revolutionary transformations of the former soviet union: «colours» and «velvet»136

Khoroshavtseva O.P.

Specifics of functioning of mass media and its role in the cross-cultural dialogue
at the regional level (on the example of the Republic of Bashkortostan)141

Shmidt W.V., Dannenberg A.N.

Religious and ethnocultural traditions of Eurasia:
east and west at the beginning of the 21st century151

Yusupov M.K.

Migration processes in Federative Russia: regional transit.181

Yanuskina V.V.

Youth education is a public task187

CONTENTS190

FOR AUTHORS199

Кафедре национальных и федеративных отношений
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации

Уважаемый Вячеслав Александрович!
Уважаемые коллеги!

Модернизационный вектор развития России как федеративного, демократического государства был определен еще в 2008 году Президентом России Д.А. Медведевым. Модернизация коснулась и вопросов национальных и федеративных отношений, политической регионалистики и этнополитики.

Ваша кафедра национальных и федеративных отношений в этом плане является уникальной. Кафедра по сути единственная в России научная школа, остро обсуждающая данные проблемы на разных уровнях власти (федеральном, субфедеральном и местном).

Наша республика, как один из субъектов Российской Федерации, понимает и поддерживает федеральный курс на модернизацию.

В первую очередь это обусловлено тем, что современные модернизационные процессы, идущие сегодня в России и ее регионах, должны быть неразрывно связаны с экспертной деятельностью высококвалифицированных специалистов. К сожалению, изначально проект модернизации не был обеспечен кадрами, в том числе в сфере политической экспертизы, поскольку политическая конъюнктура много лет не благоприятствовала созданию системы подготовки кадров высокого уровня.

Кафедра национальных и федеративных отношений осуществляет активную подготовку кадров высшей квалификации (кандидатов и докторов наук) для органов государственной власти и местного самоуправления, высших учебных заведений и научно-иссле-

дательских институтов и центров Республики Башкортостан.

При участии вашей кафедры и Национального Союза Политологов были учреждены 3 новых российских научных журнала. Это «Вопросы политологии», «Вопросы национальных и федеративных отношений» и «Евразийский Союз: вопросы международного сотрудничества», на страницах которых активно обсуждаются актуальные вопросы политической и федеративной модернизации России, вызывающие большой научный резонанс.

Хотим поблагодарить Вас за плодотворную научную деятельность в области исследования национальных и федеративных отношений в России и подготовку для нашей республики высококвалифицированных кадров высшей квалификации.

Надеемся, что наше двухстороннее сотрудничество в рамках подготовки кадров высшей квалификации для органов государственной власти, местного самоуправления и высших учебных заведений республики будет продолжено и дальше.

Со своей стороны мы также готовы поддерживать любые инициативы кафедры национальных и федеративных отношений, направленные на дальнейшее развитие федеративных отношений и укрепления российской государственности.

Пусть Ваш коллектив всегда будет сплоченной, дружной командой единомышленников и стремится к достижению еще больших высот в своей профессиональной и научной деятельности на благо новой России.

*К.Б. Толкачев,
Председатель Государственного Собрания –
Курултая Республики Башкортостан
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
Заслуженный юрист Республики Башкортостан*

УДК 321:39(470)

АЮПОВ Мансур Анварович,

доктор политических наук, профессор,
вице-президент Академии наук Республики Башкортостан,
член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан
e-mail: vvgrb@yandex.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В настоящее время содержание этнополитических процессов в регионе определяют два основных фактора. Первое — это стремление к этнической самобытности, сохранению и развитию родного языка и как результат — языковой идентичности. И второе — императив модернизации самого этноса, в котором отношение к родному языку и его использование в быту и общественной жизни играет ключевую роль. В данной статье исследуется языковой потенциал полиэтнических регионов России в условиях модернизационных трансформаций.

Ключевые слова: модернизация, этнос, язык, регион, демография, самосознание, потенциал, глобализация.

В настоящее время содержание этнополитических процессов в регионе определяют два основных фактора. Первое — это стремление к этнической самобытности, сохранению и развитию родного языка и как результат — языковой идентичности. И второе — императив модернизации самого этноса, в котором отношение к родному языку и его использование в быту и общественной жизни играет ключевую роль.

При этом надо иметь в виду, что модернизация этноса, его функционирование и адаптация к новым условиям происходит в многонациональной среде. Также надо учесть огромное давление на указанные процессы ускоряющихся глобальных преобразований, что усиливает явления неопределенности, переходности и незавершенности в переменных.

Республика Башкортостан является крупным регионом Российской Федерации (в ней проживает 2,8% населения страны). Это — один из самых многонациональных субъектов Федерации, где, по данным переписи населения 2010 года, зафиксированы представители более 160 национальностей. Ведущее место по численности и влиянию на общественную жизнь занимают башкиры (29,5%), русские (36,1%) и татары (25,4%), имеющие многовековую историю взаимодействия и сотрудничества.

Башкирский этнос, насчитывающий более 1,5 млн человек и занимающий четвертое место по численности в стране, имеет достаточный демографический потенциал дальнейшего развития. Несмотря на связанные с урбанизацией тенденции, в башкирских семьях как желаемое число детей, так и реальное (хотя и в меньшей степени) превышает соответствующие показатели у других народов Республики Башкортостан и Российской Федерации в целом. Этнодемографические показатели и установки повышают и рост национального самосознания, что привело к заметному увеличению доли башкирского населения в республике, по сравнению с «советской» переписью 1989 года.

В то же время сложным остается этнодемографическое положение тех групп башкирского населения, которые проживают в других регионах. Продолжаются процессы абсолютного сокращения их численности. В условиях модернизации процессы ассимиляции и деэтнизации могут значительно ускориться.

Общие процессы повышения национально-этнического самосознания, социальной активности этноса, мощное развитие Республики Башкортостан за последние десятилетия, без сомнения, привели к повышению образовательного и квалификационного уровня

башкирского населения, его доли среди квалифицированных работников и специалистов в промышленности, а также в управленческой и культурной элите. Это еще раз подтверждает тезис о том, что в XXI веке только нации, приобщенные к современному образу жизни и инновационным технологиям производства и предпринимательства, могут рассчитывать на успешное развитие.

Однако в условиях рыночной экономики остается крайне низкой доля бизнесменов (особенно средних и крупных), уровень экономической активности среди башкир. Представители коренного этноса пока более склонны работать в основном на государственных и муниципальных предприятиях или трудиться индивидуально, чем в организациях крупного бизнеса или частного сектора экономики. Доля сельского населения среди башкир по-прежнему несколько превышает городское. Трудоспособная часть его занята в основном в таких сферах, как сельское и лесное хозяйство, добывающая и перерабатывающая промышленность, машиностроение и металлообработка, причем в большей мере занята неквалифицированным трудом. Среди башкир мало руководителей промышленных предприятий, ИТР, работников торговли, снабжения, финансов и т. п.

Все это свидетельствует о том, что коренной народ в настоящее время недостаточно включен в модернизационные процессы. Еще не заметна его роль в наиболее экономически значимых и перспективных процессах, что создает опасность того, что нация со временем может оказаться в еще худшем положении в стихийно возникающем межнациональном распределении общественного труда.

Если взять языковую ситуацию, то в Башкортостане насчитывается более 100 языков, из которых 11 имеют постоянную среду обитания и возможности естественного речевого общения. Эти языки представлены славянскими (русский, украинский, белорусский), тюркскими (башкирский, татарский, чувашский), финно-угорскими (марийский, удмурдский) языками. Кроме перечисленных, представлены немецкий и латышский языки, носители которых также проживают компактно в отдельных районах и населенных пунктах республики.

Признание башкирского языка государственным способствовало развитию общественных функций башкирского языка, поднятию его престижа. Он стал употребляться в сфере государственного управления в Республике Башкортостан: издаются указы Президента, законы Государственного Собрания, постановления и другие документы правительства Республики Башкортостан.

Расширились функции башкирского языка в системе образования. Большим достижением стало открытие в 1990-х гг. в БГПУ, БГУ и СГПА самостоятельных факультетов башкирской филологии. Это позволило создать группы для подготовки специалистов, знающих башкирский язык, по различным направлениям. Например, в БГУ было открыто отделение журналистики, в котором имеются русская, башкирская и, с недавних пор, татарская группы. Помимо этого стало возможным открытие башкиро-английской, башкирско-немецкой, башкирско-арабской, башкирско-турецкой подгрупп: подготовка преподавателей культуры Башкортостана. В 1993–1994 гг. были открыты башкирские группы на историческом и юридическом факультетах БГУ¹.

Существенные изменения в функционировании башкирского языка произошли в результате выполнения Государственной программы сохранения, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан на 2000–2005, 2006–2010 годы, в соответствии с которой были разработаны и приняты программы отдельных министерств, госкомитетов, ведомств и местных администраций. В результате всех этих мероприятий поэтапно и последовательно ведется практическая работа по реализации закона о языках.

Русский язык является основным языком общения для 230 тыс. нерусских народов. Как государственный язык он является наиболее распространенным языком в Башкортостане. Функционирует на всех ступенях образования, в массовой информации, культуре, науке, управлении и хозяйстве. Сегодня во всех школах русский язык изучают как предмет. Более 2 тыс. школ (почти 65%) — школы с русским языком обучения, в них получают знания около 85% всех учащихся республики².

Татарский язык в Башкортостане является одним из социально развитых языков. На нем осуществляется обучение не только в 1230 школах (117 452 ученика), но и в ряде ссузов и вузов РБ. Татарские отделения работают в Башгосуниверситете, Башгоспедуниверситете, Стерлитамакском, Бирском педвузах, ВЭГУ и 6 педучилищах и колледжах. Татарский язык является языком обучения и воспитания в 462 детских садах для более 13 тыс. детей татарской национальности. В вузах и Академии наук ведутся научные исследования по татарскому языку, литературе и этнографии. Осуществляются на нем радио и телепередачи, издаются книги, газеты (более 30 названий) и журналы, проходят концерты и театральные представления.

Сегодня в школах республики обучаются 169 тыс. детей башкирской национальности. Из них в 854 школах получают образование на родном языке более 69 тыс. (41,1%). Кроме того, родной язык как предмет изучают в 1132 школах 68 тыс. учащихся (40,3%). Таким образом, более 80% учащихся башкирской национальности изучают свой родной язык.

В 255 школах Зауралья обучаются 38 705 учащихся башкирской национальности. Из них 24 620 (62%) получают образование на родном языке. В Республике Башкортостан из 163 тыс. детей башкирской национальности 66,5 тыс. (40,8%) получают образование на родном языке в 849 школах. Нерусские учащиеся, изучающие свой родной язык, составляют 39 012 человек — 90% (в Абзелиловском районе — 97,3, в Баймакском районе — 95,7, Зилаирском районе — 92,8, Учалинском районе — 81, Хайбуллинском районе — 92,5, г. Сибай — 82,7%), по республике — 66,2%, или 273 569 учащихся. Кроме того, башкирский язык как предмет изучают в 79 школах еще 73 805 учащихся — 37%. В общей сложности в настоящий момент родной язык изучают 100% учащихся башкирской национальности³.

Как показывают исследования, выбор того или иного языка в качестве родного может носить для определенной части башкир больше символическое значение, чем функциональное. Это характерно примерно для трети опрошенных. Ими выбирался родным язык своего народа даже в том случае, если уровень вла-

дения им был невысок. Отношение к родному языку здесь скорее показатель этничности индивида⁴.

В ходе исследования установлено, какие языки преимущественно используют народы Башкортостана в своей повседневной жизни. Рассматривались две основные сферы жизнедеятельности — работа и дом. Опрос показал, что среди башкир и татар наблюдается явное доминирование русского языка как основного средства общения. При этом у татар это выражено гораздо сильнее, чем у башкир. Общаются на русском языке со своими коллегами 42,5% башкир и 61,3% татар. В то же время среди башкир достаточно сильно представлены лица, использующие язык своего народа и русский язык одновременно — 26,7%; у татар их несколько меньше — 17,6%. Общаются на работе только на языке своего народа 14% башкир и 7% татар. В семейной, частной сфере опрошенные гораздо чаще используют родной язык. Разговаривают только на языке своего народа 36% башкир и 21,5% татар⁵.

Обращая внимание на обязательность модернизационного компонента в этноязыковом и этнокультурном развитии, Д.Ж. Валеев подчеркивал, что в нравственной жизни ведущей тенденцией развития духовной культуры выступает интернационализация, которая происходит под влиянием интегрирующих процессов в экономике, унификации форм досуга, образования и средств массовой информации. Этим положением ученый предостерегает своих коллег от упрощенного понимания проблем возрождения и развития башкир, призывает свой народ шагать в ногу со временем.

Считая знание языков, прежде всего родного языка, проявлением высокой духовности и нравственности, нельзя не видеть одновременно наличие языкового нигилизма среди наших соплеменников. Д.Ж. Валеев считал это явление отчуждением от самого себя, от своей духовно-нравственной сущности. На его взгляд, сохранение языка тесно связано с нравственной силой его носителей, состоянием духовных устоев семьи, культурно-нравственным воспитанием и этнокультурным потенциалом родителей⁶.

Суть нынешнего исторического периода заключается в том, что постепенно прекращают

действовать многие социальные механизмы советского этапа развития башкирского народа, а также краткого, но весьма значимого этапа «суверенитета РБ в составе РФ», и начинают действовать противоположные тенденции: позитивные, связанные с общим повышением самосознания и социальной активности башкир, связанные с консолидацией народа, и негативные, связанные с недостаточной пока еще адаптированностью этноса к реалиям модернизации и обновления общественной жизни. Но понять и проанализировать сочетание различных факторов, а тем более попытаться повлиять на него, возможно лишь на новой теоретико-методологической основе.

Надо исходить из того, что в традиционных обществах в постсоветский период одновременно идут два процесса: модернизация и трансформация, означающие, с одной стороны, ускоренный переход от преимущественно аграрного общества к индустриальному, от него — к постиндустриальному, информационному (модернизация), а с другой — стратегию создания новых общественно-политических структур (трансформация).

Движение различных обществ к современности в науке плодотворно анализируется и объясняется понятием «модернизация». Модернизировать (фр. *Modernizer* — *moderne* — современный) — значит делать современным, изменять соответственно требованиям современности, вводя различные усовершенствования⁷. Это синоним всех прогрессивных социальных изменений, когда общество движется вперед соответственно принятой шкале улучшений.

Надо также разобраться с другими понятиями, которыми мы часто оперируем при определении целей национального развития, формировании государственных программ, связанных с возрождением, сохранением, развитием этноса.

Стратегия «сохранения», на наш взгляд, представляет собой традиционный консервативно-прагматический вариант осмысления перспектив развития башкирского народа в XXI веке, где акцент делается на безусловное сохранение и лишь на определенное совершенствование его сложившихся в настоящее время менталитета, культуры и образа жизни

ни в условиях изменяющегося мира. Соответственно, основное внимание обращается на село, как на «источник национального бытия», на традиционные занятия и образ жизни, сохранение языковой среды без учета потребностей и интересов развития их основных носителей — башкир. Нередко особые надежды в плане сохранения этнонациональной идентичности и демографического благополучия возлагаются на исламскую религию.

Бесспорно, элементы целенаправленного сохранения и поддержки определенных сторон традиционной национальной культуры и религиозных традиций необходимы. Однако превалирование «охранительного» подхода, отказ от урбанизации и модернизации может привести нацию в трайбализм, в своеобразную тупиковую историческую нишу, где можно существовать неопределенно долго за счет отказа от исторического будущего (подобно некоторым малым народам, ведущим «традиционный образ жизни» или замкнутым религиозным общинам). Полагаем, что в национальной культуре и образе жизни что-то исчезает и меняется, вопрос лишь в степени и наличии восполнения несохраненного позитивным изменением, являющимся основой для развития и саморазвития.

Попытки буквального восстановления ушедших реалий не только бесперспективны, но могут и усиливать сегментацию народа, порождать конфликты и неисполнимые надежды и ожидания. К подобным случаям относятся идеи возрождения древнего тэнгрианства вместо ислама; мифические абстрактные рассуждения о древности нашей истории вне реальной связи с этапами и особенностями развития мировой цивилизации; предложения восстановить и сохранить «вотчинное право» на владение землей в условиях рынка (вместо поиска современных правовых механизмов предупреждения обезземеливания сельчан) и т. п.

Акцент лишь на охранительные функции государственности башкирского языка, на наш взгляд, также сужает общественную сферу его применения. По большому счету, свойство государственности языка коренного народа — это его конституционное свойство, подтвержденное Конституцией России и законодательством

республики. Поэтому знание указанного языка наряду с русским языком для граждан, проживающих в Республике Башкортостан, является обязанностью. Если для общения достаточен разговорный язык, то для таких сфер как национальная культура, искусство, СМИ, образование, а также государственная и муниципальная служба, торговля, оказание различных услуг, включая здравоохранение, ЖКХ, транспорт, информационную службу, квалифицированное знание государственного языка есть должностная обязанность. Законы и подзаконные акты должны в будущем определять эту степень квалифицированных требований и устанавливать стимулы поощрения к его изучению.

Краткий анализ языковой ситуации показывает, что в этой сфере еще немало проблем. Если их рассмотреть с точки зрения саморазвития и модернизации этноса, то выявляются следующие тенденции:

1. Модернизационные процессы (переход к рынку, демократизация общественной жизни, включая сферы, связанные с функционированием родных языков, постепенное ослабление патронажа государства над процессом этнонационального развития) все сильнее проникают в этноязыковую среду, вовлекая носителей языка в общеглобализационные процессы. Результатом этого является сужение сферы функционирования родных языков. После небольшого роста численности учащихся, изучающих родные языки, растет число юношей и девушек, выбирающих русский язык или двуязычие в русско-национальном варианте, сокращаются тиражи национальных газет и журналов и, самое главное, уменьшается количество носителей родного языка среди детей и молодежи.

2. Указанные серьезные перемены в этнолингвистической сфере требуют привлечения внимания самих носителей родного языка к этим проблемам. Саморазвитие этноса должно базироваться не только на государственной поддержке, но и на самореализации этноса, на овладении родным языком в полной мере в семье, а затем — в других общественных сферах (школе, вузе, общественно-производственной среде). Языковая экология и сохранение языковой идентичности требуют,

чтобы проблемы функционирования языка решались комплексно — с участием семьи, государства, органов местного самоуправления, общественных объединений и других институтов гражданского общества.

3. Свойство государственности башкирского языка требует коренного изменения отношения к нему. Носители этого языка — башкиры должны знать свой родной язык не хуже других этносов, почти поголовно обладающих родным языком. Для этого нужно поднять роль семьи и национальной школы в обучении языку. Граждане других национальностей могут изучать государственные языки в той мере, в какой это нужно для совместного проживания и сотрудничества, той или иной профессии, деятельности, сферы приложения труда, которые выбираются человеком в практической деятельности и жизни.

4. Процессы глобализации и модернизации требуют коренного пересмотра и обновления всей системы семейного воспитания и школьного образования, среды общения носителей языка. Необходимо ускоренно осуществить компьютеризацию и интернетизацию указанных сфер и превратить их в современную целостную единую систему, в которой главным пользователем является не абстрактный гражданин, а конкретный носитель, имеющий языковую и этническую идентичность. Это означает, что следует создать новый виртуальный мир интеллекта и духовности, органически сочетающий богатые традиции народов и глобальные перемены и проекты.

5. Дву-, триязычие становится не только потребностью, но и отличительной чертой общей и профессиональной подготовки каждого жителя многонациональной республики. Это предполагает не продолжение бесконечных дискуссий на тему «изучать или не изучать башкирский язык» и политизацию этого процесса, а требует разработки системы мер по организации обучения государственным языкам всех, кто живет и работает в республике.

У башкирского народа огромный потенциал развития и саморазвития. Об этом свидетельствуют факты организации снизу, на уровне сельских поселений и органов местного самоуправления движений «за трезвый образ жизни», новые формы деловой активности на

селе, стремление определенной части сельского населения самой ставить и решать со всем этносом проблемы социальной экологии, здорового образа жизни и эффективного труда. Башкирская семья обладает самым высо-

ким потенциалом рождаемости среди других народов. Это очень важный потенциал развития, который может стать надежной основой не только для самосохранения этноса, но и его саморазвития и модернизации.

¹ Ватандаш. 1998. № 11. С. 30–32.

² Искужина Н.Г. Языковая ситуация в районах Зауралья Республики Башкортостан. Уфа, 2008. 216 с.

³ Там же. С. 15.

⁴ Хилажева Г.Ф. Язык и этничность в Башкортостане // Информационно-аналитический бюллетень, 2012. С. 62.

⁵ Там же. С. 65.

⁶ Валеев Д.Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение. Уфа, 1993.

⁷ Словарь иностранных слов. 13-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1989. С. 326.

УДК 32(470)

БАГАЕВА Алиса Валерьевна,

кандидат социологических наук, старший преподаватель
кафедры социологии международных отношений
социологического факультета Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова
e-mail: багаева@socio.msu.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье поднимается актуальная для России проблема и других стран проблема влияния национальных и федеративных на готовность участвовать в региональных интеграционных проектах. Эта проблема имеет теоретические сложности, связанные с новизной специальности, а также практические, в которые проявляется весь потенциал конфликтного развития разных регионов.

Ключевые слова: национальные отношения, федеративные отношения, региональная интеграция, конфликт, национализм.

Задача формирования комплексного видения проблем национального, федеративного и регионального развития имеет значимость для всех стран, где есть выраженные региональные отличия их частей, ибо эти отличия часто основаны не на природных условиях, а на факторах социокультурного и политического порядков. Обращение к истории возникновения таких различий позволяет, с одной стороны, почувствовать их глубину, а, с другой стороны, найти в прошлом тот опыт, который может быть полезным в решении современных проблем, особенно тех, что вытекают из предыдущей исторической практики государственного строительства в целом, но в последующем достаточно регулярно воспроизводились на региональном уровне.

Значимость такого ракурса соединения вопросов национального, федеративного и регионального развития возрастает по мере усиления не только региональной, но и глобальной взаимозависимости, когда уже на общемировом уровне проявляется немалая их часть. Это говорит о возможности разделить вопросы национальных и федеративных отношений на те, которые могут быть решены, во-первых, лишь при учете совокупного опыта региональной политики различных государств, а, во-вторых, только на основе всестороннего теоретическо-

го освещения принципиальных аспектов возможностей, открывающихся в региональном развитии по пути интеграции в значимых сферах социально-экономической, политической, культурной жизни.

Поскольку в любом случае речь идет о вариациях пространственного анализа, то можно выделить три политических измерения пространства, в частности, предложенных известным российским юристом, специалистом по теории государственного управления А.Б. Венгеровым¹. Во-первых, подход к пространству как предпосылке. Такое измерение включает в первую очередь территориальные размеры региона, на котором которой существуют и в случае необходимости защищаются проживающие на нем народы. А также это измерение отталкивается от исторически сложившихся цивилизационных координат, немыслимых без учета эволюции природных особенностей региона, его ландшафта, специфики почвы, климата.

Во-вторых, понимание пространства как цели. В этом случае получает развитие новое направление, которое называют региональной геополитикой. Ее объектом становятся отдельные регионы государства, которые обладают местным геополитическим кодом. Без его учета сложно выстраивать политику по

предотвращению потенциальных региональных конфликтов на этно-национальной или этно-конфессиональной почве. Однако, на наш взгляд, важно видеть отличия этих двух измерений пространства — его понимания как предпосылке и как цели. В первом варианте пространство региона статично, что определяет особенности политико-правовой организации общества. Во втором пространство региона выступает целью самой политики, осуществляемой на нем. Поэтому необходимо выделять различия не только в региональных интересах, но и в региональных идентичностях, без чего эти интересы реализовать становится затруднительным делом.

Есть и еще одно измерение пространства как среды. Такая ипостась регионального пространства в политическом плане проявляется через действующие на нем политические институты: партии, политические движения и иные общественные организации и объединения, церковь, средства массовой информации, трудовые коллективы, а также через политические нормы и нравы, властные или договорные связи. Здесь же анализ региона как политической среды немыслим без внимания к вопросам конфронтации политических акторов, их конфликтам, сотрудничеству.

Необходимо подчеркнуть близость перечисленных выше измерений регионального пространства к тем основополагающим парадигмам региональных исследований, на которых сосредоточено внимание исследователей национальных и федеративных отношений. При этом справедливой представляется постановка вопроса, почему научный интерес к изучению зарождающихся на региональном уровне идей, политических и экономических объединений, технологий политического позиционирования региональных достижений и т.д. пока не привел к выработке необходимой для всестороннего анализа региональной политической специфики теоретической платформы, которую мы видим в исследовании глобальных процессов и глобальных проблем. Возможно, некоторые сложности лежат в тесном соприкосновении предметных полей двух научных дисциплин — политической регионалистики и этнополитики. Из-за порой запутанного взаимопроникновения не только тематики,

но также идей, концепций, исследователи, обращаясь к региональной политической проблематике, вынуждены вести работу преимущественно в пределах, определяемых парадигмальными рамками, которые отражают факторы внутренней политизации современных этносов и сущность процессов их втягивания в региональные и международные процессы, в первую очередь, за счет учета и использования в государственной политике этнической специфики.

Перекося теоретического баланса в сторону этнополитики объясняется тем, что, изучая вопросы региональной интеграции, ученые находятся под влиянием той части ее наиболее проработанной концептуальной базы, которой являются теории экономической интеграции. Поэтому с учетом экономической специфики в центре внимания авторов оказались вопросы функционирования институтов межгосударственной интеграции, стратегий, форм и технологий их деятельности, реакции на изменения внешнеэкономической среды. А вот роль социокультурных факторов, включая национально-культурные, и факторов политических, обуславливающих действенность интеграционных скреп на региональном уровне не получила должной теоретической базы. Поэтому процессы региональной интеграции, все интенсивнее охватывающие современный мир, разные народы, живущие в различных государствах, следует осмыслить как единый блок политических, социально-экономических, этно-культурных изменений, происходящих благодаря трансформации политических механизмов управления, отражающих эволюцию национальных и федеративных отношений.

Постоянные изменения в политической деятельности всех старых и новых акторов регионального развития можно считать закономерностью. Ее сформулировал немецкий философ Карл Ясперс, именем которого назван Центр перспективных транскультурных исследований при Гейдельбергском университете, предчувствовавший будущее движение к сближению национальной политики с региональной и глобальной, Ясперс писал, что «сегодня государственный муж имеет перед глазами весь Земной шар, а каждое важное решение принимается в горизонте того, что на земле ощу-

щается как власть», а далее, что «в полной мере дома находится лишь тот, кто испытал... и сохранил себя во всем мире»². Этим он подчеркивал императив эффективного регионального развития, означающий зависимость регионального политического сознания и регионального политического поведения от того, насколько четко позиционирует себя регион в глобальном мире, заботится не только о том, чтобы сохранить и проявить свою региональную идентичность, но и застраховаться от глобальных рисков, являющихся неизбежными спутниками глобальных социально-политических процессов.

То, что такой ракурс начинает постепенно осознаваться в середине прошлого столетия, можно считать потребностью более широкого пространственного видения, отражающего новые интеграционные реалии. Вероятно, ответом на такие процессы стало учреждение в 1956 году Уолтером Айзардом Регионального научно-исследовательского института (*Regional Science Research Institute*) в Пенсильвании (США), а с 1958 года стал издаваться «Журнал региональной науки» (*Journal of Regional Science*). У. Айзард и его ученик Т. Райнер считали, что региональная наука — это новая область общественных наук, которая «делает упор на изучение пространственного аспекта человеческой деятельности и его значения для понимания общественного поведения и общественных форм. Цель этого изучения — выявление пространственных взаимосвязей не только между людьми и их деятельностью, но и между людьми и естественной или преобразованной географической средой»³. Публикация их статьи в Новосибирске в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР говорит об интересе региональных научных организаций СССР к данной проблематике.

В то же время можно констатировать, что более чем полувековой разрыв в активной разработке предметного поля политической регионалистики в России и на Западе привел к тому, что до сих пор нет устоявшейся позиции по определению содержания понятия «регион». При множестве подходов их можно очень условно свести к тому, что отличительными чертами региона выступают единство, взаи-

мосвязанность составляющих его элементов, целостность, как объективное условие и закономерный результат развития данной территории. Но, во-первых, в каждой области знаний сформировались приоритеты тех или иных регионообразующих элементов (факторов), а, во-вторых, понимание под регионом разноплановых, разнофакторных и разнофункциональных образований в сочетании с бурным процессом образования новых регионов еще больше затрудняет их идентификацию.

Российская Федерация переживает период, когда трансформируются не только концепция управления регионами и региональная политика, но и реформируются различные составляющие управленческой вертикали. В этих условиях проблема нахождения баланса в отношениях Центра и регионов требует такого решения, которое бы опиралось и на потребности практики регионализации, российской и с учетом международного опыта, а также исходило из достижений научной мысли, которая в последние десятилетия активно проявляется именно на поле региональных изысканий. То, что такие разработки являются частью моделей пространственного развития, национальных и федеративных отношений позволяет связать изучение региональных особенностей развития, выявить сущностные черты федералистского типа регионализации по сравнению с региональной сетью унитарного государства, прочувствовать специфику процессов выработки и принятия политических решений на региональном и субрегиональном уровне.

Анализ национального и федеративного наполнения содержания понятия «регион» имеет несомненное теоретико-методологическое и прикладное значение для понимания политических процессов, в том числе для исследования проблем экономического и политического развития Российской Федерации, для обеспечения ее национальной безопасности. Кстати, такое понимание региональных вопросов нашло отражение в новой Концепции внешней политики Российской Федерации (2013).

С учетом того, что приоритетом в ней названы отношения со странами постсоветского пространства, интерес вызывают те сложности взаимоотношений на межэтнической почве, которые можно считать препятствием для

интеграции стран СНГ, которые превращают евразийскую идею в мираж⁴. Например, обострение ситуации в узбекском анклав, неподалеку от города Ош на юге Киргизии. Можно вспомнить резню в Оше в 2010 г., когда, по неофициальным данным, погибли тысячи человек, в основном, местные узбеки. Киргизские и узбекские пограничники следят, чтобы обстановка не вышла из-под контроля. Непростые отношения и у Узбекистана с Таджикистаном, что проявилось в отказе Ташкента продлить договор с Душанбе о поставке узбекского газа. Для Таджикистана это означает зиму без тепла и света. Проблемы, мешающие нормальному диалогу сторон, характерны для всего Центрально-Азиатского региона. Одной из них является дефицит воды летом. Зависимость Узбекистана, Казахстана и Туркмении, расположенных в низовье Сырдарьи и Амударьи — основных водных артерий региона, от находящихся в верховье Киргизии и Таджикистана, эту проблему усугубляет. Существуют каспийские разногласия — стран Центральной Азии и Азербайджана. Споры о разделе дна Каспия не урегулированы Баку и Ашхабадом. Все это затрудняет интеграцию стран СНГ. Сложности интеграционного плана имеются и в западной части СНГ. Есть территориальные неувязки у Украины с Молдавией, на что обращают внимание находящиеся у власти молдавские партии праворадикального толка. Например, на неофициальном уровне в Кишиневе, а на официальном в Бухаресте указывают, что пакт Молотова–Риббентропа «отписал» Украине Белгород-Днестровский (старое название Четатя алба — Белая крепость), некогда принадлежавший Молдавии, в бытность ее частью Румынии, а также Буковину. Также заметно, что Украина и Белоруссия делят рынок, а не территорию, что проявляется в периодически возобновляемых торговых войнах. К сожалению, на пространстве СНГ не только не наблюдаются те многосторонние интеграционные процессы, продвижение которых Россия определила как приоритет своей внешней политики, но нет двусторонней интеграции, которую, по сути, заменила двусторонняя торговля. Это усложняет достижение целей Таможенного союза, не говоря уже о целях союза Евразийского. Следует понимать, что региональная интеграция пред-

полагает гораздо большее сотрудничество, чем возможно в результате направления потока мигрантов из этих стран в Россию. А в связи с тем, что на постсоветской площадке активно действуют такие внешние игроки, как ЕС и Китай, который, например, не отталкивает некоторых партнеров, опасаящихся идеи интеграции, ее евразийские перспективы становятся все более туманными.

Возникают сложности, происходящие из непростого видения национальных отношений, и в европейской интеграции, когда, например, правые националистические партии, действовавшие отдельно друг от друга и сосредоточенные на национальных проблемах, отвергая интеграцию в ЕС и ослабление суверенитета своих стран, решили объединиться для совместного прохождения в Европейский парламент. Такого соглашения достигли лидеры голландской Партии свободы Герт Вилдерс и лидер «Национального фронта» Франции Марин Ле Пен, которая заявила, что «время, когда патриоты были разобщены, кончается»⁵. А Вилдерс уточнил, что в скором будущем ультраправые намерены изъять у руководящих органов ЕС основные полномочия по контролю над национальными экономиками континента. Правда, националистическое объединение не охватывает все европейские партии такого толка, пока британская Партия независимости Соединенного Королевства (UKIP) во главе с Найджелом Фараджем не присоединится к альянсу. Но надежды на объединение усилий с британскими крайне правыми могут появиться после выборов 2014 года. Для формирования нового блока в Европарламенте потребуется как минимум 25 депутатов от семи государств — членов ЕС. Среди потенциальных партнеров правых — австрийская Партия свободы, итальянская «Лига Севера», бельгийский «Фламандский интерес», «Шведские демократы» и датская Народная партия. Создание фракции в Европарламенте позволит ее членам рассчитывать на субсидии ЕС и места в парламентских комитетах, а это, в свою очередь, даст им возможность более активно продвигать националистические идеи в других европейских интеграционных структурах.

Свои особенности соединения проблем национальных и федеративных отношений мож-

но увидеть и на беспокойном Ближнем Востоке. Крупнейшая курдская партия Сирии «Демократический союз» объявила о планах по созданию переходного правительства в курдских районах на северо-востоке страны⁶. Номинально новая администрация должна функционировать до конца гражданского конфликта, заполняя вакуум власти, однако, такой шаг может быть сигналом движения сирийского Курдистана к автономии. Курдские области населяет пестрый этнический и конфессиональный состав. Пока решено создать переходный совет, для чего регион разделят на три области, в каждой будет собственный совет, представленный в генеральном совете. Последний должен следить за составлением местных законов о выборах и подготовкой всеобщих выборов, а также заниматься политическими, экономическими и военными делами, вопросами безопасности. Не исключено, что сирийские курды получат Конституцию. Проект получил благословение полуавтономного курдского регионального правительства Ирака. А поскольку желания и цели у всех курдских партий совпадают, как считают эксперты американского сайта по проблемам Ближнего Востока Al-Monitor, то чтобы заполнить административный вакуум, с которым столкнулась Сирия, необходимо создать переходную, плюралистичную, демократическую администрацию. Что касается именно ее переходного характера, то есть признаки, что автономная администрация сохранится и по окончании войны, вне зависимости от того, кто в ней победит. Таким образом, курды при завершении гражданского конфликта получают возможность расширить свою автономию и приблизиться к тому статусу, которого добились курды в Ираке. Сирийскими курдами провозглашено следующее: «Курдский народ будет править собой демократично наряду с другими этническими меньшинствами в регионе»⁷. Такое движение к автономии и возможной федерализации не нравится арабским боевикам, которые ведут с курдами борьбу за влияние на северо-востоке Сирии. Курдские отряды Сил самообороны народа выбивают из сирийского Курдистана повстанцев-исламистов, прежде всего группировки «Исламское государство Ирака и Леванта» и «Джебхат ан-Нусра», одержали несколько

побед, позволивших им объявить о контроле над территорией и создании администрации.

Конечно, нельзя на Сирию экстраполировать ливийский сценарий федерализации, где стремление ряда политических сил перейти к федеративному устройству обусловлено историческим контекстом, когда в 1951 году, после получения независимости, Соединенное королевство Ливия было основано как федерация трех исторических провинций: Киренаики (Барка), Триполи и Феццан. Централизованное управление Ливией возникло только в конце правления короля Идриса и укрепилось после прихода к власти в 1969 году. Муамара Каддафи. В Сирии вместо исторических истоков федерализации имеются истоки этнические. А они в своем развитии провоцируют гораздо больше конфликтных ситуаций, которые, будучи неурегулированными, чаще всего являются препятствием региональной интеграции.

Все приведенные выше примеры соотношения национальных, федеративных и региональных интеграционных проблем в разных частях мира свидетельствуют не просто о наличии такой связи, а том, что любой интеграционный проект должен быть созвучным и интересам власти, и видению обществом его безусловных перспектив. Что касается России, то можно обратиться к опубликованным в мае 2013 г. результатам исследования «Российское идеологическое безвременье в зеркале социальных медиа», говорящим о том, что общество разделилось на четыре идеологических группы: либералов, левых, националистов и сторонников действующей власти⁸. Эмиль Паин, руководитель проекта, отметил, что такое разделение российского общества можно считать свершившимся фактом. В массовом Интернете («ВКонтакте») идеологическая направленность групп узнаваема уже по названию: «Я русский», «Наша Родина — Советский Союз», «Коммуна» и т.п. Анализ Facebook и Twitter показал, что здесь уже во всех идеологических течениях появляются своеобразные элитарные ячейки, способные усложнять политическое дробление. Элитарный уровень левых, например, разделился на убежденных ксенофобов и защитников разного рода меньшинств». По словам Паина, суще-

ствуется ряд признаков, общих для всех четырех течений. Во-первых, негативная консолидация преобладает над позитивной — «если мы дружим, то только против кого-то». Во-вторых, нарастает недовольство: ни одна из идеологических групп, включая провластную, не удовлетворена текущим положением дел, а нынешнюю власть оценивает как меньшее из зол. В-третьих, во всех группах преобладает скепсис в отношении позитивных перемен. Все это исследователи посчитали важнейшим признаком безвременья, когда настоящее безобразно, а будущее бесперспективно. А вот то, что наибольшую способность и готовность к самоорганизации проявили левые и националисты,

говорит об угрозе того, что лидерами политической гонки в России могут стать «идеологические мутанты, возникшие из сочетания ксенофобного национализма и левого социального популизма», чье появление «вызвано запросом снизу»: единственной идеей, оказавшейся общей для массовой аудитории всех четырех групп, оказалась именно ксенофобия⁹.

Способна ли такая Россия быть локомотивом региональной интеграции? Ясно, что ответ будет отрицательным. И это также может служить доказательством того, что прежде, чем приступать к региональной интеграции, необходимо иметь устойчивую картину национальных и федеративных отношений.

¹ Венгеров А.Б. Политическое пространство и политическое время (опыт структурирования понятий) // *Общественные науки и современность*. 1992. № 6. С. 49–63.

² Jaspers K. *Weltgeschichte der Philosophie. Einleitung*. Aus dem Nachlass. Hrsg. von Hans Saner. München / Zürich, 1982. S. 69.

³ Айзард У. Региональная наука. Ход и перспективы ее развития / У. Айзард, Т. Райнер // *Региональная наука о размещении производительных сил*. Новосибирск: Наука, 1968. С. 17.

⁴ Россия рискует «заболтать» основной приоритет // *Независимая газета*. 2013. 1 июля.

⁵ Националисты ЕС решили освободить Европу от «брюссельского чудовища» [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/politics/14/11/2013/888569.shtml>

⁶ Цирлюк Д. Сирийский Курдистан шагнул к автономии // *Независимая газета*. 2013. 14 нояб.

⁷ Там же.

⁸ Эксперты: Россия распалась на четыре идеологических группы [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/politics/13/05/2013/857270.shtml>

⁹ Там же.

УДК 32(470)

БОЛТЕНКОВА Любовь Федоровна,
доктор юридических наук,
профессор кафедры национальных и федеративных отношений
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: kafedra-nifo@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «РУССКОСТЬ»

Автор, анализируя научную литературу, политико-правовые источники, публицистику, информацию в СМИ, приходят к выводу, что «русскость» — явление не только из сферы этничности.

Ключевые слова: русскость, русский, Русская земля.

Вопросы «русскости» занимают лучшие умы России, и не только, с давних времен, можно сказать, с появления русских на Новгородской земле. До сих пор единственного, всеми принятого ответа, на этот вопрос не найдено. Тем более, невозможно его решить в рамках статьи, но авторскую позицию можно высказать, что нами уже сделано в аннотации. Ниже — аналитико-доказательная база. Начнем с недавних событий, как иллюстрации «живучести» проблемы, затем обратимся к прошлому.

Из недавних событий — работа XVII Всемирного народного Собора, состоявшегося в октябре — ноябре 2013 г. в Москве. На нем звучала мысль, что слово «русский» уже давно обозначает не столько этничность, сколько культурную, цивилизационную и духовную принадлежность¹.

Почти одновременно, 28 октября 2013 г., состоялась конференция «Соотечественники и их вклад в мировую культуру». Соотечественники — это почти 30 млн человек, живущих за пределами России, в рассеянии, корни которых в нашей стране. Они, по сути, составляют «вторую» Россию. Этнически они — разные, но любовь к России, происхождение российское, «делают» их русскими. 175 делегатов из 79 стран мира и 70 человек из России² собрались, чтобы поговорить о расширении возможностей и сфер применения своего гуманитарного влияния на мировые процессы.

Напомним слова В.В. Путина в статье «Россия: национальный вопрос»³ о том, что историческая Россия — не этническое государство,

а задача русских: всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему, лучших вовлечь в государственное и культурное строительство, — быть скрепляющей тканью уникальной цивилизации. Самоопределение русского народа, — говорит В.В. Путин, — это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром. Представители не одного десятка народов, проживающих в России, считают себя русскими, оставаясь этнически нерусскими. Этнически они себя не забывают, но это не мешает им быть и считать себя русскими. Еще Ф.М. Достоевский говорил о русских армянах, русских азербайджанцах, русских немцах, русских татарах, русских украинцах, русских поляках и т. д. А миссию русских он видел в объединении, скреплении через культуру, язык, «всемирную отзывчивость». И сегодня с полным основанием можно констатировать правоту Достоевского. Например, финал Международного конкурса «Лучший учитель русской словесности зарубежья», проведенного в рамках реализации российской федеральной целевой программы «Русский язык на 2011–2015 годы» (инициатор — Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) выявил 15 победителей первого заочного тура, в числе которых Илаха Джаргиева из Баку. Всего же в конкурсе участвовало около 300 учителей русской словесности из 15 стран «ближне-

го зарубежья»⁴. «Мы не хотим потерять наше национальное богатство — русский язык», — сказал представитель гагаузов, проживающих в Республике Молдова российскому журналисту⁵. Как видим, русскость остается притягательной силой и после распада Империи, и после распада СССР. Меняются формы — суть остается. Сущность мы видим в том, что наряду с этничностью — подсознательном ощущении индивида в принадлежности к определенному этносу⁶ — у людей формируются рычаги осознанного выбора русского элемента. Отсюда — русские азербайджанцы, русские евреи и т. д. Слово «русские» в данном случае даже нет необходимости брать в кавычки.

Это явление наблюдается в истории России изначально. И чем длительнее представители конкретного этноса находятся в этом процессе, тем больше «шансов», что они «переходят» в русских. Так сформировался исторически не один род русских из татар, азербайджанцев, грузин, поляков, литовцев и др. Можно сказать, что каждый русский — результат смешения десятка «кровей». В таком случае говорить только об этничности русского — сложно. Видимо, такое происходит с народом (не в смысле этносом), когда в качестве эволюционного механизма выступает (превалирует) рассеивающий отбор, противоположный отбору стабилизирующему. Первый — центробежен, второй — центростремителен. Не случайно русские не любят «сидеть на месте»: освоили одну территорию — двинулись дальше, и так — 1/6 часть Света (в недавнем прошлом и юридически). Внутренне присущее русскому человеку стремление к движению, требует в целях государственности установления бюрократически (демократически) централизованного аппарата, своего рода, «узду». С другой стороны, миссия втягивания в свое энергетическое поле по ходу движения (рассеянии) различных этносов требует применения методов согласия, добровольности, гуманности, открытости, справедливости, терпимости и т. д. — из этого ряда ценностей. Мысленный обзор истории России позволяет утверждать о наличии двух тенденций: централизации — децентрализации (в том числе, в форме федерализации). Происходит как бы вечное состязание между стремлением русского человека к простран-

ству и его государственному закреплению. Так сложилась Империя, существовал СССР, образовалось СНГ, развивается «Русский мир». Все происходит, примерно, по схеме Н.А. Бердяева, который писал: «Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей... Противоречивость и сложность русской души, может быть, связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Восток-Запад, она соединяет два мира»⁷. Следовательно, русский человек отличается государство-аппарат от Государства-Отечества, во-первых, и надэтничен, во-вторых, возможно, надцивилизационен (формирует свою цивилизацию), в-третьих. Важно то, что такие свойства (черты) русскости становятся присущими тем представителям других народов, которые попадают в русское энергетическое поле, вовлеченными (включенными) в «русский мир». Косвенно эта мысль перекликается с тем, что сказал В.В. Кожин: «Евразийским народом является именно и только русский народ; остальные народы, населяющие Россию, — это в основе своей либо европейские, либо азиатские народы, обретающие евразийские черты лишь в «магнитном поле» России. И если они оказываются за пределами этого поля, они утрачивают евразийский характер и постепенно опять превращаются в собственно европейские или же азиатские... Евразийское существо русских обусловило не только те или иные их „достоинства“, но и — равным образом — „недостатки“, в частности, очевидную „неопределенность“, аморфность и разного рода „комплексы неполноценности“, которые, между прочим, выразились как в русском западничестве, так и в славянофильстве»⁸. Часто обращались к проблеме русскости П. Сорокин⁹, В.В. Розанов¹⁰, В.О. Ключевский, С.Н. Булгаков, Н.Ф. Петрушевский и др. Из произведений этих авторов мы выводим такие качества русскости, как: терпение, этническое разнообразие (смесь индоевропейских, азиатских, урало-алтайских, монгольских, турецких, финских элементов), внешняя покорность, молчаливость, «уход» в себя, де-

ловитость, смекалистость, «неклубность», своенравность, расточительность, «широта» души, отважность до безрассудства, сочетание с умением напрячь все силы для решения поставленной задачи с неоправданной беззаботностью, безделием; отсутствие тяги к равномерному, постоянному, размеренному труду; соборность, умение работать дружно большими союзами, массами; в то же время обладание умением работать в одиночку, молча. Русскому человеку нужны препятствия, опасность, даже неудачи. Подчас ему бывает тяжело с достоинством выдержать успех, то есть легче свершить великое, чем освоиться с мыслью о величии. Из вышеназванного «набора» русскости, с одной стороны, есть выбор для каждого этноса, с другой стороны, этот «набор» сложился исторически, в результате взаимодействия с множеством этносов. На «выходе» процесса

получается как бы всечеловек, создание, о котором говорил не только Ф.М. Достоевский, но и древние философы, политики и последующие их продолжатели. К примеру: «Я — гражданин мира», — говорил Сократ¹¹. Марк Аврелий говорил: «Мое государство, мое отечество, как Антонина, есть Рим; но поскольку я человек, мое отечество — мир»¹². Цицерон рассматривал Вселенную как общее государство богов и людей. Демокрит писал о «мудром человеке с хорошей душой», для которого отечество — весь мир¹³. Речь идет о том, в частности, чтобы заботиться обо всем мире, как о своем, частном, государстве, ибо Вселенная, по мысли древних, — совокупность частных государств.

Хотелось бы верить, что русскость — это и есть мудрость в сочетании с хорошей душой. А это — не только и не столько этничность.

¹ См.: Российская газета. 2013. 1 нояб.

² Там же. 2013. 29 окт.

³ «Независимая газета». 2012. 23 янв.

⁴ Алиева Г. Учим от души // Российская газета. 2013. 26 нояб. № 266 (6242).

⁵ Молдавия оказалась на грани раскола // Вести. Россия 1. 20-часовой выпуск. 27 ноября 2013 г. [Электронный ресурс] <http://www.vesti.ru/videos?vid=557168&cid=58>

⁶ Государственная национальная политика и управление этнополитическими процессами: учебно-методический комплекс / под ред. В.А. Михайлова. М.: РАГС, 2009. С. 45.

⁷ Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. М., 2000. С. 4–5.

⁸ Кожин В.В. О евразийской концепции русского пути // Русская цивилизация. М., 2000. С. 131–132.

⁹ Питрим Александрович Сорокин (1889–1968) — социолог с мировым именем, русский эмигрант. Бывший лидер правого крыла партии эсеров. После Февральской революции 1917 г. — секретарь А.Ф. Керенского и главный редактор газеты «Воля народа». С 1920 г. — профессор Петроградского университета. С 1922 г. — после высылки из страны, — в эмиграции (с 1923 г. — в США).

¹⁰ Розанов Василий Васильевич (1856–1919) — замечательный русский мыслитель, внесший весомый вклад в изучение России, национальной психологии и нравов, ее народа, сложных проблем межнациональных отношений в нашей стране. «Читайте Розанова, — завещал М.М. Бахтин, обращаясь к молодежи. А.А. Лосев, рассуждая о потенциях и «сверхсмысловых» подходах этого «нетеоретического» человека, отмечал, что Гегель в сравнении с Розановым «слабая водичка» // Литературная газета. 1989. 28 июня.

¹¹ Цит. по: Яценко А. Международный федерализм. Идея юридической организации человечества в политических учениях до конца XVIII века. М., 1998. С.13.

¹² Там же. С. 17.

¹³ Материалисты Древней Греции // Собр. текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / общ. ред. М.А. Дынника. М., 1955. С. 166.

УДК 32(470)

ВЛАСОВ Валерий Иванович,

доктор юридических наук,

профессор кафедры национальных и федеративных отношений

ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства

и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

e-mail: kafedra-nifo@yandex.ru

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ В РОССИЙСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

В статье автор рассматривает понятие политической культуры. Анализирует различные ее трактовки и интерпретации, ее содержание и структуру. А также взаимосвязь политической культуры с политической обстановкой в стране.

Ключевые слова: политическая культура, политика, государство, право, мораль, структура, содержание, Россия.

Тема политической культуры, судя по количеству публикаций и обратившихся к ней авторов, является привлекательной. О политике у нас (не говорю о загранице) писали и пишут: Г.П. Артемов, Э.Я. Баталов, К.С. Гаджиев, В.Н. Иванов, М.В. Ильин, Ю.С. Пивоваров, В.О. Рукавишников, В. Сергеев, А.И. Соловьев, Е.Б. Шестопал и другие.

Привлекательность данной темы можно объяснить многим, в частности, сложностью составного понятия «политическая культура», наличием в политике разнообразных идеологических ориентаций, взглядов и ценностей; а в культуре — россыпи национальных культур, обусловленных исторической полиэтничностью нашего государства, россыпью, составляющей в своем единстве общенациональную культуру Российской Федерации — России.

Привлекательность любой темы значительно усиливается, когда исследуют то, чего нет, или нет в должной мере в обществе, а быть должно в силу элементарной необходимости; или когда исследуемое несколько (в какой-то мере) извращено в бытии своем (что и происходит с российской культурой), или когда оно — исследуемое, разноориентировано, разноцеленаправлено (как российская внутренняя политика, проводимая официально властвующими и оппозиционными силами).

Однако, несмотря на востребованность темы и актуальность проводящихся исследова-

ний, вопрос о том, что такое политическая культура повисает в воздухе. Это при том, что определение политической культуры дает едва ли не каждый автор ее касающийся. В чем же дело?

Дело в том, что дающиеся определения не вполне, на мой взгляд, надлежащи. Одни — потому, что в них определяемого содержится больше того, что требуется, они загромождены излишними словесами и терминами, уводящими от сущности политкультуры (не выражающими ее сущность).

В других, из-за той же пространности, проявляется несогласованность выражения (текста) и возникает путаница сущностного.

В-третьих подается как правильное нечто неправильное (на мой субъективный взгляд).

Чтобы не быть голословным, вынужден для примера привести одно из таких (подобных) определений: «Политическая культура — выработанная в ходе истории система: а) регуляции отношений в обществе по поводу власти, политических институтов и процессов; б) осуществления перевода внешнего контроля политического поведения людей во внутренний в результате усвоения традиций, норм, ценностей, идеалов; в) обеспечения действий социума, общностей, индивидов, их выбор в альтернативной ситуации перед лицом будущего и его вызовов. Политическая культура — часть общей культуры, формирующаяся и проявляющаяся в процессе политической жизни; истори-

чески обусловленный продукт жизнедеятельности и творчества людей в политике; система сложившихся традиций, ценностей, установок практического поведения, обеспечивающая воспроизводство политической жизни на основе преемственности»¹.

Известно, определения даются ради познания того, о чем речь, в данном случае о политической культуре. Культура политическая, хотя и политическая, но культура; в то же время эпитет «политическая» придает ей иное содержательное направление, конкретизирует цели и задачи, по результатам решения которых формируется значимость политкультуры. Но **понятие**, как логически оформленная общая мысль о предмете; **цель**, как то, к чему стремятся; **задача**, как то, что требует разрешения и **значение**, расшифровывающееся как важность, значительность, — роль, — разные самостоятельные и научные категории и обыденные термины.

В процитированном же тексте, поданном как понятие политической культуры, все эти категории и термины, включая еще термины «система» и «продукт» собраны вместе, воедино. А ведь еще Аристотель вразумлял: «Вообще говоря, излишне все, по удалении чего оставшееся определяет определяемое»².

Действительно, излишнее излишне, поскольку не необходимо, но следует избегать и недостаточности при раскрытии понятия и формулировании определения политической культуры. Поскольку политическая культура сложносоставное образование, то понятие его раскрываемо на основе устоявшейся трактовки составляющих его частей, сжато, в соответствии с сутью их. А раз культура — это совокупность материальных и духовных ценностей человечества, характеризующих степень развития общества на определенном историческом этапе, то политическая культура — это не система и не продукт, а совокупность элементов культуры и политики, среди толкований которой есть и такое: политика — это образ действий, направленных на достижение чего-нибудь, определяющих отношение с людьми³.

И получается, что объективно и более научно трактовалась ранее политическая культура как уровень и характер политических знаний, оценок и действий граждан, а также содержание и качество социальных ценностей, тради-

ций и норм, регулирующих политические отношения⁴.

При этом во взаимодействии политики и культуры прослеживается зависимость политики от культуры, поскольку, во-первых, именно культура выступает в качестве основного фактора социализации личности и социальной деятельности, влияющей на политические отношения. Во-вторых, потому, что государственная власть нуждается в идеологическом воздействии на общество, что и обеспечивает культура. И получается, что политика — одна из форм бытия культуры.

Казалось бы, что сложносоставной характер политической культуры четко определяет ее структуру, то есть строение, внутреннее устройство. Но в одной энциклопедической статье читаю: «В структуре политической культуры выделяют ее базовые составные элементы: познавательные, нравственно-оценочные и поведенческие. Познавательные элементы — знания граждан о политике, государственных делах, формах и способах их участия в общественно-политической жизни, политическом управлении, международной жизни; ценностные — отношение к власти, к политическим явлениям, нравственная оценка политических событий и процессов, конкретной деятельности в сфере политики, политическая самооценка; поведенческие — участие и поведение граждан в политике»⁵.

Своеобразная интерпретация структуры, уводящая, во-первых, от изначального традиционного ее понимания. Во-вторых, истолковывающая политическую культуру то ли как бессодержательную, ибо в статье не говорится ни о понятии «содержание», ни о его составляющих, даже слова такого нет — содержание; то ли понятия структуры и содержания посчитали взаимоувязываемыми, не имеющими собственной сути и значения. А это, на мой взгляд, не соответствует действительности.

Тем не менее, изложенное выше понятие берется за основу в монографических исследованиях. К примеру, А.Я. Гайдук пишет: «В структуру политической культуры входят:

- 1) политическое сознание;
- 2) политические отношения;
- 3) законность и правопорядок;
- 4) политическая психология;

- 5) политическая активность;
- 6) политические институты;
- 7) правомерная деятельность субъектов политики⁶.

Как видим, автор в понимание структуры политической культуры вводит элементы правовой культуры: законность и правопорядок, правомерную деятельность.

Известно, что **законность** — это неуклонное исполнение законов и соответствующих им иных правовых актов органами государства, должностными лицами, гражданами и общественными организациями. **Правопорядок** — это одна из составных частей общественного порядка, регламентированного правовыми нормами, то есть установленными или санкционированными государством и обеспеченными принудительной силой общеобязательные правила, регулирующие взаимоотношения отдельных лиц, органов и организаций. Следовательно, и законность, и правопорядок есть элементы культуры правовой, а не политической. К этой же культуре — правовой, относится и **правомерная деятельность**, поскольку она базируется на правосознании, суть на совокупности взглядов, отражающих отношение людей, социальных групп к праву, законности, правопорядку, правосудию, к тому, что является правомерным или неправомерным⁷. Самое интересное, что политически верным (а это значит с большой долей вероятности и политически культурным) может оказаться действие, не соответствующее норме права, а направленное на отрицание этой нормы, ее изменении, дополнении.

Безусловно, право имеет и определенный нравственный аспект. Нарушение законности, — как правило, — одновременно нарушение нравственных норм, моральных требований. Используя слово «как правило», хочу отметить, что не всегда мораль и нравственность содержится в принимаемых и действующих правовых нормах, но даже если эти элементы и содержатся, то это знак правовой культуры, как мне представляется. С большой долей натяжки можно отнести мораль и нравственность в норму права к элементам политической культуры. Полагаю, что эти явления лучше отделять друг от друга.

Безусловно, политическая культура — «явление со сложной структурой, многоуровне-

вое, что объясняется разнообразием ее связей с различными социальными и политическими процессами»⁸, я бы добавил, и правовыми процессами.

Содержание политической культуры состоит в следующем. Известно, что существуют категории содержания и формы материалистической диалектики, в которых, как и в других ее категориях, отражены существенные стороны развития объективного мира. Эти категории присущи всем вещам и явлениям действительности, а значит и политкультуре. При этом «содержание есть внутренняя сторона вещей и явлений, представляющая собой совокупность элементов и процессов»⁹, образующих основу существования и развития этих вещей и явлений, иными словами: «форма есть организация, структура содержания», «содержание оформлено, форма содержательна».

Подчеркиваем, что именно содержание представляет собой совокупность элементов и процессов, а не структура, которая толкуется как разморасположение и связь составных частей чего-либо, строение¹⁰.

Содержание политкультуры сложное, исходящее из содержания культуры вообще. Сформировавшаяся в Советском Союзе культура была социалистическая по содержанию, многообразна по своим национальным формам, интернационалистская по духу и характеру. Она вбирала в себя все общезначимое в достижениях и самобытных традициях национальных культур. И поэтому в политической культуре того времени кроме партийности и коммунистической идейности наблюдались и такие черты, как народность, организационное единство социалистического интернационализма и советского патриотизма, гуманизм. И потому советская политическая культура в целом держалась на достойном уровне, как и культура вообще, а также наука, образование, искусство и художественные ремесла.

Сейчас же в содержании политической культуры доминируют иные ценности порожденные реформированием политических, социально-экономических и духовных основ жизнедеятельности многонационального, многоконфессионального российского общества. Она — политкультура, демократизируется и ее морально-нравственное состояние стало неустойчивым.

Объективно подмечено: «В постсоветский период сфера культуры постепенно выходит из специфического трехмерного формата: социалистическая по содержанию, интернациональная (общечеловеческая) по духу, национальная по форме»¹¹.

Изменяется и политическая деятельность. Но если она претендует быть культурной, то предполагается наличие интеллекта и авторитета у субъектов политики, доверие к ним, соблюдение правил морали, нравственности и этики.

Распространено понимание, что мораль — это правила нравственности, а также сама нравственность, а нравственность — это правила, определяющие поведение; духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе, а также выполнение этих правил, поведение. Как видим, эти явления — мораль и нравственность очень близки, но не тождественны, ибо тождество означает полное сходство предметов, вещей, явлений. Хотя в науке советского времени содержалось мнение, что мораль и нравственность, нравственность и мораль одно и то же явление.

Что же касается этики, то ее понимание сложнее, ибо включает и теоретическое, и прикладное значение (свойство). Примером «прикладного» понимания этики может быть «Кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих»¹².

Второе понимание этики — одна из древнейших теоретических дисциплин, выделившаяся из стихийно-обыденного сознания рабовладельческого общества как составная часть философии. И развивалась этика философами-сторонниками того или иного направления разнолико, в зависимости еще от времени и исторических обстоятельств, в частности, государственного строя.

Правила морали и нравственности, как образцы должного поведения людей в обществе, издревле объединялись в кодексы и своды, как то: морально-религиозные «Заповеди Моисея», заповеди христианской «Нагорной проповеди», «Моральный Кодекс строителя коммунизма», базировавшийся на библейских заповедях¹³. Потому допустимо существование кодексов моральных или, к примеру, кодек-

сов профессиональной чести врачей, офицеров, журналистов, адвокатов и т.д. и т.п., содержащих нравственные нормы, соблюдение которых необходимо для эффективного функционирования специфических видов трудовой деятельности.

Морально-нравственные положения вырабатываются в процессе социальной практики, отражая опыт многих поколений, как всего народа в целом, так и отдельных его слоев. Морально-нравственные требования, выполняющие функцию регулирования поведения людей во всех без исключения областях общественной жизни, есть необходимые стихийно сформировавшиеся и общепризнанные предписания и оценки, скрепленные силой массового примера, привычками, обычаями; это форма общественного сознания. Этика изучает эту особую форму общественных отношений и сознания, анализирует природу и механизм действия морали и нравственности, исследует их как одну из сторон социальной деятельности человека.

Существует, на наш взгляд, профессиональная этика, но нет профессиональной нравственности. Когда же (если же) считается, что существует профессиональная нравственность, но нет профессиональной этики, это означает: во-первых, признание наличия специфических нравственных предписаний для определенных категорий лиц, которые не касаются всех граждан; во-вторых, что лица этих категорий как бы освобождаются от ряда общих нравственных предписаний, которые для них оказываются необязательными. В-третьих, что такое «разделение» морально-нравственных норм на общие — для всех и на «частные» для определенного круга лиц, например депутатов, или конкретных профессий чревато распространением нарушений этих норм, и общих, и частных, под предлогом, что общая норма не соблюдалась, ибо она не обязательна, когда есть частные, а частные нарушаются потому, что они излишни, так как есть общие.

И, в-четвертых, при утверждении, что есть профессиональная нравственность, но нет профессиональной этики, резко сужается предмет научных изысканий по данной тематике, сокращается выход практических рекомендаций, направленных на упорядочение систе-

мы моральных принципов и норм, нравственных предписаний, являющихся одним из необходимых регуляторов в социальной, культурной и политической жизни общества.

Морально-нравственные установки не опираются на силу государственного принуждения, гарантом их исполнения выступает общественное мнение, и это определяет (должно определять) их весомую значимость в теории и практике политической культуры.

Однако в практической деятельности субъектов политической культуры к большому огорчению морально-нравственные предписания и правила никогда в целом или во всех случаях не исполнялись и не исполняются. Между тем политическое поведение, исходящее из норм морали и нравственности обеспечивает взаимоуважение оппонировавших политических сторон, устраняет из их деятельности демагогию, неправду, некорректность и необъективность, позволяет находить пути к сотрудничеству. А это есть уже очертания политической культуры, ведущей к национальному и межрелигиозному согласию в обществе в интересах его безопасности.

Современный уровень политической культуры воспринимается по-разному. В уже отмеченной монографической работе по политической культуре утверждается, что «уровень политической культуры в стране ничтожно низок»¹⁴. Хотя автор не излагает доказательства, к сожалению, они имеются. К примеру, за 2,5 года работы Смоленского городского совета народных депутатов действующего состава побиты все рекорды по числу скандалов с участием народных избранников¹⁵.

В ряду доказательств находится обобщающая характеристика состояния политической культуры, основанная на фактах коррупции, которую Президент РФ В.В. Путин 5 марта текущего года на коллегии Генпрокуратуры справедливо назвал подрывающей основы России¹⁶. Сюда же следует отнести и факты лишения депутатской неприкосновенности (по требованию следственных органов) ряда депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Показать более или менее истинное состояние политической культуры в российском обществе, во властных государственных структурах

и органах могут объективные, полные и всесторонние социологические измерения.

В современном мире в различных отраслях науки, в том числе в социологии, явления духовной жизни общества стали предметом многомерного измерения. Не стоит исключать из этого исследовательского процесса и явленный феномен политической культуры.

Измерить — значит определить какой-нибудь мерой величину чего-нибудь. Измерение в социологии — процедура, при помощи которой объектами исследования, рассматриваемыми как носители определенной информации и отношений, могут быть индивиды, производственные коллективы, общественные организации, любые интересующие социолога территории и т. д. и т. п.

При этом в процедуру измерения можно ввести также, по отношению к тому или иному опросному варианту о политической культуре, переменные величины, как то: возраст, пол, образование, национальность, профессия, — для выявления специфичности отношения к явлениям политической, нравственной и культурной жизни общества в зависимости от этих величин.

На каждом этапе существования общества ему присущ определенный уровень политической культуры, то есть степень величины, развития, значимости. Поскольку возникающие проблемы в политкультуре бывают сиюминутные и достойные, более или менее постоянного изучения, то для измерения выбираются, как правило, последние.

Для определения состояния российской политической культуры на современном этапе можно и необходимо с помощью социологических методов и приемов измерить:

- уровень социальных протестов в центре и на местах, против осуществляемых мероприятий;
- уровень неприятия новых рыночных отношений и недовольства проводимыми избирательными кампаниями;
- уровень коррупции в определенных структурах и органах власти;
- профессиональный и морально-нравственный уровень государственных гражданских служащих;
- уровень отрицания навязываемых обществу различных образцов прозападного пове-

дения и политико-нравственных ориентиров не свойственных россиянам в подавляющей массе своей;

- уровень отношения к политическим институтам, отдельным партиям и общественным движениям;

- уровень отношения к действующей государственной власти и системной и не системной оппозиции.

На основе этих примерных и подобных измерений можно выяснить и показать в убедительных числовых выражениях степень понимания исследуемой проблемы в различных группах населения на конкретных территориях и на определенных временных отрезках, зафиксировать ее (проблемы) усиление или ослабление, отметить временную динамику политической культуры в конкретной среде.

Для объективности результата — конечно-го итога измерения должны учитывать культурные и иные особенности различных этических и социальных групп, а также конфессий.

В социологических исследованиях применяется и такой метод, как мониторинг (от лат. *monitor* — предостерегающий) — предполагающий отслеживание объекта и контролирование его деятельности (функционирования) с целью прогнозирования последней.

Так, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 20.05.2011 № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» был осуществлен такой мониторинг и опубликованы его результаты¹⁷.

В процессе мониторинга правоприменения и формирования информации к докладу принимали участие федеральные органы исполнительной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах установленной сферы деятельности и компетенции.

К мониторингу правоприменения привлекались различные институты гражданского общества, обладающие определенной правоприменительной практикой, а также Экспертный совет по мониторингу правоприменения, созданный при Минюсте России.

Не трудно заметить, что задачей мониторинга является контролирование и отслеживание именно деятельности государственных органов с целью качественного улучшения этой

деятельности и осуществляется он государственными органами с возможным привлечением институтов гражданского общества (хотя возможен мониторинг и общественного мнения).

Измерение же, с методологической точки зрения, есть метод установления параметра отношения населения, в нашем случае к политической культуре; выявление ее уровня. Метод в данном случае предпочтительный из-за его гражданской необходимости, надежности, обоснованности и точности.

Определить истинный уровень политической культуры в нашем обществе можно только реальной действительностью, поскольку она (действительность) есть объективный мир во всем многообразии его связей, она и бытие, и окружающая обстановка, и положение.

И необходимые направления дальнейшего развития политкультуры можно установить только исходя из российской действительности, ибо она подлинна, настояща, производит политику и культуру (культуру и политику), оказывает на них то или иное воздействие, отражает объективно степень величины (уровень) состояния политкультуры, который действительно может быть и низким, и средним, и высоким. Направление же, то есть линия движения, устремление к чему-то, может оказаться как прямое — правдивое, передовое, действительно необходимое; так и кривое, заблуждающее. Первое ведет общество к прогрессу, второе заводит в тупик, в кризисные обстоятельства. И потому социологические измерения реального состояния духовной жизни российского многонационального и многоконфессионального общества безусловно значимы.

Теория, методология и практика измерения общественных явлений — неотъемлемая часть научного познания, ориентирующего практику, особенно познания тех феноменов, где не все еще ясно, или дискуссионно, или просто недопонимаемо, как в теории политической культуры.

Политкультура — составная часть общей культуры человечества, формирующаяся и проявляющаяся в процессе политической жизни. Отсюда следует, что российская политическая культура производна от совместной культуры российских народов, создается и реализуется в политической деятельности всех участвующих

щих в ней этносов, социальных групп, государственных деятелей и рядовых граждан, не говоря уже о политических партиях и общественных движениях.

Исходя из особенностей федеративного устройства России, допустимо говорить об общегосударственной (или федеральной) политкультуре и о региональных (субъектов Федерации субкультурах)¹⁸. Политические субкультуры могут основываться на религиозных, этнических «местничковых» составляющих и влиять на политику федеральную, как это происходит с исламской субкультурой на Северном Кавказе.

Совокупная (общегосударственная и региональные) политкультура, понимаемая как высоко-

нравственная деятельность субъектов политики всех видов и рангов, должна нести гражданский державный патриотизм, целостную справедливую социальную идеологию, порядок и спокойствие в российском обществе вообще и на отдельных проблемных территориях страны, в частности; а также обеспечивать поддержку избранной государственной власти в ее благотворительном функционировании.

Только такое объективно необходимое и правильное направление развития политической культуры усматривается (вытекает) из ее измерения российской действительностью. Значит это то, к чему следует стремиться, что надо осуществить.

¹ См.: Энциклопедия государственного управления в России: В 4 т. Т. 4, ч. 1. М.: РАГС, 2006. С. 31.

² См.: Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 465.

³ См.: Словарь иностранных слов. М., 1996. С. 266; Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 268, 478.

⁴ См.: Краткий политический словарь. М., 1983. С. 252.

⁵ См.: Ирхин Ю.В. Культура политическая // Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 533.

⁶ См.: Гайдук А.Я. Политическая культура государственных служащих Федеративной России. М., 2012. С. 45.

⁷ Подробно см.: Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. С. 101, 198, 278–279.

⁸ Политология: учебник / А.Ю. Мельвиль и др. М.: Проспект, 2013. С. 438.

⁹ См.: Категории материалистической диалектики. М., 1957. С. 215.

¹⁰ См.: Словарь иностранных слов. М., 1996. С. 477.

¹¹ Савельев В.В. Этнокультурная политика в России // Вопросы национальных и федеративных отношений. М.: РАГС, 2009. С. 132.

¹² Кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих. М.: Проспект, 2011.

¹³ Содержание Морального Кодекса строителя коммунизма. См.: Краткий политический словарь. М., 1983. С. 201.

¹⁴ См.: Гайдук А.Я. Указ. соч. С. 8.

¹⁵ См. подробно: Российская газета. 2012. 2 нояб.

¹⁶ См.: Российская газета. 2013. 6 марта.

¹⁷ См.: Доклад Правительства Российской Федерации о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2011 год // Российская газета. 2013. 27 марта.

¹⁸ Суб — первая часть сложных слов в значении: 1) находящийся под чем-нибудь или около чего-нибудь; 2) подчиненный кому-чему-нибудь; 3) не основной, не главный.

УДК 323.1(470)

ГАЙДУК Вадим Витальевич

доктор политических наук, кандидат юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой политологии
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
e-mail: vvgrib@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НЕ ДОЛЖНА ИМЕТЬ ЭТНИЧЕСКИЙ ОТТЕНОК

В последнее десятилетие во внешней и внутренней политике многонациональных государств все большее значение приобретает этнический фактор. В статье проводится многофакторный анализ этнополитического фактора в системе национальной и общественной безопасности России.

Ключевые слова: национальная безопасность, региональная безопасность, этнополитика, национальные трагедии, общественная безопасность, Концепция общественной безопасности.

Безопасность отдельно взятой страны включает в себя целый ряд значимых аспектов, например, военный, экономический, энергетический, информационный, продовольственный, демографический и т.д. Однако не все исследователи выделяют этнополитический аспект безопасности, несмотря на то, что недостаток внимания к данной сфере может привести к возникновению и развитию мощного очага этнической напряженности, переставшего впоследствии в открытый межэтнический конфликт, зачастую выходящий за рамки одного государства и затрагивающий целый регион. Различные аспекты безопасности тесно связаны между собой, поэтому для обеспечения комплексной безопасности необходимо учитывать всю совокупность факторов, влияющих на стабилизацию и дестабилизацию обстановки.

Данная проблема является особо актуальной для Российской Федерации — многонационального государства. Российское политическое руководство, различные ведомства, научное и экспертное сообщество настойчиво ищут оптимальные концепции и технологии, которые позволят решать этнополитические проблемы страны на долгосрочной основе, в интересах безопасности и благополучия общества и государства.

Поиск оптимальных решений ведется и за пределами России, в зарубежных странах, где

имеется свой опыт. Последние события, происходящие в субъектах Российской Федерации — убийство мусульманского лидера в Казани, межнациональный конфликт в Бурелеево, теракт в Волгограде — не могут не беспокоить.

Или коснуться последней трагедии в России — авиакатастрофы в Казани. Многие СМИ, опережая выводы следствия, заявляют, что это не теракт. Но, как бы там ни было — все же это проблема национальной безопасности нашего государства. Сегодня СМИ являются особыми информационными трансляторами общественной безопасности. С их легкой руки «преступник» может стать «героем» и наоборот. СМИ транслируют не только политико-правовую действительность, складывающуюся в обществе, но и задают тон общественному развитию страны: общественному самочувствию и государственной стабильности.

Как можно разрабатывать «национальную идею», модернизировать управление государством или совершенствовать территориальное устройство страны, если ежедневно по недосмотру, по халатности, из-за незаинтересованности государственных структур или частных лиц чуть ли не ежедневно гибнут десятки граждан России? И это в мирное время!

Нельзя сегодня авиапредприятия делить по субъектам Российской Федерации. Республи-

ка Татарстан — это богатый, успешный, инвестиционно-привлекательный, экономически стабильный регион, но даже у него недостаточно ресурсов, чтобы иметь автономную авиакомпанию, обеспечивающую национальную безопасность. Допускаю, что существование подобной авиакомпании — это дань недавнему «параду суверенитетов» национальных образований Российской Федерации, а сегодня — это некий региональный бренд, это престижно и экономически обосновано. Но безопасно ли?

На мой взгляд, все, что касается национальной безопасности (куда я естественным образом отношу и общественную безопасность, и безопасность транспортных перевозок пассажиров), нельзя отдавать на «откуп» регионам.

У трагедии самолета в Казани уже был не один предвестник. Колокола уже били набат — трагедия «Булгарии». Теплоход пошел ко дну именно потому, что был рухлядь, на которой нельзя было выходить из порта приписки... Разбившийся самолет еще 26 ноября 2012 г. предупреждал, что летать больше не может. В тот день, вылетев из Казани в Москву, он тут же развернулся и в 7:52 совершил аварийную посадку в Казани из-за разгерметизации салона. Авиакомпания «Татарстан» уже лет двадцать — головная боль республики. Сколько уже было разговоров о покупке новых самолетов. Но почему-то эти «новые» борты оказывались старьем....

Получается, что бразильцы, румыны, болгары, даже боливийцы не хотели летать на этом самолете, спихнули... А нам можно? В расчете на «авось пронесет»? Не пронесло. Погибли 50 человек. В том числе начальник татарстанского управления ФСБ генерал Александр Антонов и сын Президента Татарстана Ирек Мнниханов. Ему было всего 23 года.

Сегодня мы с вами живем в беспокойное время. Последние события позволяют судить об активизации террористических акций в стране. А если мы будем бояться еще технических неполадок — начнется массовая паника.

Данные факты свидетельствуют, прежде всего, о несовершенстве системы национальной безопасности в современной России.

Возможно, пришло время пересмотреть саму концепцию обеспечения национальной безопасности. Нужны более совершенные рычаги и механизмы управления «человеческими» жизнями. Да, самолет был неисправен. Ответственные за это лица понесут наказание — механик, инженер, кто не предусмотрел этот риск. А дальше то что? Жизни не вернуть.

Почему в России до сих пор «нет научного центра предотвращения национальных угроз»? Возможно, тогда мы бы смогли спасти людей и избежать эти ненужные человеческие потери.

Если подойти к этому вопросу с позиций федерализма, то очевидно, что сегодня необходима симметричная дифференциация территориального устройства. Укрупнение субъектов Федерации, преодоление асимметричности — это ведь не попытка «всех уравнить», мы все-таки живем не в коммунистическое время. Это всего лишь попытка обеспечить единую, возможно и централизованную национальную безопасность, где нет учета региональных особенностей. Безопасность — это категория не социокультурная, она должна быть универсальной. Не надо думать, что если регион богатый, он сам решит проблемы безопасности. Национальная безопасность не должна иметь региональный оттенок.

Это, кстати, прекрасно понимают в национальных республиках — всех без исключения. Здравомыслящие, а не те, у которых национализм и шовинизм свихнул государственное мышление набекрень. Объективные факторы развития нашего государства говорят о том, что мы все должны объединиться сами и объединить наши ресурсы для общего блага — процветания и безопасности России. А русский язык и русская культура — это инструмент для достижения процветания и благополучия. Кто против русского языка — тот против благополучия и безопасности.

Вместе с тем в последнее время в политологической научной среде уделяется особое внимание месту региона в системе национальной безопасности. Например, в одной из последних докторских диссертаций по политологии А.В. Полосина «Регион в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации». Это докторант А.Ю. Шутова (Шу-

тов Андрей Юрьевич — декан факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор). В работе регион рассматривается как сфера, пространство реализации общей политики безопасности государства и объект его специальных усилий, как субъект обеспечения собственной безопасности и как участник (актор) общегосударственной политики обеспечения безопасности. Действительно, в современной политологии регионы рассматриваются не только как объекты, но и как активные субъекты обеспечения национальной безопасности. Но в тоже время выявление региона является еще и источником опасности для Российской Федерации.

В современной России назрела необходимость и сложились возможности оптимизации всей системы центрo-региональных отношений в сфере национальной безопасности. Одна из важных задач политической науки и состоит в нахождении и обосновании путей такой оптимизации. А с учетом того, что политическая наука отражает проблемы, рождающиеся в обществе, особое звучание приобретает проблематика, связанная с общественной безопасностью.

Утвержденная 20 ноября 2013 г. Концепция общественной безопасности рассчитана на срок до 2020 года. В ней названы и основные угрозы безопасности, и методы противодействия им. Значимо, что к числу таких угроз в Концепции причислены не только терроризм, экстремизм, преступность, нелегальная миграция, но и коррупция. Последняя имеет внутреннее и внешнее измерения: подрывает доверие граждан России к государственным институтам и влияет на формирование общего имиджа нашей страны за рубежом.

Концепция представляет собой систему взглядов на обеспечение общественной безопасности как части национальной безопасности Российской Федерации. Документом определяются основные источники угроз общественной безопасности в России, а также цели, задачи, принципы и основные направления деятельности органов власти и иных органов и организаций, принимающих участие в обеспечении общественной безопасности на основании законодательства. Несмотря на принимаемые государством и обществом уси-

лия, направленные на борьбу с преступными и иными противоправными посягательствами, предупреждение возникновения и развития чрезвычайных ситуаций, необходимый уровень обеспечения общественной безопасности не достигнут. Уровень террористической угрозы на территории России продолжает оставаться высоким: террористы стремятся расширить географию своей деятельности, на территории страны отмечается активность международных террористических организаций, которые привлекают наемников и боевиков, оказывают им финансовую помощь, поставляют оружие.

Одним из основных источников угроз общественной безопасности является экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране. Особую озабоченность вызывает распространение экстремистских настроений среди молодежи. Указывается, что значительное количество преступлений в России совершается в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Количество преступников увеличивается за счет беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних, граждан без определенного места жительства, лиц, освобожденных из мест лишения свободы, иностранных граждан или лиц без гражданства, незаконно находящихся на территории Российской Федерации, а также лиц, не имеющих постоянного источника дохода.

Незаконная миграция в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе из стран со сложной общественно-политической, экономической и санитарно-эпидемиологической обстановкой, способствует возникновению угроз общественной безопасности. Незаконное пребывание в Российской Федерации иностранных граждан и осуществление ими трудовой деятельности на территории страны зачастую ухудшают социальную обстановку в местах их пребывания, создают условия для формирования террористических организаций, политического и религиозного экстремизма, национализма.

Что касается миграции, то впервые на столь высоком уровне к числу угроз отнесены также неблагоприятные тенденции во внутренней миграции, то есть последствия переезда граждан России из одного региона в другой. В Концепции говорится, что именно специфика внутренней миграции часто способствуют возникновению ксенофобии, национальной, расовой и религиозной розни, а также увеличению количества этнических организованных преступных групп.

В числе других угроз общественной безопасности называются ухудшение технического состояния объектов транспортной инфраструктуры, вероятность возникновения чрезвычайных ситуаций на ядерных и радиационно опасных объектах, значительное ухудшение обеспечения санитарно-эпидемиологической, ветеринарно-санитарной, фитосанитарной и экологической безопасности.

Вывод этого документа неутешителен: состояние общественной безопасности названо нестабильным. Не могу не согласиться в этой связи с мнением декана факультета политологии МГУ доктора исторических наук, уважаемого профессора Андрея Юрьевича ШUTOVA о том, что в обществе, несомненно, есть запрос на глубокий политический анализ текущих политических процессов.

Сегодня ученым-политологам необходимо выходить из академических кабинетов и активнее включаться в политическую жизнь — становиться главными спикерами во всех СМИ, идти на государственную службу советниками, специалистами разных сфер государственной политики, в том числе и по межэтническим взаимоотношениям. Наука политология не может быть только академической, она в большей степени в нашей стране должна стать прикладной!

Мне видится, что **дальнейшими шагами укрепления национальной (общественной) безопасности российского государства в условиях федерализма и регионализма могут стать следующие:**

1. Приведение наименований должности глав субъектов Российской Федерации к единому названию. Мэр (Губернатор) города федерального значения, Губернатор области или края, Президент российской Республики, все

эти названия могут быть отменены в перспективе. И останется общее единое название — глава или руководитель субъекта Федерации. Это будет новая трансформационная волна в сфере российского федерализма, которая может ознаменовать новый этап федеративного строительства России. На мой взгляд, подобные реформы будут оправданы в силу укрепления национальной безопасности страны. Как и реформы по укреплению вертикали власти 2000 годов. Действительно этого требует наша с Вами безопасность.

2. Продолжение политики укрупнения субъектов Российской Федерации — это тоже определенный этап в укреплении российской безопасности.

3. Наряду с повышением ответственности муниципальных служащих в нейтрализации межнациональных и межэтнических конфликтов, усилении ответственности региональных элит. Возможно будут проводиться реформы по повышению их географической, региональной и этнополитической культуры государственных служащих, а также будет проводится системная работа в методологической разработке и общественной раскрутке этнических и этнологических методов исследований и их практического применения.

Вместе с тем, политическая наука не выработала собственного метода исследования этнических процессов и средств регулирования этнических отношений. Имеет место непонимание и «невидение» данных явлений, этнологическая незрелость, а в какой-то степени близорукость государства и правотворца.

К сожалению, имеющиеся научные методы исследований не позволяют грамотно и справедливо учесть этнические интересы. Поэтому необходимо сформировать специальный метод исследования, отвечающий всем требованиям развития общества. Таковым является метод, оперируемый наукой этнологией. Если быть точнее, наука использует понятие «этнологические методы» или «методы этнологии», однако результатом экстраполяции приемов и способов исследования стал единый консолидированный метод исследования, в основе которого лежат исходные «этнологические методы», как способы и средства исследования. Перенесение этнологических методов на поли-

тическую плоскость не может осуществляться слепо и механически, так как наука об этносах использует приемы и способы исследования. К таковым можно отнести, например, *«технику выбора предпочитаемой этнографической куклы»*. Использование подобных методов как средств и способов этнополитических исследований достаточно спорно.

Среди исходных методов этнологии можно назвать *метод ретроспективной рефлексии* (беседа, направленная на исследование ценностных ориентаций личности в ее прошлом, отраженных в самосознании и преобразованных индивидуальной и этнической историей), *методы «визуальной антропологии»* (методы изучения межэтнических установок).

Метод этнологический экстраполирует научные знания и опыт этнографии и этнологии на политико-правовую плоскость для оптимального исследования общественных отношений, субъектами которых напрямую или опосредованно будут этносы (или иные этнические субстраты).

Значение метода бесценно. Он позволяет планомерно использовать достижения науки для оптимального регулирования этническими процессами и отношениями. *Этнология и этнография* выступают устоявшимися областями знаний, а их применение носит спонтанный, научно не достаточно осознанный характер, в основном, практический, оформленный в оболочку этнополитики и выражающийся в политических и (или) политико-правовых актах (действиях). Рассматриваемые явления в основном выступают предметом этнополитических исследований. Это обстоятельство, в свою очередь имеет ряд недостатков, связанных, как ни парадоксально это звучит, с политизированностью политической науки.

Применение этнологического метода в исследованиях есть залог грамотного регулирования этнических процессов. Естественно, речь не идет о регулировании этнологических процессов — это компетенция природы, речь идет о регулировании отношений, по поводу прав (естественных и субъективных) и их воплощения в социальную материю, в реальные правоотношения (независимо от подхода — естественно-правового или позитивного) с це-

лью грамотного подхода при построении современного федеративного государства.

России сегодня необходима новая социализация ислама. 22 октября 2013 г. в г. Уфе под председательством Президента Российской Федерации В.В. Путина прошло заседание Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации. Также он выступил в Духовном управлении мусульман России в связи с 225-летием со дня образования, где обсуждались вопросы совершенствования региональных законодательных баз, систем кадрового обеспечения, этнологического мониторинга, социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов¹.

Считаю важным отметить следующие заявления Президента Российской Федерации Владимира Путина: *«Необходимо также создать в регионах на единой методологической основе **систему мониторинга межнациональных отношений, оценки рисков, мер предупреждения возможных конфликтов.** Здесь важна роль **научного и экспертного сообщества.** По моему поручению уже создан научный центр, обеспечивающий мониторинг межнациональных отношений на Юге России... Считаю, что **во всех регионах нужно использовать богатейший потенциал нашей академической школы, быть в диалоге с институтами гражданского общества, с национально-культурными объединениями...***

Особое внимание надо уделить кадровым вопросам. ***На должности заместителей глав регионов, ответственных за межнациональные отношения, должны назначаться люди, обладающие современными знаниями в этой сфере, способные сформировать коллектив грамотных управленцев, наладить прямой диалог с людьми, общественными объединениями. Все это требует и особых личных качеств, и глубоких профессиональных навыков...***².

Президент России также отметил, что ислам стал значимой частью жизни общества и сегодня важна его новая социализация в противовес идеям, которые выдвигают представители неформальных религиозных течений. Особая роль при этом отводится подготовке кадров для исламского духовенства. В стране должна быть создана достойная шко-

ла мусульманского богословия. *«Инициатива должна перейти к вам, нельзя ее упустить к неформальным лидерам...»*, — подчеркнул В.В. Путин.

В Уфе и Казани начали работать центры по повышению квалификации имамов (руководителей мусульманских общин) на базе исламских университетов. Сегодня их в стране семь, но Верховный муфтий России Талгат Таджуддин

предложил пойти дальше и открыть в Уфе академию мусульман России.

Президент одобрил инициативу об учреждении ежегодной общероссийской общественной премии «За вклад в укрепление единства российской нации»: *«Думаю, что это будет хорошим стимулом для тех, чья деятельность связана с такой ответственной и чувствительной сферой, как межнациональные отношения»*.

¹ URL: <http://www.bashinform.ru/news/583790/>

² URL: <http://www.kremlin.ru/news/19475>

УДК 32(470)

ГУМЕРОВ Салават Булатович,

кандидат политических наук, главный федеральный инспектор
по Псковской области Аппарата полномочного представителя
Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе
e-mail: vvgrb@mail.ru

МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ФЕДЕРАТИВНОЙ РОССИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ

В статье предпринимается попытка рассмотреть некоторые особенности модернизационного развития современной России в некой исторической ретроспективе.

Ключевые слова: модернизация, приватизация, постсоветское пространство, глобализм, государственность, развал, трансформация, федерализм.

Необходимость научного осмысления феномена модернизации российского общества обусловлена сложностью и противоречивостью практики этого процесса на протяжении последних двух десятилетий постсоветской истории. Модернизационные процессы, разворачивающиеся в современной России занимают, особое место в ряду этих феноменов, осуществляемых в других странах мира.

Сегодня модернизационные процессы в значительной степени определяются встроенностью государства и его институциональной структуры в широкую сеть социальных отношений, которые, в свою очередь, не могут сформироваться без контроля и защиты со стороны этого государства.

Избранный Президентом страны 4 марта 2012 г. В. Путин ранее отмечал, что дух «новаций и модернизации должен пропитать все общество, это должен быть новый этап в развитии нашей страны...»¹. В. Путин также подчеркнул необходимость для России ухода от нефтегазовой зависимости и перехода на инновационную модель развития. Осуществление этого курса потребует напряжения всех сил не только со стороны власти и государства, но и всего общества и, прежде всего, — его гражданских институтов. Но что есть модернизация вообще?

Стоит отметить, что основные понятия, определяющие феноменологию проблемы модернизации и составляющие категориальный

аппарат практически всех ее концепций, были сформулированы еще М. Вебером и базируются на его теории рационального поведения. Его теория обосновывала развитие общества через движение в системе ценностей от преобладания коллективных форм к обществам, построенным на принципах индивидуализма². Исследователь Э. Дюркгейм также исследовал роль определенного типа личности при переходе от традиционного общества к современному. Главная его работа³, раскрывающая смысл перехода обществ, основанных на механической солидарности, к органической общности их членов, на основе дифференциации функциональной деятельности и ценностных ориентаций, была написана в соавторстве с М. Моссом. В ней авторы исследовали формы традиционных обществ, построенных, по их словам, на механической солидарности, т.е. на структурно-функциональной тождественности всех членов, формируемой определенностью их образа жизни, действий и верований.

Выдающийся исследователь в области современной теоретической социологии П. Штомпка выделяет три смысла идеи модернизации. Из них для нас важен третий смысл термина «модернизация», объясняющий движение современного общества от периферии к центру, т.е. усилия отсталых или слаборазвитых обществ, предпринимаемые ими для того, чтобы догнать развитые страны мира, сосуществующие с ними в одном историческом вре-

мени и в границах единого глобального общества. По его словам, это значение термина «модернизация», в узком смысле слова, было положено в основу ряда теорий модернизации, неомодернизации и конвергенции⁴.

Из множества концепций российской модернизации, представленных в отечественной литературе, можно выделить точку зрения В. Иноземцева. Для него «модернизация — это активный, под руководством государства, вывод страны на траекторию естественного органичного развития»⁵. Еще одна концептуальная схема российской модернизации предложена президентом Института национального проекта «Общественный договор» А. Аузаном. В своей концепции он исходит из того факта, что сегодня в России «группы коллективного действия» не являются субъектами модернизационных процессов, поэтому социальный капитал страны «близок к абсолютному минимуму». По его мнению, сегодня общество должно ориентироваться на решение задачи «культурной фазы вызревания социальных субъектов»⁶ модернизации.

По мнению исследователя Я.А. Пляйса, осуществление реформ, направленных на модернизацию российского общества и государства, должно учитывать такие факторы, как соответствие этих реформ цивилизационным основам, их созвучность менталитету народа, ритму его жизни, доминирующим в обществе ценностям, нормам и интересам⁷.

Исходя даже из общего анализа рассмотренных концептуальных схем, можно констатировать, что сегодняшняя российская наука, в области политологии, пока еще однозначно не определилась со своим концептуальным выбором в отношении будущего российской модернизации. Во многом это будущее зависит от успешности преодоления негативных процессов, связанных с социальным сознанием, возникающих в трансформирующихся обществах и являющихся следствием существенных социально-политических преобразований в них.

Российская концепция модернизации базируется на создании государством условий для проявления глубокой «низовой» заинтересованности со стороны всех слоев населения в процессах обновления и развития, она не

предполагает какого-либо государственного директивного плана по принуждению к выполнению определенных обязанностей каких-либо общественных структур, участвующих в этих процессах.

Стоит отметить, что особенности функционирования российского государства в настоящее время в большей степени определены состоянием и возможностями его политической системы. Последнюю на уровне государства можно рассматривать как сложный социальный феномен, сформировавшийся в результате длительного исторического развития под влиянием множества разнообразных факторов. Этот феномен современной России явился результатом взаимодействия значительно числа вновь возникших субъектов политики и усложнения политических связей между ними. Сегодня речь уже идет не просто о централизации или децентрализации российского государства, а о таком балансе интересов центра и регионов, при котором все субъекты федерации получали бы стимул к раскрытию своих потенциалов и, тем самым, способствовали бы развитию страны в целом. Однако осуществление сбалансированного федерализма в современных условиях невозможно без новых механизмов участия общества во всех сферах жизнедеятельности российского государства.

В условиях глобального мира уже невозможны никакие усилия государства по реформированию «сверху», без одновременно проводимых демократических преобразований. Поскольку глобализация формирует систему взаимозависимых во всех сферах жизнедеятельности государств, одновременно находящихся в жесткой конкурентной борьбе друг с другом.

Таким образом, и сама роль государства в модернизационных процессах на современном этапе развития российского общества оценивается политологами весьма неоднозначно. Так, в российских условиях чрезмерное доминирование государства в этих процессах иногда приводит к неожиданным для него и общества последствиям. И основной причиной такого рода явлений оказывается «негибкость» его институциональной политической структуры, не способной вовремя реформироваться и, как результат, не готовой к решению

модернизационных задач. Ее инерционность характеризуется не только невозможностью вовремя отреагировать на изменившуюся ситуацию и разрешить возникшие противоречия, но и стремлением к сохранению этой структуры в неизменном виде. Это приводит к разнонаправленности процессов модернизации: реформирование в интересах государства идет в ущерб социальным преобразованиям. При такой модернизации государство не в состоянии в полной мере учесть социокультурные особенности российского общества и его интересы. Сегодня для государства общество не является целью модернизации, а рассматривается им в качестве ее объекта, следствием чего является чрезмерная регламентация общественных процессов и игнорирование социальных инициатив по созданию гражданского общества. В результате невостребованным оказывается человеческий потенциал страны, что сказывается на усилении эмиграционных настроений в обществе.

На наш взгляд, успешность модернизационных процессов напрямую зависит от трансформации институциональной политической структуры российского государства в направлении усложнения и большей дифференциации этой структуры. Такая структура позволит обеспечить гармоничную целостность интересов общества и государства. При этом государство должно выступить гарантом модернизации в интересах всего общества, а не только его элитарной части. Ведущая роль российского государства в проведении модернизации, обусловлена, еще одним важным обстоятельством: «усталостью» общества от целого ряда болезненных трансформаций, через которые оно прошло в течение последних двух десятилетий. В результате этих потрясений оно в значительной степени утратило способность и желание к каким-либо изменениям. К тому же в сегодняшнем российском обществе отсутствуют гражданские институты, способные взять на себя инициативу проведения модернизации.

Современное российское государство находится на пути к консолидации своей государственности, новым политическим и экономическим реформам, образованию гражданского общества и на этой основе становлению

стабильной и дееспособной демократии. Однако на этом пути к свободе, как государству, так и всему российскому обществу предстоит еще поиск собственных форм политической и экономической модернизации, чтобы противостоять вызовам времени в глобальном мире.

Еще одна проблема оказывает существенное значение на торможение модернизационного развития Российской Федерации — право собственности.

И хотя этот вопрос и был урегулирован еще в 90-е годы прошлого века, недовольство и отторжение власти сохраняется в массах.

Ни для кого не секрет, что вопрос собственности был решен в пользу новой фазы этакратизма⁸. Иначе говоря, в постсоветской России сложился неозтакратизм — общество, в котором отношения «приватизированной» собственности подчинены отношениям власти правящего слоя собственников.

И очевидно, что большинство населения России, считают приватизацию несправедливой и нелегитимной операцией. Фактически такое отношение к приватизации спровоцировало у населения страны кризис доверия к либерально-демократическим ценностям и реформам 1990-х годов, что, в свою очередь, позволило монопольной власти достаточно «безболезненно» ограничить демократизацию и еще больше сконцентрировать ресурсы в руках властной элиты.

По мнению Дж. Стиглица проблема современной России состоит в совершенно неверном, искаженном взгляде на суть рыночной экономики, рассматривающем приватизацию в качестве самоцели. Поэтому он предлагает «восстановить веру в государство» посредством принятия последним «философии», основанной на том, что «естественные ресурсы принадлежат народу».

Сегодняшняя политическая и социально-экономическая картина российской действительности представляет собой причудливую пространственно-временную эклектику, в которой одновременно сосуществуют отдельные элементы советского прошлого и результаты процессов постсоветской трансформации, присутствующие в ней в качестве компонентов частнособственнической экономики и демократической организации общества. По своей

институциональной структуре и системе ценностей, сложившийся на сегодняшний момент в России, социетальный порядок принято относить к неозападному, он сущностно отличается, например, от такого же порядка развитых стран мира. Однако само существование этого факта еще не дает оснований говорить о неуспешности или невозможности каких-либо модернизаций в современной России.

Более того модернизация российского общества не только будет сущностно отличаться от подобных модернизаций в западных обществах, но будет и резко ограничена во времени, по сравнению с последними, поскольку новый модернизационный этап России придется проходить в условиях глобализованного мира.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что все успешные модернизации в разных

странах мира были не набором заимствований, а проектами государственного строительства, внедрения новых ценностей и идеалов, новой системы социальных отношений. Технологические инновации необходимы, но не достаточны, поскольку успешные модернизации связаны не с внедрением каких-либо технологических новшеств, а с новыми общегосударственными задачами, с новой системой целей, новой мотивацией людей. В этой связи, концепция российской модернизации должна, учитывая цивилизационные нормы развития современных обществ и культурно-историческую специфику развития страны, исходить в своей теоретической и методологической рефлексии из ведущей роли государства в модернизационных процессах. И только так и никак иначе.

¹ Из выступления В. Путина на встрече со своими сторонниками в Москве 01.12.2011 года. Цит. по ИТАР-ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti.ru>

² Вебер М. Протестантская этика и «дух капитализма». Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990; Он же. Хозяйство и общество. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010; Он же. Политические работы, 1895-1919. М.: Праксис, 2003; Он же. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.

³ Дюркгейм Э. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений / Э. Дюркгейм, М. Мосс // Общество. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / пер. с франц. М.: РАН, 1996. С. 6–73.

⁴ См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 171.

⁵ См.: Иноземцев В. Модернизация: кто и чем оплатит? // Российская Федерация сегодня. 2010. Ноябрь. № 22.

⁶ См.: Горбатова А. Модернизация в умах // Обзор материалов диспута Ассоциации независимых центров экономического анализа [Интервью с А. Аузаном и Б. Дубиным 21.11.2011 г.]. Электронное издание «Наука и технологии России». URL: <http://www.strf.ru>.

⁷ Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М.: РОССПЭН, 2009.

⁸ «Этатизм – авторитарно-бюрократическое общество, т. е. общество, в котором отношения собственности (экономика) подчинены отношениям власти (политике)». См.: Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб.: Лань, 1999.

УДК 32(470)

ДЕМЬЯНЕНКО Юрий Анатольевич,
кандидат социологических наук,
ректор ФГБОУ ВПО «Псковский государственный университет»,
докторант кафедры национальных и федеративных отношений
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: secret@pskgu.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ КАРТА СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА ФЕДЕРАТИВНОЙ РОССИИ: ВОЗМОЖНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье рассматриваются идеи изменения субъектного состава Российской Федерации, которые могут быть востребованы в самой ближайшей перспективе.

Ключевые слова: федерация, субъект, административно-территориальный, национально-территориальный, трансформация, ассоциации, объединения, федеральный Центр, федеральный округ, политическая регионалистика, этнополитика, национальные и федеративные отношения.

В составе России по состоянию на 1 января 2013 г. находится 83 субъекта Федерации. Для сравнения, в США, чья численность превышает численности населения России более чем в два раза, входит 50 штатов. В составе Индии — 25 субъектов федерации. Стоит подчеркнуть, что многочисленность субъектов в федеративных государствах несколько усложняет управление страной в целом, и ослабевает позиции региональных структур в реализации собственных интересов, вынуждая их координироваться и объединяться.

Примерами таких региональных объединений могут служить ассоциации экономического взаимодействия в Российской Федерации, образованные в 90-е годы XX века. Очевидно, что ассоциации экономического развития изначально формировались стихийно, собственными усилиями российских регионов, так как даже правовой базы для их сотрудничества, как таковой, не было. Некоторым субъектам Российской Федерации приходилось входить сразу же в несколько подобных экономических альянсов.

Практика создания ассоциаций экономического развития со временем была использована и в предложениях по укрупнению субъектов Российской Федерации, которая проводи-

лась, по сути, укрепившимся после 2000 года федеральным Центром. Хотя стоит подчеркнуть, что сам процесс укрупнения субъектов Российской Федерации, региональной элитой был воспринят неоднозначно. И даже были противники подобных политико-территориальных трансформаций.

Исследователь В.Н. Руденко по этому поводу отметил следующее: «Ассоциации экономического развития могли стать плацдармом для укрупненных российских регионов с усиленными бюджетами и экономикой. Эти укрупненные регионы были готовы взять на себя не только функции экономической интеграции регионов, но и функции макроэкономического управления во взаимодействии с федеральным Центром»¹.

На определенной стадии укрупнение российских регионов по линии экономических ассоциаций, происходило, если так можно выразиться самостоятельно, без вмешательства федерального Центра. Более того, руководители экономических ассоциаций могли участвовать в заседаниях Правительства Российской Федерации. И это все даже привело к формированию межрегиональных социально-политических структур. Федеральный Центр проводил лишь политику регламентарного контроля за

формированием и деятельностью межрегиональных структур. Позже, в 1998 году руководители экономических ассоциаций вошли в состав Правительства Российской Федерации в качестве федеральных министров.

Но с 2000 года, с момента «зарождения вертикали власти» региональное объединение пошло по иному сценарию. Политические акценты сменились с издания Указа Президента Российской Федерации от 13.05.2000 № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе». По-сути это значило, что введенная должность полномочного представителя Президента Российской Федерации стала связующей «фигурой» между главой субъекта Федерации и Президентом страны.

Если обратиться к истории российской государственности, то подобный связующий политический институт существовал всегда. В Имперской России был институт генерал-губернаторов, которые могли не только корректировать, но и прямо отменять решения губернаторов. В Советском Союзе субъекты Федерации (республики) входили в состав краев. Такая политико-территориальная структура, по-сути, позволяла уберечь государство от самораспада и сепарации.

Таким образом, полномочные представители Президента Российской Федерации, являются, если так можно выразиться «генерал-губернаторами современности», а федеральные округа можно сравнить с советскими краями, в состав которых входили советские республики. В любом случае, очевидно, что существование двухуровневого субнационального деления государственной (федеральной) территории характерно российской государственности, и является эффективным механизмом укрепления целостности и единства страны.

Как известно, главы субъектов Российской Федерации официально не подчиняются полномочным представителям Президента России, хотя в реальности находятся под их контролем. С другой стороны, у региональных лидеров появляется реальная возможность взаимодействовать с Президентом России, через его представителей в федеральных округах.

Особое значение в территориальном устройстве Российской Федерации оказыва-

ет ее асимметричность. При образовании составных частей федеративного государства используются два территориальных принципа:

- территориальный, основанный на политической, экономической и географической обособленности;

- этнический, обусловленный влиянием национального, религиозного, лингвистического, культурно-этнического и иных этнодемографических факторов.

По первому принципу образованы США, где штаты возникли исторически при естественном развитии и объединении общин. Второй критерий использован Индией, в которой штаты сформированы на языковой, религиозной, территориальной и географической основах. В некоторых федерациях употребляются оба критерия. Например Эфиопия состоит из 11 автономных регионов (штатов), 8 из которых образованы по этническому принципу, а остальные по территориальному².

Структурными элементами Российской Федерации являются республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа — равноправные субъекты Российской Федерации. И данное положение получило конституционное закрепление. Теперь рассмотрим те субъекты Российской Федерации, статус которых имеет существенные различия и закладывает основы асимметричности в структуре государства.

Во-первых, это города федерального значения (Москва и Санкт-Петербург). Города федерального значения отличаются от остальных членов Федерации сочетанием в себе одновременно статуса субъекта Федерации и статуса населенного пункта — города. Остальные субъекты, являясь территориальными единицами, включают в свой состав города, иные населенные пункты.

Во-вторых, это автономные округа. Стоит отметить, что автономные округа могут входить в состав края или области. В этом случае отношения между автономным округом и сложноустроенным субъектом могут регулироваться федеральным законодательством и договором между органами власти края, области и органами власти входящего в его состав автономного округа.

В-третьих, это республики. В отличие от других субъектов Федерации республики призна-

ются государствами. Слово «государство» употребляется для характеристики субъектов федерации, и в других странах («штат» от английского «state» в Австралии, США, Индии; *estado* в Бразилии, Мексике означает «государство»), но его значение переосмыслено (американские, малайзийские, бразильские или мексиканские штаты не рассматриваются как государства)³.

Республики, не являясь суверенными государствами, не имеют права заключать международные договоры с иностранными государствами и между собой, не вправе провозглашать своей исключительной собственностью землю, ее недра, природные богатства, что ранее делалось. Но власть в таких государствах не является суверенной, республики самостоятельны, только в рамках, установленных конституцией. Республики не вправе нарушать государственную целостность России, единство системы государственной власти. Конституция Российской Федерации не закрепляет право выхода республик из состава Федерации. Они самостоятельно принимают государственную символику.

Очевидно, что совершенствование субъектного состава Российской Федерации не должно сводиться к механическому сокращению количества субъектов Федерации. Оно предполагает выбор одной из наилучших доступных альтернатив. Совершенствование должно включать в себя и качественные изменения, например, выравнивание политико-правового статуса субъектов Федерации, уменьшение роли этнического принципа в организации федерации, модернизация федеративных отношений между федеральным Центром и субъектами Федерации.

При уменьшении числа субъектов Федерации достаточно реформировать управление территорией. Само федеративное государство, а также характер связей между федеральной властью и субъектами Федерации при этом не меняются, т.е. качественных изменений в таких случаях Федерация не претерпевает. Если власть стремится всего лишь оптимизировать управление регионами, то возможно таких мер будет достаточно, однако, для качественных изменений речь необходимо вести именно о совершенствовании субъектного состава России.

Обобщая мнения ученых относительно совершенствования состава субъектов Федерации можно выделить следующие препятствия к построению в России симметричной Федерации:

1) проблемы неравного статуса субъектов Федерации;

2) этнический принцип образования некоторых субъектов Федерации;

3) многочисленность субъектов Российской Федерации;

4) наличие сложноустроенных субъектов в России;

5) экономическая несамостоятельность ряда субъектов Российской Федерации — отсутствие у российского федерализма естественной экономической основы⁴.

Отметим, что сам по себе факт наличия в составе Федерации множества субъектов либо слабое экономическое развитие некоторых из них не означает, что необходимо менять субъектный состав такого государства. При определенных обстоятельствах оправдано существование относительно большего числа субъектов Федерации. Например, в Швейцарии 23 кантона (26 с полукантонами), на первый взгляд, для такой маленькой страны это много, однако если учитывать огромную лингвистическую составляющую в швейцарском государстве, то в таком случае можно говорить даже о его целесообразности. Финансовые же проблемы в субъекте Федерации далеко не всегда могут быть вызваны неоптимальным построением состава Федерации, но если экономическая нестабильность, причем перманентная, у подавляющего числа субъектов Федерации, то это должно настораживать, а в совокупности с другими критериями (мы выделили их пять) можно настаивать на изменениях в составе субъектов Российской Федерации.

Очевидно, неравноправие в России между субъектами недопустимо. Это грозит развалом Федерации. Необходимо не только менять структуру Российской Федерации, но и сокращать количество субъектов Федерации. Огромная территория сама по себе не требует большого количества субъектов. Кроме того, необходимо уменьшить влияние этнического принципа в организации Российской Федерации. Опыт зарубежных федераций (Чехословакии, Югославии), ситуация в Боснии и Герцеговине,

а также Бельгии, да и СССР, свидетельствует, что таким образом изначально закладывается возможность развала государства в моменты кризиса федеральной власти.

Исследователь И.А. Конюхова отмечает, что национальный фактор оказывает разрушающее воздействие на государственность России, влияет на рост национализма. В то же время нельзя игнорировать на современном этапе свершившийся факт образования республик — государств на национально-территориальной основе. Причину конфликтности она видит в наличии в конституционной модели асимметрии двух основных пороков, искусственно стимулирующих развитие национального фактора — структурирование субъектов Федерации в форме республик на квазинациональной основе и выбор формы самоопределения народов в виде «республика — государство»⁵.

Трудно не согласиться и с мнением ученого М.С. Саликова который подчеркивает: «Нельзя отождествлять решение национального вопроса с обязательным предоставлением территории, где проживает тот или иной этнос, статуса национально-государственного образования. Право на самоопределение не панацея для решения всех этнонациональных проблем. Существует немало средств для обеспечения полноценного развития любой нации, проживающей на территории федеративного союза, при отсутствии у нес субъектного статуса»⁶.

По мнению исследователя Э.В. Тадевосяна, «на нынешнем этапе развития российского федерализма в нем могут сохраняться в рамках принципиально единого статуса субъектов Российской Федерации известные элементы частичного неравноправия, связанные с объективно обусловленной асимметрией Российской Федерации, вызванными историческими, географическими и иными факторами, но не ставящие под сомнение их равноправие между собой в главном и в основном — в отношениях с федеральным Центром»⁷.

Никто не оспаривает этнические, исторические, географические, экономические и иные особенности субъектов Федерации. Однако в политико-правовом положении субъекты Российской Федерации должны обладать одинаковым статусом, который должен быть не-

двусмысленно закреплён в конституции государства.

В 1990-е годы ученый Л.М. Карапетян видел главную опасность в сохранении единой и неделимой Российской Федерации не в количестве и равноправии статуса субъектов Федерации, а в политико-правом и фактическом их равноправии. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что невозможно достичь конституционного и фактического равноправия субъектов Федерации без выравнивания их статуса⁸.

Ученый Л.Ф. Болтенкова в одной из своих работ пишет, что укрупнение субъектов не самоцель. За этим должны последовать качественные изменения в структуре федеративных отношений⁹. Механическая «перенарезка» территорий не приведет к задуманным результатам. Перекладывание финансовых обязательств с одних плеч на другие не решит проблемы дотационности территорий.

По мнению А.В. Усягина, главной проблемой в территориальном устройстве Российской Федерации является несоответствие административных, экономических, этнических и политических границ территорий. Обозначившийся переход от индустриальной к постиндустриальной фазе развития отдаляет сложившуюся сетку административно-территориального деления России от реальных экономических связей и отношений¹⁰.

Политика федеральной власти в настоящее время направлена на сокращение субъектов Российской Федерации. Ликвидируются прежде всего сложноустроенные субъекты (края и области, имеющие в своем составе автономные округа).

Во-первых, это оптимизирует процесс управления государством.

Во-вторых, приводит в соответствие с Конституцией России принцип равноправия субъектов.

В-третьих, укрупнение субъектов за счет автономных округов позволяет уменьшить влияние этнического принципа в построении Федерации.

Мы разделяем мнение О.А. Углановой в том, что процесс объединения субъектов Федерации базируется на унитарных началах российского федерализма с тенденцией к преоб-

ладанию административно-территориального принципа устройства государства¹¹.

На основе изложенного можно сделать следующие выводы:

1. В 90-е гг. прошлого века в России в рамках ассоциаций экономического взаимодействия начали складываться интеграционные процессы. Звучали различные предложения по объединению субъектов Федерации на их основе. Однако с учреждением федеральных округов ассоциации утратили свое доминирующее положение в интеграционных связях между субъектами Федерации.

2. Совершенствование субъектного состава Российской Федерации не должно сводиться к механическому сокращению количества субъектов Федерации. Оно должно включать в себя и качественные изменения (выравнивание политико-правового статуса субъектов Федерации, уменьшение влияния этнического принципа построения федерации, модернизация федеративных отношений между федеральным Центром и субъектами Федерации). При уменьшении численности субъектов Феде-

рации достаточно всего лишь реформировать управление территорией. Само федеративное государство при этом, а также характер связей между федеральной властью и субъектами Федерации не меняются, т. е. качественных изменений в таких случаях Федерация не претерпевает.

3. Придание равного политико-правового статуса субъектам Российской Федерации отвечает государственным интересам России. Один из шагов в данном направлении — сведение к минимуму в структуре России видов субъектов Федерации. Подавляющее число субъектов в России являются дотационными, неспособными самостоятельно без поддержки федеральной власти выполнять свои обязательства. Объединение субъектов Федерации в России лишь одна, но не единственная из форм совершенствования состава Российской Федерации. В некоторых случаях могут быть востребованы процедуры присоединения, разделения, выделения субъектов Федерации, а также создание инкорпорированных либо неинкорпорированных территорий.

¹ Руденко В.Н. Ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации: правовой статус и роль в становлении федеративных отношений // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. № 4. С. 127–137.

² Конюхова И.Л. Современный российский федерализм и мировой опыт: Итоги становления и перспективы развития. М.: Городец, 2009. С. 117.

³ Саликов М.С. Сравнительный федерализм США и России. Екатеринбург: УрГЮЛ; Изд-во Гуманитарного ун-та, 1998. С. 156–157.

⁴ См. например: Глигич-Золотарева М.В. Правовые основы федерализма. М.: Юрист, 2009. С. 339; Добрынин Н.М. Новый российский федерализм: Модель будущего государственного устройства Российской Федерации. Новосибирск: Наука, 2009.

⁵ Конюхова И.Л. Современный российский федерализм и мировой опыт: Итоги становления и перспективы развития. М.: Городец, 2009. С. 128–129.

⁶ Саликов М.С. О преимуществах и возможностях создания территориальной Федерации // Полис. 1998. С. 210.

⁷ Тадевосян Э.В. К вопросу о характере государственной власти субъекта Федерации // Государство и право. 2004. С. 26.

⁸ Карапетян Л.М. Субъекты федерации // Свободная мысль. 1996. № 11. С. 92.

⁹ Болтенкова Л.Ф. Правовые аспекты оптимизации федеративных отношений в Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 1 (50). С. 165.

¹⁰ Усягин А.В., Шишков М.К. Территориальное управление в России, теория, история, современность, проблемы и перспективы (спецкурс или монография в Интернете) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ierrus.ru>

¹¹ Уланова О.А. Конституционное регулирование субъектного состава Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2007. С. 8.

УДК 32(470)

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна,
доктор исторических наук, профессор,
руководитель Центра исследования межнациональных отношений
Института социологии Российской академии наук
e-mail: drobizheva@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье, составленной на основе выступления автора на заседании рабочей группы по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, представлен анализ современного состояния межнациональных отношений, нашедший отражение в Стратегии. Автор обращает особое внимание на понятие «толерантность», а также предлагает новое понятие «межэтническое согласие».

Ключевые слова: Стратегия государственной национальной политики, толерантность, межэтническое согласие, межнациональные отношения.

Прошел достаточно большой исторический промежуток времени после того, как Стратегия была опубликована, и она обсуждалась. Обсуждение показало довольно высокую заинтересованность общественности в понимании каких-то важных принципиальных теоретических и практических вопросов. Вы знаете, что текст Стратегии очень политизирован, спрессован и тщательно продуман, но встает вопрос об интерпретации этого текста. Эта интерпретация зависит от нас с вами, потому что совершенно понятно, что далеко не всегда наши коллеги, которые живут в разных областях и республиках, имеют возможность прочитать всю литературу, да и сама наша литература достаточно многозначно интерпретирует те или иные казалось бы очевидные положения. Поэтому я придаю большое значение тому, чтобы раскрыть некоторые положения, которые сформулированы в Стратегии, но пока не находят полного понимания.

Вот эти положения. Одно, это то, что в Стратегии, на мой взгляд, впервые достаточно четко сформулировано, что права человека и личности совмещаются с правами коллектива, то есть этнической общности, если люди чувствуют себя представителями этой общности. В последнее время довольно часто говорили о том, что заявления о национальных

интересах, понимания их как этнические интересы, о правах народов — это вещи второстепенные и нужно на первое место поставить именно только права личности. А вот в процессе обсуждения выяснилось, что в нашем обществе такой готовности к тому, чтобы отказаться от национальных и этнонациональных интересов и этнокультурных интересов — такой готовности нет. И это тоже вполне понятно, потому что мы переживаем тот исторический период, когда люди во многом разнообразны. Очень важно, что в современной концепции все-таки соединены интересы личности и интересы группы.

Второе. По моему мнению, острые споры (даже излишние) вызывает вопрос о российской идентичности. Нам приходит много писем, связанных с нашим участием в подготовке Стратегии, вот некоторые выдержки из них. «В XXI веке проблема многоэтничности поликультурности в стране, формирование национальной идентичности, по сути означающей становление единой российской нации — сложный болезненный и противоречивый процесс. Уже хотя бы поэтому требуется трансформация множества идентичностей. Так какова же роль специфики того или другого этноса и его идентичности в процессе формирования российской национальной иден-

тичности? Каково это механическое соединение, сплав и некоторый конструкт или более высокий проект национально поднимающий уровень и новый порядок понимания вещей?». Вот, очевидно, что даже само понимание новой российской идентичности не всегда укладывается в сознании людей, или понимается просто как сложение множества, что российская идентичность — это идентичность и других народов. Между тем, совершенно очевидно, что это не рядоположенные явления и феномены, это не просто татарская, русская, украинская и т.д. идентичности, вместе они составляют российскую идентичность, а это еще что-то новое, что объединяет людей. И поэтому даже само раскрытие российской идентичности тоже требует определенного внимания. Потому, что это тоже исторический этап, когда просто обычная государственная идентичность воспринимается как гражданская. Во Франции — это гражданское общество, гражданская идентичность. И французы все понимают, что это гражданская идентичность. А у нас мы не можем этого сказать. Почему? Потому что гражданское общество у нас только формируется. Значит, какая же это идентичность? Когда мы изучаем этот процесс, не все доверяют социологическим исследованиям, но все-таки когда они повторяющиеся, и проводятся достаточно объективно, к тому же совмещаются количественные показатели с данными качественных исследований — результатах глубинных интервью — выясняется, что вот эта российская идентичность действительно имеет другое направление по сравнению с этнической идентичностью. Государственная идентичность, как мы наблюдаем, доминирует в этой нашей российской идентичности. И никуда мы от этого не уйдем. Люди называют, прежде всего, государство которое их объединяет, территорию, страну, которая их объединяет, позиции нашей страны в мировом сообществе, — вот эти индикаторы понимают люди под нашей российской идентичностью. А когда мы говорим про этническую идентичность, то люди называют совсем другие индикаторы. Это культура, язык.

В российской идентичности есть что-то, что объединяет. Это та заинтересованность, тот интерес, которые и включают в коды единства,

которые объединяют людей независимо от национальности.

И другой вопрос встает, что же эта общая российская идентичность одинакова у всех? Так вот она не одинаковая, не только у разных людей, но и на разных территориях, она и по-разному совмещается с этнической идентичностью. Если мы берем русскую идентичность, то у русских она совершенно совмещается с российской (90–95% идентифицируют себя и русскими и россиянами). Даже если спрашиваем, насколько сильно вы себя чувствуете россиянами, то цифры достаточно большие — примерно 70%, причем это не только по российским опросам, но и по европейскому социальному исследованию, которое включает не только русские районы, но и шире охватывает территории республик, где-то от 70 до 80% на разных территориях идентифицируют себя россиянами. Но там они себя идентифицируют главным образом одновременно и со своей этнической идентичностью, они и татары, и чуваш, и россияне. И это несовмещающиеся идентичности, и нельзя сказать, что если они считают себя больше представителями своего народа, то в отношении их нельзя считать, что у них есть российская идентичность. Она есть, она реальна, и она проявляется не только в сознании, в представлении о своем народе, как российском народе, это одновременно и чувство, и готовность действовать.

Сегодня, к сожалению, далеко не всегда корректно объясняется само понятие патриотизма. Если брать понятие в ракурсе психологическом, понимания политического, политологического, исторического и социологического, то это будут явления, которые по-разному интерпретируются. Для социологов и психологов — это, прежде всего, конечно, чувство, чувство привязанности к Родине, и этот патриотизм как чувство Родины фиксируется у 90% населения, будь то татарин, будь то чуваш, русский, все равно. А вот когда мы начинаем говорить о патриотизме как о политическом явлении, то все зависит от того, какое содержание мы вкладываем в понятие патриотизма. Это связано, прежде всего, с критической оценкой своего общества, или только с позитивным. Можно ли считать патриотизмом, когда люди только позитивно оценивают свое. Не

буду здесь приводить классиков, а буду оперировать теми данными, которые получаем в ходе опросов. Совершенно очевидно, что патриотические настроения могут быть политизированными, и они могут в чем-то совмещаться с национализмом. А понятие национализм у людей включает только негативные представления об отношениях между ними. Между тем в теории, в мировой науке и у нас, давно разработана концепция, различающая гражданский национализм и этнический национализм, показано, что это разные явления, что могут быть гипертрофированные представления, исключающие других, а могут быть представления, главным образом защищающие интересы своей страны. В этом смысле французские социологи говорят, что в России недостаточно гражданского национализма, и даже было выступление В.В. Путина, в котором он говорил, что нам действительно нужно думать о российском национализме, но не в том значении, которое у нас придавалось ему в советское время, да и сейчас многими используется.

Значит вот эти соотношения наша задача как можно больше разъяснять, и не разъяснять только на основе классиков, потому что классики тоже разное говорили, и не только на основе учебников истории, потому что в них тоже по разному интерпретируются эти материалы. Даже государствоведы, которые более точны в своих определениях, тоже не всегда дают однозначные определения. Поэтому, я думаю, наша задача, коллективными усилиями дать такие определения, которые соответствовали бы реальной действительности.

Остановлюсь на вопросе, который непосредственно связан с моей работой. Задают вопрос о толерантности. В Стратегию мы ввели другое понятие, понятие «межэтнического согласия» и считаем что это понятие даже более широкое, чем толерантность, поскольку толерантность некоторые понимают как терпение. Когда вместе с ЮНЕСКО проводился Год толерантности, в республиках, в частности, в Якутии, в Татарстане, в Чувашии, в Удмуртии говорили о том, что мы много терпели, а вы нас опять хотите заставить терпеть. Поэтому замените это слово каким-то другим. Прошло много времени с 1995 года, и никуда мы особенно не

ушли в понимании этого термина, но все-таки мы пытались дать определение более широкое и, может быть, отвечающее более реальному пониманию вещей. Вот вводим это понятие — межэтническое согласие. По тем документам, которые мы получаем, и письмам, которые приходят, в суждениях, которые прошли на страницах прессы, нужно сказать, что это понятие, видимо, более приемлемо и людьми принимается. Хотя принципиально важно оставить термин толерантность в нашей политической лексике, поскольку это все-таки международный термин и понимание понятия толерантности мы не интерпретируем просто как терпение, это готовность принять других, такими, как они есть. Не любить, никто нас не заставляет любить других, но вот понимать и принимать их позицию — это возможно и другое важно — организовать взаимодействие с людьми, которые имеют другую культуру, другие представления. В этом суть, мне кажется, того, что понимается как толерантность.

И последнее, что нужно для нашего реального согласия в стране. Мы приводили в связи с подготовкой Стратегии много результатов социологических исследований, смотрели, как разные группы наших социальных менеджеров интерпретируют состояние межнациональных отношений, и к последнему заседанию Совета при Президенте мы вынесли некоторые такие обобщающие итоги в количественных измерениях. Они состоят в том, что в целом в стране уже на протяжении десятилетия удерживается отношение понимания позитивных установок у большинства населения — где-то у 50–70%. Есть группа риска. Эта группа составляет примерно 10%, в некоторых районах 19–20%. Эта группа, у которых действительно совмещены негативные установки в сфере общения и в трудовой сфере, и в культурной, и по отношению к мигрантам. Какие факторы действуют на эти процессы? Конечно, очень важно, какой тон, какие оценки задают элита и лидеры, которые озвучивают позиции на государственном уровне. Поэтому, как вы знаете, у нас эти межэтнические установки всегда колеблются в зависимости от того, как наше высшее руководство оценивает отношения с другими государствами. Например, отношение к грузинам всегда ухудшается, когда у наших стран хуже стано-

вятся отношения. Это понятно. Это идеологическая, политическая сферы. Но есть сфера экономическая, и она самая сложная. И очень упрощен тот вариант, когда говорят, что межэтнические отношения не зависят от экономики, они зависят хотя бы от относительной депривации, от того, как много прибывает мигрантов, претендующих на работу. И действительно, зависит от этого, какой культуры эти люди и т.д. Но факт остается фактом, чем больше людей, которые недовольны своим социальным продвижением, продвижением в карьере, тем выше в этих группах негативные установки. Это совершенно очевидно. И чем больше людей, которые понимают, что у них открыты возможности продвижения в обществе, что есть

возможность поступить учиться, есть возможность устроиться на любую работу, им не откажут в правовой защите, тем больше межэтнические отношения благоприятны. Но очень большое значение имеет и то, как показывают результаты исследований, что в каждом регионе строятся отношения с непосредственно взаимодействующими этническими группами, то есть это русские и титульные национальности или это русские и казахи, таджики. Представительство нетитульных национальностей во властных структурах и в бизнесе — это тоже точки риска конфликтов. Вы сами знаете, насколько трудно это регулировать, соблюсти баланс интересов. Но многое зависит именно от руководства каждого региона.

УДК 323:331(470)

ЕФРЕМОВА Инна Владиславовна,
аспирант 4 курса заочной формы обучения
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»,
кафедра национальных и федеративных отношений
e-mail: kafedra-nifo@yandex.ru

ФЕДЕРАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ТРУДА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В годы становления рыночной экономики в России произошли принципиальные изменения в сфере трудовых отношений. Они существенно усложнились, возникли их новые виды и формы, расширился субъективный состав участников, была построена вертикальная система регулирования разнонаправленных интересов субъектов отношений. В данной статье исследуются федеративные аспекты государственного регулирования сферы труда в современной России.

Ключевые слова: федерализм, трудовые отношения, национальный менталитет, законодательство, национальные и федеративные отношения.

В годы становления рыночной экономики в России произошли принципиальные изменения в сфере трудовых отношений. Они существенно усложнились, возникли их новые виды и формы, расширился субъективный состав участников, была построена вертикальная система регулирования разнонаправленных интересов субъектов отношений. Однако трансформационные процессы породили как положительные, так и негативные явления в социально-трудовой сфере, что отразилось и на трудовых отношениях — они приобрели ряд особенностей. На современном этапе развития России в качестве таковых можно выделить следующие:

1. Современной основой функционирования трудовых отношений является национальный менталитет, особая философия труда, которые отдают приоритет регулирования трудовых отношений неформальным договоренностям, в то время как трудовое законодательство порой отодвигается на второй план в деле регулирования трудовых отношений в России.

2. Преимущественная роль работодателей в трудовых отношениях.

3. Незнание работниками своих законных прав и отсутствие желания защищать их.

4. Нежелание большинства работников участвовать в формировании системы социального партнерства, принимать участие в комиссиях по заключению коллективных договоров.

5. Слабая роль государства и профсоюзного движения в регулировании трудовых отношений.

6. Чрезмерная дифференциация доходов участников трудовых отношений.

В 90-х гг. в связи с разрушением геополитического пространства СССР, образованием Российской Федерации, усложнением социально-экономической ситуации, кризисом политической системы стали формироваться новые ориентиры в социальной политике, основывающиеся на заботе самих граждан о себе через вхождение в трудовой рынок. На законодательном уровне это выразилось в ряде положений принятой в 1993 году Конституции Российской Федерации. В ее рамках обеспечение права на труд перестало быть обязанностью государства, труд стал свободным: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию».

В середине 90-х гг. назрела крайняя необходимость реализации комплекса мер по усилению мотивации труда согласно явной взаи-

мозависимости между повышением уровня минимальных гарантий, ролью тарифной части заработной платы и конечными результатами производства. В дальнейшем это воплотилось в ст. 2 Трудового кодекса Российской Федерации 2001 года, принятого взамен КЗоТ 1971 года и призванного конкретизировать конституционные положения нового времени. В нем говорилось: «Исходя из общепризнанных принципов и норм международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации основными принципами регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений признаются: свобода труда, включая право на труд, который каждый свободно выбирает или на который свободно соглашается, право распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности».

Становление и развитие трудовых отношений на современном этапе развития России связано с формированием новых условий труда в связи с переходом страны на новые принципы хозяйствования, что вносит коренные изменения в трудовые отношения.

В настоящее время в России исходя из ее федеративности, четко просматриваются основные контуры системы социального партнерства, имеющей следующие уровни: федеральный, федерально-окружной, региональный, отраслевой, территориальный, базовый (предприятие, учреждение, организация). У каждого из них — свои субъекты соглашения, структурные органы и организации, формы договоренностей. В данном вопросе федеративные отношения играют ключевую роль. Социальное партнерство представляет собой социальный мир и сплоченность общества, условия его политической стабильности, экономического прогресса, роста доходов государственного бюджета, общей конкурентоспособности национальной экономики.

Однако на сегодняшний момент в трудовом законодательстве России присутствуют некоторые противоречия в разграничении полномочий между федеральными и региональными органами власти, соотношение коллективно-договорных актов между собой, что требует специального исследования.

Объектом внимания научных разработок становится «идеологический» аспект трудовых отношений в условиях рынка: как придать труду смысловое содержание, а не только с точки зрения и выживания», обогащения и других материальных подходов. Федеративно-демократический характер государства, на наш взгляд, предоставляет возможность реализации указанного замысла, ибо наличествуют полномочия в сфере трудовых отношений и у органов государственной власти субъектов Федерации, и у органов местного самоуправления.

Согласно п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации трудовое законодательство относится к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, также ст. 26.1 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹. Это означает, что при регулировании трудовых отношений применяются как нормы федерального законодательства, так и принимаемые в соответствии с ними нормативно-правовые акты на уровне субъектов Российской Федерации.

Однако законодатель, закрепляя в ст. 6 Трудового кодекса Российской Федерации перечень вопросов, относящихся исключительно к ведению федеральных органов государственной власти, запрещает органам государственной власти субъектов Российской Федерации осуществлять правовое регулирование в соответствующих разделах трудового законодательства.

Основополагающие институты трудового законодательства, к которым относятся основы социального партнерства, порядок ведения коллективных переговоров, заключения и изменения коллективных договоров и соглашений, особенности правового регулирования отдельных категорий работников и т. д., не могут выступать в качестве предмета регионального законотворчества. Даже в том случае, если на уровне регионального законодательства существует реальный способ улучшения положения работника по сравнению с обеспечиваемым федерацией объемом трудовых прав, свобод и гарантий.

Формально в России сложилась система социального партнерства, включающая федеральный, межрегиональный, региональный, отраслевой уровни организации. Эта система начала формироваться «сверху» с разработкой законодательной базы. В результате формирования институтов сферы труда обозначилась слабость профсоюзов, обусловленная чрезмерной бюрократизацией их аппарата и несопадением интересов профсоюзной верхушки с интересами рядовых членов. Это позволило объединениям работодателей использовать свое участие в работе трехсторонних региональных и территориальных комиссий для решения своих задач.

Система социального партнерства на уровне предприятий в России работает только, там где сохранились и действуют крупные профсоюзные организации. Для современной российской модели социального партнерства характерно отсутствие связи между Генеральным соглашением, отраслевыми и региональными соглашениями, с одной стороны, и условиями социального партнерства предприятий, с другой. Это означает, что формально социальное партнерство в России является многоуровневым, а реализуется и функционирует как одноуровневое. Для Российской Федерации характерны отраслевые и региональные различия, однако региональные различия выражены намного больше. В связи с этим, в становлении социального партнерства в России важно преодоление неравенства в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации.

Несмотря на то, что для становления и развития социального партнерства сформирована законодательная база и институциональные основы, существует целый ряд факторов, сдерживающих его становление: неразработанность процедур переговоров, неравенство сторон переговоров, низкий уровень жизни и чрезмерная и необоснованная дифференциация доходов в российском обществе.

Статья 6 ТК РФ о разграничение полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отноше-

ний, подвергается критике со стороны ряда ученых.

К ведению федеральных органов государственной власти в сфере трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений относится принятие обязательных для применения на всей территории Российской Федерации федеральных законов и иных нормативных правовых актов, устанавливающих²:

- основные направления государственной политики в сфере трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений;

- основы правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений (включая определение правил, процедур, критериев и нормативов, направленных на сохранение жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности);

- обеспечиваемый государством уровень трудовых прав, свобод и гарантий работникам (включая дополнительные гарантии отдельным категориям работников);

- порядок заключения, изменения и расторжения трудовых договоров;

- основы социального партнерства, порядок ведения коллективных переговоров, заключения и изменения коллективных договоров и соглашений;

- порядок разрешения индивидуальных и коллективных трудовых споров;

- порядок осуществления федерального государственного надзора за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права;

- порядок расследования несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний;

- систему и порядок проведения аттестации рабочих мест по условиям труда, государственной экспертизы условий труда, подтверждения соответствия организации работ по охране труда государственным нормативным требованиям охраны труда;

- порядок и условия материальной ответственности сторон трудового договора, в том числе порядок возмещения вреда жизни и здо-

ровью работника, причиненного ему в связи с исполнением им трудовых обязанностей;

- виды дисциплинарных взысканий и порядок их применения;

- систему государственной статистической отчетности по вопросам труда и охраны труда;

- особенности правового регулирования труда отдельных категорий работников.

Ввиду того, что если Кодексом определен круг вопросов, отнесенных к ведению Российской Федерации, то субъекты Российской Федерации не вправе принимать законы по этим вопросам, даже в случае отсутствия федерального закона, так как такое нормотворчество находится вне их компетенции³.

Некоторые авторы полагают более приемлемой иную технологию взаимодействия между федерацией и регионами в сфере регулирования трудовых отношений. «Конституционная категория „совместное ведение” есть показатель совершенных федеративных связей, когда механизм разделения государственной власти — это не только фактическое размежевание полномочий, но и отношения сотрудничества и взаимодействия различных уровней власти. Приоритет в федеральных законах должен быть не за нормами, разграничивающими полномочия органов государственной власти, а за нормами, регламентирующими процедуру совместной деятельности органов государственной власти по предметам совместного ведения (например, порядок использования согласительных процедур)»⁴.

Однако Федеральный закон от 30.06.2006 № 90-ФЗ, внесший изменения в ТК РФ, которые затронули почти 300 статей, не отобразил соответствующую позицию, сделав акцент на конкретизацию объема предметов ведения федеральных органов государственной власти. Например, в качестве самостоятельного предмета их регулирующего воздействия выделено определение правил, процедур, критериев и нормативов, направленных на сохранение жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности.

На первый взгляд отсутствие совместной законодательной деятельности в качестве основы взаимодействия между федерацией и регионами в сфере трудовых отношений мо-

жет пагубно сказаться на региональном законотворчестве. Обладая всей полнотой власти в области правового регулирования трудовых отношений, федеральные органы государственной власти имеют возможность в одностороннем порядке и на законных основаниях выводить отдельные вопросы из сферы регулирующего воздействия субъектов Российской Федерации. Мнение региональных органов государственной власти в данном случае не учитывается, а законотворческий опыт субъектов Российской Федерации остается невостребованным вследствие имеющейся модели разграничения полномочий по регулированию трудовых отношений.

Но выбор указанной центристской модели объективно обусловлен экономической ситуацией в государстве в целом и в отдельных местностях, а также сложившимися традициями и перспективами построения федеративных отношений. Экономическая слабость, а зачастую и финансовая несостоятельность субъектов Российской Федерации, не позволяет перенести на них бремя принятия решений в сфере трудовых отношений.

Трудовое законодательство в России традиционно является инструментом регулирующего воздействия федеральных органов государственной власти. До принятия Конституции Российской Федерации ее субъекты не имели собственной системы законодательства. И даже несмотря на появление с 1993 года в качестве норм-принципов регионального законодательства и собственной компетенции органов государственной власти субъектов Российской Федерации, до сих пор отсутствует достаточный объем конкретных полномочий, позволяющий детализировать указанные декларативные устремления.

Между тем, в общемировой практике существует иная модель разграничения полномочий в сфере трудовых отношений. «Вопросы социальной сферы традиционно в наибольшей степени относятся к региональной компетенции. Это вполне логично с точки зрения всей идеологии разграничения полномочий: то, что ближе к геополитике, относится скорее к федеральной компетенции, то, что ближе к простому человеку и конкретной местности — относится к регионам»⁵.

В отечественной системе федеративного строительства сложились факторы, способствующие внедрению названной общепринятой практики.

Происходящий процесс укрупнения регионов⁶ является необходимой предпосылкой формирования субъектов Российской Федерации, способных принять на себя ответственность за регулирование вопросов социальной сферы, в том числе и связанных с трудовыми отношениями.

В качестве финансовых инструментов, способствующих увеличению ответственности субъектов Российской Федерации в сфере трудовых отношений, целесообразно закрепить на уровне федерального законодательства принципы бюджетного федерализма, предполагающего единую бюджетную политику с сохранением бюджетной индивидуализации и автономии субъектов Федерации. Они заключаются в следующем:

- конкретизация расходов, финансируемых из федерального, региональных и муниципальных бюджетов;
- определение единых для всех субъектов Российской Федерации долей перечислений в федеральный бюджет от налоговых поступлений;
- осуществление финансовой поддержки регионам только в форме прямых перечислений на определенные цели, предусмотренные программами оптимизации использования ресурсов субъектов Российской Федерации в интересах их самостоятельного развития и при условии последующего снижения дотаций;
- обеспечение определенных финансовых преимуществ для регионов-доноров, за счет которых существуют регионы-реципиенты;
- применение системы санкций как за нарушение сроков и размеров перечислений из региональных бюджетов в федеральный, так и за нарушение сроков и размеров предоставления финансирования из федерального бюджета субъектам Российской Федерации.

В итоге органы государственной власти субъектов Российской Федерации будут самостоятельно планировать расходование ресурсов на социально значимые цели, получать финансовую поддержку со стороны Федера-

ции на их осуществление, а также отчитываться о достигнутых результатах.

В соответствии с действующим законодательством законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации обладают правом законодательной инициативы на федеральном уровне. Тем не менее, данного инструмента недостаточно для учета мнения субъектов Российской Федерации в процессе выработки общегосударственной политики регулирования трудовых отношений, так как полномочия по обсуждению механизма реализации инициатив и принятию окончательного решения целиком остаются за федеральными государственными органами.

Поэтому использование описанных выше способов в качестве неотъемлемого предмета правового регулирования трудовых отношений, и прежде всего согласительных процедур, следует закрепить в нормах Трудового Кодекса Российской Федерации и иных федеральных законов. В результате появится основанная на законе связь между федеральными правовыми актами, устанавливающими правила поведения участников трудовых отношений, и потребностями самих участников, аккумулированных на уровне органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

В сложившейся ситуации только государство может выступать гарантом соблюдения право и свобод трудящихся, и государство тем самым должно играть особую роль в системе социального партнерства. Эта регулирующая функция государства в полной мере не осознается в силу переоценки роли рыночных механизмов и недооценки связи трудовых отношений в решении социальных проблем, где роль государства выходит на первый план. В настоящее время до сих пор не решены вопросы на государственном уровне в части соотношения коллективных договоров и тарифных соглашений, не выработан механизм согласования интересов наемных работников и работодателей, государство само не выполняет трехсторонние соглашения.

Представляется, что дальнейшая трансформация трудовых отношений в России станет определяться становлением смешанной модели трудовых отношений, усилением го-

сударственного регулирования на определенных этапах ее развития, демократизации управления, развитием патернализма на уровне предприятий, партнерских отношений,

формированием социальной ответственности бизнес-структур, что в конечном счете будет способствовать социальной сплоченности общества.

¹ Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Информационно-правовая база гарант [Электронный ресурс]. URL: base.garant.ru

² Трудовой Кодекс Российской Федерации. Ст. 6.

³ Орловский Ю.И. Реформа трудового законодательства на стадии завершения // Журнал российского права. 2001. № 10. С. 19.

⁴ Туровский Р.Ф. Разграничение компетенции между уровнями власти: международный опыт // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 11. С. 20.

⁵ ФКЗ от 25.03.2004 № 4-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермятского автономного округа» // Российская газета. 2004. 26 марта; ФКЗ от 14.10.2005 № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Красноярского края, Таймырского автономного округа и Эвенкийского автономного округа» // Российская газета; ФКЗ от 12.07.2006 № 2-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Камчатской области и Корякского автономного округа» // Российская газета; «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Иркутской области и Усть-Ордынского бурятского автономного округа» // Российская газета; «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского бурятского автономного округа» // Российская газета.

⁶ Российский экономический журнал. 2002. № 7. С. 53–77; Федерализм. 2002. № 2. С. 143–162; Вопросы экономики. 2002. № 5. С. 144–152.

УДК 32(470)

ЗОРИН Владимир Юрьевич,

доктор политических наук, профессор,
заместитель директора Института этнологии
и антропологии Российской академии наук
e-mail: info@iea.ras.ru

СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТРАДИЦИОННОСТЬ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ К УКРЕПЛЕНИЮ ЕДИНСТВА МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО НАРОДА РОССИИ (РОССИЙСКОЙ НАЦИИ)

В данной статье автор анализирует новую Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации. Обращает внимание на ее сильные и слабые стороны. Оценивает ее с позиций эффективности реализации предложенных в ней мер.

Ключевые слова: стратегия, национальная политика, народ, государство, эффективность.

Динамичные общественно-политические процессы в России, возросшая активность гражданского общества, мировой финансово-экономический кризис, обостривший проблемы трудовой миграции, вновь поставил на повестку дня проблемы этнической мобилизации. Свою лепту в этот процесс внесла Всероссийская перепись населения 2010 года, парламентские и президентские выборы 2011–2012 годов, рост радикальных настроений и провалы политики мультикультурализма в Европе.

Властям, экспертному сообществу стало очевидно, что действовавшая с начала 2000-х годов либерально-демократическая модель этнополитики не только не оправдывает себя в условиях многонациональной и поликонфессиональной России, но и несет угрозу единству страны и национальной безопасности.

Позволю себе напомнить, что согласно опубликованным недавно итогам переписи, Россия является одним из самых многонациональных государств мира, объединяющим более 190 народов, каждый из которых имеет свои национально-культурные особенности, специфику в хозяйственной деятельности и социально-профессиональной структуре. Единственным источником сведений о национальном составе населения являются переписи населения. Национальная принадлежность в ходе опроса на-

селения указывалась самими опрашиваемыми на основе самоопределения и записывалась переписными работниками со слов опрашиваемых.

Итак, в 2010 году насчитывалось 22 наиболее многочисленные национальности, численность населения которых превышала 400 тыс. человек, в 2002 году таких национальностей было 23, а в 1989 году — 17. В период 1989–2002 гг. в группу наиболее многочисленных национальностей вошли азербайджанцы, даргинцы, кабардинцы, кумыки, якуты и лезгины. В период 2002–2010 гг. из этой группы выбыли немцы в связи с сокращением численности населения.

Численность семи национальностей превышает 1 млн человек (в порядке уменьшения): русские, татары, украинцы, башкиры, чуваша, чеченцы и армяне. Однако в составе этой группы в период 1989–2002 гг. происходили изменения — менее миллиона стала численность мордвы и белорусов, более миллиона — чеченцев и армян.

Русское население является наиболее многочисленным (111 млн человек) и составляет 80,9% общей численности населения. По сравнению с 2002 года численность русских сократилась на 4,9 млн человек, но доля их во всем населении страны увеличилась на 0,3%. Второе место по численности населения в стране

традиционно занимают татары. Несмотря на то, что украинцы остались на третьем месте, их численность сократилась с 2002 года более чем на 1 млн человек, что привело и к значительному уменьшению доли украинцев в общей численности населения страны (на 35%). Доля башкир во всем населении страны незначительно уменьшилась.

Перепись показала значительное увеличение в России численности киргизов, узбеков и таджиков, но их совокупная доля среди населения составляет менее 1% населения.

Численность населения коренных малочисленных народов Российской Федерации в 2010 году составила 316 тыс. чел. В 2002 году она составляла 307 тыс. Из 47 коренных малочисленных народов у 17 увеличился численный состав.

При переписи отдельно был сформирован список «лиц, указавших другие ответы на вопрос о национальной принадлежности». В этот перечень попали немногочисленные или нехарактерные для России этнические группы. Из основного списка в категорию «другие» по причинам изменившейся этнодемографической ситуации после распада СССР и эмиграции были переведены представители некоторых групп, в частности, албанцы, а также разные экзотические наименования. В результате все они были включены в отдельную группу «лица других национальностей» общей численностью 17 509 человек по причине их явно не этнической природы. В этот же список были отнесены и лица, самоидентифицировавшие себя по «географическому» признаку, например, россияне, — их численность составила 13 357 человек, дагестанцы — 21 462 человека, а 257 человек отнесли себя к югославам.

В 2010 году из 109 млн человек в возрасте от 15 до 72 лет, 72 млн (66%) — были экономически активными, 32 млн человек (29%) экономически не активными и 5 млн человек (5%) — не указали эти данные. Среди экономически активного населения 6,3 млн человека, или 9%, приходится на безработных.

В возрастном составе населения многочисленных национальностей произошли заметные изменения. Итоги переписи показали увеличение медианного возраста у населения

всех многочисленных национальностей, т.е. возраста, который делит все население на две равные по численности группы таким образом, что одна из них является моложе, а другая старше данного возраста. Самыми «молодыми» по возрасту являются чеченцы (23,9 лет), аварцы и кумыки (по 26,7 лет), а также даргинцы (26,9 лет). Самыми «старыми» — белорусы (54,2 лет), украинцы (52,5 лет), мордвы (48,2 лет), удмурты (44,2 лет) и чуваша (42,2 лет). Медианный возраст у других национальностей, численность которых составляет более 1 млн человек, составляет: у армян 34,9 лет, башкир 36,2 лет, русских 38,3 лет, татар 39,9 лет и чувашей 42,2 лет.

Похоже, что перепись «выявила» самых надежных для брака мужчин и женщин по их национальности. В межпереписной период доля лиц, состоящих в браке, повысилась среди мужчин у русских, украинцев, чеченцев, аварцев, даргинцев, удмуртов, осетин, белорусов, кумыков, лезгин, бурят и ингушей, среди женщин — у кабардинцев, кумыков, бурят и ингушей. Доля разведенных и разошедшихся среди мужчин снизилась у украинцев, армян, азербайджанцев, белорусов, лезгин и ингушей, среди женщин — только у кабардинцев. При этом самые высокие показатели разведенных и разошедшихся среди мужчин — у русских, украинцев, белорусов, мордвы, башкир. Среди женщин — у русских, белорусов и татар.

Рождаемость у российских женщин в возрасте 15 лет и старше характеризуется таким образом. Самые лучшие показатели среднего числа рожденных детей на 1000 женщин у ингушей (2257), чеченцев (2196), даргинцев (1975) и аварцев (1923). Русские — единственная многочисленная национальность, у которой показатель среднего числа детей ниже общероссийского. При этом у русских самая высокая доля родивших 1 ребенка — 33%. За ними следуют украинцы и белорусы (29%). Доля женщин, родивших 2 детей, самая высокая у белорусов (46%), украинцев (44%) и мордвы (40%). Среди родивших 3 и более детей самый высокий показатель у чеченцев (42%), ингушей (41%), аварцев и даргинцев (по 36%), кумыков (33%) и лезгин (31%). Самая низкая доля женщин, родивших 3 и более детей, у русских — 11%.

Опрос и учет населения при проведении переписи проводится по домохозяйствам. Домохозяйство — это люди, совместно проживающие и совместно обеспечивающие себя необходимыми средствами к существованию. Они могут быть связаны отношениями родства или брачными, а могут и быть не родственниками. Домохозяйство может состоять и из одного человека. Так, в частных домохозяйствах, состоящих из одного человека — 15% белорусов, 13% украинцев и 10% русских. Одиноких меньше всего среди ингушей (0,9%), кумыков (1,5%) и чеченцев (1,6%). Наибольшая доля одиноких людей в возрасте 55 лет и старше среди белорусов (73%), украинцев (70%), мордвы (68%) и русских (60%).

Из общего числа частных домохозяйств, состоящих из 2 и более человек, 84% — являются мононациональными, т. е. все члены домохозяйства относятся к одной национальности. В межпереписной период число мононациональных домохозяйств уменьшилось на 2,5% за счет сокращения числа таких домохозяйств среди белорусов (на 37%), украинцев (на 36%), удмуртов (на 16%), чувашей и марийцев (по 13%), башкир (на 6%), татар (на 5%), русских (на 3%) и мордвы (на 2%). Высокие показатели роста числа мононациональных домохозяйств в этот период были у ингушей (30%), кумыков (27%), даргинцев (22%), аварцев (19%) и чеченцев (17%). Преобладание домохозяйств, состоящих из 2 человек, наблюдается у белорусов (62%) украинцев (59%), мордвы (45%), русских (41%) и удмуртов (40%). Для народов Кавказа характерны высокая рождаемость и совместное проживание не одного поколения родственников, что сказывается на размере домохозяйства. Это явление наглядно демонстрируют итоги переписи — более половины мононациональных домохозяйств многочисленных народов Кавказа состоят из 4 и более человек.

Переписью 2010 года были учтены все варианты самоопределения населения по вопросам владения языками и родного языка (в программе переписи населения 2002 года этот вопрос отсутствовал). Распространенность языков в Российской Федерации выяснялась посредством трех вопросов переписного листа: «Владеете ли Вы русским язы-

ком?», «Ваш родной язык?», «Какими иными языками Вы владеете?» (при ответе на этот вопрос можно было указать от 1 до 3 языков). Практически все население (от 90,6 до 99,8% указавших владение языками) этих национальностей владеет государственным языком Российской Федерации — русским языком. Длительный период, начиная с переписи 1989 года, происходили изменения в самоопределении населением своего родного языка. У 14 народов (не считая русских) повысилась доля лиц назвавших своим родным языком русский язык. Самые высокие темпы роста наблюдались у казахов, у которых доля лиц, назвавших родным русский язык, повысилась в 2,4 раза, у бурят — на 61%, татар — 44%, марийцев — 40%, башкир — 37% и украинцев — 33%. Русский язык считают родным помимо русских большинство белорусов (83%) и украинцев (76%), около одной трети населения — среди удмуртов, мордвы и армян, от 21 до 29% населения — среди чувашей, казахов, марийцев, бурят и татар.

Самый низкий уровень владения языком, соответствующим национальности, у белорусов (24%), украинцев (35%), бурят (45%). Самые высокие показатели владения языком, соответствующим национальности, среди русских (99,9%), чеченцев (94%), кабардинцев и якутов (по 86%). Наиболее высока доля лиц, указавших в качестве родного язык, соответствующий национальности, у русских (99,9%), чеченцев (99%), ингушей, аварцев, кумыков, даргинцев и кабардинцев (по 98%), лезгин (95%), якутов и осетин (по 93%).

У всех наиболее многочисленных национальностей уровень образования вырос за счет быстрых темпов роста высшего, неполного высшего и среднего профессионального образования. Выше общероссийского показателя доля лиц, имеющих основное общее и высшее образование, у 8 национальностей — русских, армян, азербайджанцев, осетин, кабардинцев, якутов, лезгин и бурят. Следует отметить резкое уменьшение у всех многочисленных национальностей численности и доли лиц с начальным профессиональным образованием, что может привести к нехватке в экономике квалифицированных кадров по рабочим специальностям.

Численность лиц, указавших гражданство Российской Федерации составила 137,9 млн чел. Это 99,4% всех лиц, указавших гражданство. 700 тыс. чел. имеют гражданство других государств (среди них 70 тыс. — из стран Азии, 29 тыс. чел. — из стран Европы, 6 тыс. чел. — стран Африки, 3 тыс. чел. — стран Северной и Южной Америки, 156 человек — стран Австралии и Океании), 200 тыс. — лица без гражданства.

Из общей численности граждан Российской Федерации 79 тыс. чел. имеют два гражданства. Не указали свое гражданство — 4 млн человек. Среди иностранных граждан, постоянно проживающих в России, подавляющая часть — граждане государств-участников СНГ (84% всех иностранцев). Из них наиболее многочисленны граждане Узбекистана, Украины, Таджикистана¹.

Многообразие национального и религиозного состава населения, многовековой опыт сохранения единого государства, межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, традиции учета потенциала и интересов всех проживающих на его территории народов, высокий уровень самосознания этнических общностей составляют интеграционный ресурс российской цивилизации, укрепления ее государственности и определяют состояние и позитивный вектор дальнейшего развития межнациональных отношений в Российской Федерации.

Однако этот исторический ресурс не является неисчерпаемым и Россия существует не в изолированном пространстве.

Мировой тенденцией является обострение межэтнических противоречий, рост нетерпимости даже в тех странах, которые достигли высокого качества жизни. Это происходит, в том числе, на фоне мирового экономического кризиса и нарастания миграционных потоков. Все это свидетельствует, что не только экономическое благосостояние общества определяет гармоничность межэтнических отношений.

По данным многолетнего мониторинга, осуществляемого Институтом этнологии и антропологии РАН совместно с Сетью этномониторинга в России с 2008 г. наблюдается определенное повышение уровня конфликтности, хотя до этого в течение ряда лет ситуация была

лучше. Новый уровень конфликтности, характеризующийся как слабая общественно-политическая напряженность, сохранился и в текущем году².

Эксперты отмечают, что прежде всего в крупных городских центрах, имеют место проявления экстремизма, рост расистского и иного мотивированного межгрупповой ненависти, повышение агрессивности в проявлениях бытовой ксенофобии, кавказофобии, мигрантофобии и антисемитизма. Серьезную угрозу представляет радикальный национализм, который разделяет россиян по этническому признаку и препятствует утверждению общероссийской идентичности. Экстремисты прибегают к насилию в отношении этнических меньшинств, мигрантов и иностранных граждан. Нередки случаи убийства, массовых драк и беспорядков. Неприемлемым для страны, которая внесла решающий вклад в победу во Второй мировой войне, является появление неонацистской идеологии и деятельность профашистских групп, распространение фашистской символики и литературы, пропаганда экстремизма и ненависти, в том числе и через Интернет. Язык вражды и группы ненависти присутствуют главным образом среди молодежи, хотя идеологами и организаторами выступают взрослые люди, в том числе политики, бизнесмены и интеллигенция.

Экстремизм и ксенофобия характерны для многих стран со сложным составом населения, большой долей мигрантов. Об этом еще раз свидетельствуют погромы во Франции, Великобритании, теракты в Норвегии. Россия, как самое многоэтническое и поликонфессиональное государство европейского пространства, не исключение. Однако фундаментальных и непреодолимых факторов для роста межэтнической вражды и этнического национализма в стране нет.

Напряженность и конфликты возникают там, где неблагоприятная социально-экономическая обстановка соединяется с плохим управлением, и когда политики и безответственные общественные активисты используют этнический и религиозный факторы для достижения власти и собственного благополучия. Только государство обладает всеми средствами обеспечивать межэтническое со-

гласие, и только оно имеет право применять силу для противодействия разжиганию розни и проявлениям насилия.

Поэтому предупреждение и оперативное урегулирование конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений является одним из основных принципов государственной национальной политики в России.

К негативным факторам относятся так же современные территориальные споры и конфликты, связанные с неоднократными произвольными изменениями административных границ СССР, репрессиями и депортациями в отношении некоторых народов.

Высокий уровень социального неравенства в обществе и региональной дифференциации, этнополитизация различных сфер жизнедеятельности, являются факторами, непосредственно усиливающими конфликтный потенциал межнациональных отношений и ослабляющим общероссийскую гражданскую идентичность, а также негативно влияющим на демографическую ситуацию в стране, создающим угрозу дезинтеграции страны.

Факторами, препятствующими проведению эффективной государственной национальной политики, являются коррупция, пороки правоохранительной системы, недоверие граждан к органам власти и управления, предвзятость некоторых их представителей к формам и способам самовыражения отдельных национальностей, неспособность обеспечить справедливость, защитить законные интересы людей.

В системе управления сферой государственной национальной политики до последнего времени не были решены вопросы межведомственной и межуровневой координации, раннего предупреждения проявлений этнофобии, радикализма и экстремизма в регионах и муниципальных образованиях. Поддержание межнационального согласия, оперативное урегулирование потенциально конфликтных ситуаций, содействие диалогу, пропаганда взаимоуважительных отношений между представителями различных этнических общностей не стали приоритетными в работе органов и должностных лиц местного самоуправления.

Законодательство Российской Федерации в области межнациональных отношений не

в полной мере соответствует потребностям общества по укреплению гражданского единства, снижению межнациональной напряженности, не содержит норм, способствующих межкультурному диалогу, обеспечению гражданского мира и межнационального согласия.

Деструктивное влияние на состояние межнациональных отношений в Российской Федерации оказывают современные миграционные процессы. Многие мигранты, прибывающие в страну, обладают не только низким уровнем образования и знания русского языка, но часто не предрасположены к принятию и соблюдению общероссийских социально-культурных ценностей и правил поведения, что порождает мигрантофобию. В свою очередь мигрантофобия приводит к обострению этнического экстремизма.

Миграционное законодательство Российской Федерации ориентировано на привлечение временных иностранных работников и не содержит достаточных мер, способствующих адаптации и интеграции трудовых мигрантов в социально-культурное пространство основного населения страны.

Эти и другие вызовы ставят новые задачи в сфере государственной национальной политики. Принятыми в 2000-е годы мерами по укреплению государственности, реализацией Концепции государственной национальной политики 1996 года удалось преодолеть дезинтеграционные процессы и создать необходимые предпосылки для формирования общероссийского гражданского единства на основе общей судьбы народов, восстановления исторической связи времен и гражданского примирения. Современная Россия совершенствует государственную политику в сфере межнациональных отношений, 7 мая 2012 г. Президент России Владимир Путин подписал указ № 602 «Об обеспечении межнационального согласия», призванный гармонизировать межнациональные отношения, укрепить единство многонационального народа Российской Федерации и обеспечить условия для его полноправного развития. В данном нормативно-правовом акте говорится о разработке и утверждению Администрацией Президента России совместно с Правительством Российской Федерации до 1 декабря 2012 г. Стратегии го-

сударственной национальной политики Российской Федерации³.

В рамках президентского Совета по межнациональным отношениям была образована рабочая группа во главе с заведующим кафедрой национальных и федеративных отношений Института государственной службы и управления персоналом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации В.А. Михайловым. В рабочую группу вошли видные деятели научного сообщества, исследующие межнациональные отношения, представители государственных органов власти и национально-культурных автономий. Среди них академик Тишков В.А., д.ф.н. Р.Г. Абдулатипов, д.и.н. Л.М. Дробижева. Было организовано широкое обсуждение проекта Стратегии с участием всех субъектов Российской Федерации, Общественной палаты, Русской православной церкви, общественных объединений, Государственной Думы и Совета Федерации. В проект было внесено более 3500 поправок и корректировок с учетом всех высказанных мнений. Ни один документ, ни одна концепция принятая в стране в последние годы не проходила такой массовой экспертизы. Поэтому мы можем сказать, что рассматриваемая нами Стратегия в полной мере является документом общественного согласия.

Правовыми источниками проведения национальной политики в современных условиях являются Конституция Российской Федерации, международное право, международные законы, и политико-правовой опыт многовекового развития России как многонационального государства. Красной нитью через текст Стратегии проходит идея преемственности. Проведение линии на формирование единой политической нации и межнационального согласия осуществимо лишь на базе общей судьбы народов, гражданского примирения и восстановления связи времен.

Стратегия опирается на идею о том, что Россия не является государством-нацией в общепринятом европейском смысле слова. Это государство-нация и одновременно государство-цивилизация. В настоящее время в сфере межнациональных отношений развивается идея особой, или уникальной цивилизацион-

ной общности, уникального культурно-исторического типа, имеющего место быть в России. Например, в работах академика В.А. Тишкова⁴, и других известных российских ученых доказывается и обосновывается тот факт, что уже царская Россия была не только империей, но и государством-нацией. Если же говорить о научных школах, то при разработке документа авторы исходили как из примордиализма, так и конструктивизма. Как отмечала Л.М. Дробижева «Когда к Вам будут обращены вопросы, в какой концептуальной схеме выполнены определения, то скорее всего это синтезированный или полипарадигмальный подход»⁵. Несомненно, стратегия выступит своего рода мобилизирующим фактором по гармонизации межнациональных отношений в стране, обеспечению политической стабильности в обществе, укреплению государственной безопасности и правопорядка, а также росту международного престижа Российской Федерации.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации — это официально признанная система принципов, целей и задач, обеспечивающая единство народов, целостность государства, способствующая сохранению этнокультурного многообразия, укреплению гражданского и межнационального согласия в стране. Стратегия является основополагающим документом государственной национальной политики, исходит из исторически сложившихся особенностей и актуальных проблем развития нашей страны как многонационального государства. Она служит базой для координации деятельности всей иерархии органов государственной власти Российской Федерации (то есть федеральных, региональных, местного самоуправления), институтов гражданского общества. Также Стратегией определяются главные направления реализации государственной национальной политики.

Ниже мы приводим структуру Стратегии для более глубокого понимания мер, способствующих формированию российской идентичности⁶.

Стратегия состоит из четырех разделов:

I. Общие положения.

В рамках первого раздела говорится о целях создания Стратегии и подчеркивается, что реализация этого документа должна способ-

ствовать выработке единых подходов к решению проблем государственной национальной политики государственными и муниципальными органами, различными политическими и общественными силами. Стратегия носит комплексный характер, призвана развивать потенциал многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и всех составляющих его народов (этнических общностей).

II. Состояние межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации.

Во втором разделе приводится краткая историческая справка о численности этнических общностей и исторический обзор межнационального взаимодействия народов, перечислены негативные факторы, влияющие на развитие национальных, межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации.

III. Цели, принципы, приоритетные направления и задачи государственной национальной политики Российской Федерации.

Третий раздел является основным и включает в себя главные цели и принципы современной государственной национальной политики и детализирует основные задачи (10 задач в политико-правовой сфере и сфере государственного строительства, в сфере федеративных отношений, в сфере государственной и общественной безопасности, в социально-экономической сфере, в сфере культуры и образования, в области миграции, в информационной сфере, в сфере взаимодействия с институтами гражданского общества и международного сотрудничества).

В документе определено пять целей государственной национальной политики Российской Федерации:

а) упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации);

б) сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России;

в) гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений;

г) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы,

национальности, языка, отношения к религии, других обстоятельств;

д) успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов.

IV. Механизмы реализации государственной национальной политики.

В рамках четвертого раздела дается детальное описание конкретных механизмов реализации государственной национальной политики, охватывающее широкое поле непрерывных и согласованных действий государственных органов и органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и законодателей. Определены задачи Правительства страны и полномочия Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям.

1 декабря 2012 г. Стратегия была подписана Президентом Российской Федерации и принята к реализации⁷.

В одном докладе сложно проанализировать все аспекты Стратегии, однако нельзя не сказать об одной из новационных и актуальных проблем современности — состоянии и основных проблемах в области укрепления единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации). Современный мир бросает вызовы всем странам, но прежде всего тем, которые претендуют на региональное или мировое лидерство. Фундаментальным условием такого лидерства выступает умение их граждан жить в согласии друг с другом, особенно трудно достигаемом в обществах с полиэтническим и многоконфессиональным составом населения. Гражданское и межнациональное согласие — это не один раз достигнутое и на века предопределенное состояние общества. Это постоянная динамика, нередко характеризующаяся проявлением различных форм радикализма и экстремизма. Это — кропотливая работа государства и общества, требующая взвешенной политики межэтнических отношений, способной обеспечить и «единство в многообразии» и «многообразие в единстве».

Эффективность национальной политики зависит не только от того, насколько власть и в целом общество заинтересованы в сохранении этнической идентичности и защите интересов населяющих страну народов, но также

от того, насколько плодотворными будут меры по укреплению единства многонационального народа. То есть насколько эффективно гражданская российскость будет сочетаться с этнической русскостью, татарскостью, башкирскостью, якутскостью и т.д. Для предотвращения раскола российского общества по этническому и языковому признакам необходимо создание равных условий и возможностей не только для удовлетворения потребностей в развитии этнической культуры и родного языка, но и условия для более полного овладения русской культурой и государственным языком Российской Федерации, без которых в современной России немыслимы ни вертикальная, ни горизонтальная мобильность граждан, в том числе продвижение по ступеням социально-профессиональной структуры, включая карьеру в органах государственной и муниципальной власти.

В основе такой политики располагаются следующие начала:

- во-первых, учет трех уровней (государства, личности, народа как этнической общности), на которых реализуется самоопределение людей;

- во-вторых, тот факт, что ни одно из самоопределений не может происходить изолированно от других;

- в-третьих, достижение консенсуса в том, что этническое самоопределение на групповом уровне ни в коей мере не должно покушаться на целостность и единство государства, а на уровне личности — на гражданскую идентичность лиц, вне зависимости от их этнической принадлежности.

Долгосрочность такой политики вытекает из признания этничности как объективно и субъективно существующего феномена и признания полиэтничности для нашей страны действующим фактором государственной и общественной жизни. Это — в противовес позиции, например, некоторых американских антропологов, которые уходят от признания рас, разделения людей по этническим признакам. Нет рас — нет этничности — нет национальных меньшинств и национального большинства — нет проблем.

Данные социологических исследований убедительно свидетельствуют, что идея обще-

русской гражданской нации не навязывались обществу сверху, а является объективным процессом. Если еще в 2004 году, согласно опросам, признание российской идентичности по масштабам и интенсивности уступала этнической самоидентификации. Сильную связь с гражданами России ощущали лишь 31% респондентов.

К 2011 году российская идентичность у большинства населения стала самой распространенной среди значимых идентичностей, а ощущение связи с гражданами страны — более сильным.

В 2000-е годы люди стали привыкать к новым очертаниям страны и ее месту в мировом сообществе. На смену критике советского прошлого, а затем «лихих 90-х» постепенно начало приходить понимание необходимости трезвой оценки прошлого и формирования взвешенных подходов к исторической памяти. Давало результаты стимулирование чувства достоинства, самооценности граждан. Молодежь откликнулась на призыв «Россия, вперед!», начала проявлять интерес к исторической реконструкции знаковых исторических событий (Невская битва, Бородино и др.), участвовать в военно-спортивных организациях («Десантник», «Военный десантник», «Русские витязи» и др.).

Сегодня большинство населения — это люди, которые считают себя гражданами России и одновременно не теряют свою этническую идентичность.

Вместе с тем обсуждение осенью 2012 года проекта Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года показывает, что еще и не всеми предложенная стратегия спокойно воспринимается. И нередко понятию «российская нация» придается иное значение, иной смысл: то ее сравнивают с советским народом, то считают, что она призвана заменить этнокультурную общность. Тем самым, не случайно половина респондентов полагала, что за 2000-е годы межнациональные отношения ухудшились⁸.

За 20 лет не изменилась к лучшему готовность к общению с людьми иной национальности. Негативные установки на разные виды контактов колебались в 1994 году в пределах 22–43%, в 2011 году — 29–47% от обще-

го числа опрошенных. Наиболее часто неприязнь на этнической почве опрошенные объясняют тем, что люди иной культуры ведут себя «как хозяева на этой земле» — об этом заявили 63% опрошенных. Другой аргумент — различия в «поведении людей, их образе жизни» (39%). И только 20% респондентов ощущает конкуренцию за престижные рабочие места. Последнее вполне понятно, так как большинство мигрантов берутся за работу, на которую местное население не претендует.

Различными исследовательскими центрами подтверждается, что доля предубежденных в отношении основных по массовости видов межэтнического общения в целом колеблется уже несколько лет в пределах 30%. Вместе с тем, 89% опрошенных полагают, что «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо». Но 44% одновременно считают, что «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа». А 41% согласились с тем, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа». Причем среди русских такие настроения распространены больше, чем среди представителей других национальностей (43 и 34% соответственно).

Социологические исследования демонстрируют, что значительная часть населения (24–41%) отмечает обострение национальной проблемы изгода в год (в 2010 году — 32%). Нарастание напряженности в межэтнических отношениях отмечают представители всех возрастных групп, чаще его замечают люди с высшим образованием (36%). Острота национальной проблемы нарастает с увеличением размера населенного пункта, достигая пика в Москве и Санкт-Петербурге, где обострение национальной проблемы фиксируют 53%.

Лишь единицы (8%) заявляют, что одинаково относятся к представителям всех национальностей. У большинства населения симпатией чаще всего пользуются представители славянских народов (63%), а также люди европейской внешности. Антипатию чаще всего вызывают «кавказцы» (29%) и представители народов Средней Азии (6%). Большинство не может объяснить причины своей антипатии (47%), среди мотивов чаще всего фигурируют угроза терроризма (13%), неуважение к приня-

тым в России нормам поведения (11%) и бескультурье (6%)⁹.

Общий вывод состоит в том, что растущая российская идентичность, устойчиво совмещаемая с этнической идентичностью, интегрирует людей, но это не снимает раздражения и в некоторых случаях враждебности к представителям других национальностей, которые часто есть следствие недовольства существующей системой распределения ресурсов, солидаризации против несправедливостей, неравенства, коррупции, беззакония. Нужны усилия и общества, и власти, направленные на достижение того, чтобы в повседневной практике граждане чувствовали Россию общим домом.

Российский ученый, академик В.А. Тишков, в частности, отмечал: «Ни в коем случае не надо из чувашей, русских, евреев, татар и других „делать новых людей“, формировать единую российскую нацию. Причем под словом „единая“ часто понимается „единственная“». Это глубокое заблуждение. Чуваша, русские, евреи, татары, якуты — уже давно многонациональная российская нация. Для них принадлежность к стране намного важнее, чем принадлежность к этнической группе. Кроме тех, кто болен этническим национализмом и отвергает российскость»¹⁰.

Хотелось бы подчеркнуть, что в решении возникающих проблем нам надо идти от клубка проблем к спирали развития, опираясь на традиции и современные позитивные мировые и отечественные практики.

Стратегия не может отвечать на все вопросы современного общества, дать рецепта решения всех проблем для всех этнокультурных сообществ и регионов, но она представляет из себя своеобразный гуманитарный стандарт, минимум состояния этнокультурной политики.

Поэтому в механизмах реализации Стратегии заложено положение о том, что в ходе реализации настоящей Стратегии, Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям во взаимодействии с федеральными и региональными органами, органами местного самоуправления, общественными объединениями, научными организациями готовит Президенту Российской Фе-

дерации предложения по уточнению приоритетных направлений настоящей Стратегии.

В завершении следует отметить, что Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации чрезвычайно важна и востребована. Несомненным плюсом является то, что она получила широкий общественный резонанс и обсуждалась на разных уровнях во всех 83 регионах нашей страны. В Стратегии уделяется большее внимание оценке межэтнических отношений социологическими методами, определяются специальные индикаторы, прописывается необходимость проведения в обществе политики интернациона-

лизации и интеграции. Безусловно, с государственной точки зрения приоритетной должна быть гражданская идентичность. При этом важно, чтобы Стратегия предусматривала механизмы, исключающие ассимиляцию и размывание этнической идентичности. Принятие Стратегии, несомненно, станет хорошей основой для законотворчества как на национальном, так и на региональном уровне, послужит мощным катализатором для формирования российской идентичности, укрепления межнационального сотрудничества в стране, улучшению ее образа на евразийском пространстве (в современном мире).

¹ Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // По данным Росстата.

² Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 году [Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов] / ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М., 2012. С. 183–184, 334–337.

³ Указ Президента Российской Федерации от 7.05.2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2339.

⁴ См., напр.: Российская нация: становление и этнокультурное разнообразие / под. ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 2010; *Тишков В.А.* Российский народ. Книга для учителя. М.: Просвещение, 2010.

⁵ Стенограмма заседания Рабочей группы по подготовке Стратегии государственной национальной политики от 27 сентября 2012 г. // Текущий архив Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям.

⁶ URL: <http://президент.рф/news/17165>

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://президент.рф/news/17165>

⁸ Те же данные были получены в опросах Левада-Центра. Опрос 17–21 декабря 2010 г. фиксировал рост межнациональной напряженности у 51% респондентов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www/levada/ru/press/2010122703.html>

⁹ Информационно-аналитический материал «Об укреплении единства многонационального народа (Российской нации)» // Текущий архив Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям. 2013 год.

¹⁰ *Тишков В.А.* 20 лет советской этнополитики // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2009 году: ежегодный доклад сети этнополитического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 2010. С. 9–12.

УДК 323.1(470)

КАЛИНИНА Клавдия Владимировна,

доктор исторических наук,
профессор кафедры национальных и федеративных отношений
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: kafedra-nifo@yandex.ru

ВРЕМЯ ОПРЕДЕЛЯЕТ ХАРАКТЕР НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

Национальный вопрос имеет конкретно историческое содержание. Для современной России определение национального вопроса, направленности государственной политики исключительно актуально. Необходимо повысить уровень государственного управления в целях стабилизации национальных и федеративных отношений — социально-политической основы укрепления российской государственности, обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: национальный вопрос, национальная политика, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, республики, национальности, русский народ, кадры.

Среди вопросов, горячо обсуждаемых в последнее время научной и политической общественностью, после опубликования В.В. Путиным ряда предвыборных статей, чуть ли не первое место принадлежит статье «Россия: национальный вопрос», посвященный анализу национального вопроса в современной России и проблемам, связанным с его решением¹. Такой факт не удивителен, так как в последнее десятилетие национальный вопрос ушел из политики и науки. И сегодня отдельные ученые воспринимают сам термин «национальный вопрос» как рудимент советского прошлого. А национальная политика и наука постепенно теряла свою отечественную специфику, все больше становилась импортозамещенной.

Россия — уникальная евразийская страна. В ней исторически интегрированы народы и территории двух континентов — Европы и Азии. Она объединяет более 160 народов. За многие века ни один из народов России не исчез. Благодаря патерналистской политике российского государства сохранились все национальные языки, культуры и традиции.

На этом основании можно сделать вывод, что для многонациональной России, представляющей особый тип цивилизации, называемой евразийской всегда была и будет важна в решении национального вопроса интегри-

рующая функция государства. Народы России хотят видеть в государстве гаранта порядка и справедливости, инициатора позитивных перемен, источника помощи тем, кто в ней нуждается. Как в свое время обращал внимание А. Грамши, Россия в отличие от Запада традиционно принадлежит и тем странам, которые ориентированы на государство. На востоке и в России — государство для граждан было всем². Возможно это еще один из элементов евразийской цивилизации.

В названной статье Президента Российской Федерации В.В. Путина определяется характер национального вопроса для России соответствующего современной ситуации в развитии многонационального общества. На этой основе должна формироваться государственная национальная политика. Национальная политика представляет собой совокупность законодательных организационных, идеологических мер государства, направленных на организацию жизни народов, поддержанию гражданского мира и согласия, — главных условий жизнедеятельности государства.

Как свидетельствует история, с особой остротой национальный вопрос встает перед государством в период социально-политических трансформаций. Национальный вопрос имел свою специфику на каждом историче-

ском этапе развития многонационального российского государства.

В царской России суть национального вопроса состояла в обеспечении лояльности народов на основе широкого традиционного самоуправления. Российская империя проводила в основном весьма осторожную политику в отношении национальных и религиозных общностей. Попытки навязывания русификаторской политики отвергались народами, что проявилось в 1917 году и практически способствовало развалу Империи. В период шатания и распада царской России большевики сформулировали главную универсальную проблему для народов России — право народов на самоопределение, образование самостоятельных государств и право на отделение. Этот основной, привлекательный лозунг, был сутью национального вопроса в СССР и этот же лозунг стал знаменем распада государства (СССР) в конце последнего десятилетия XX века.

Разрешение национального вопроса в СССР мыслилось на пути национально-государственного устройства народов России, не признавая никаких других вариантов, к примеру, национально-культурных автономий. Ошибочность такой постановки вопроса очевидна.

В годы советской власти были поставлены и решались новые задачи, определившие содержание национального вопроса: выравнивание уровней развития народов, подтягивание отсталых народов с дофеодалным и докапиталистическим уровнем развития до уровня более развитых народов европейской части России, ликвидация безграмотности и развитие национальных языков, подготовка национальных управленческих кадров, национально-государственное строительство и интернациональное воспитание и др. Все эти задачи в той или иной степени были решены, что позволило советской власти заявить в конце 60-х годов прошлого века, что национальный вопрос в СССР решен в том виде, в котором он достался от царской России. Необходимо было определять новые задачи решения национального вопроса.

Однако идеологический догматизм не позволил государству сформулировать их, учитывая уровень развития народов и мировые тенденции.

Смена парадигмы общественно-политического развития страны уже в начале 90-х годов прошлого века требует глубокого и взвешенного осмысления сущности национального вопроса как стрессового в сохранении многонациональной России.

Сегодня, чтобы двигаться дальше в определении содержания национального вопроса и задач его решения на перспективу, необходимо дать объективную оценку, как достижений, так и просчетов в решении национального вопроса в управлении многонациональной Россией в прошлом. Следует отметить, что попытка такой оценки была осуществлена в ряде Посланий В.В. Путина (2002–2007 гг.) и в статье «Россия: национальный вопрос».

Известно, что после распада СССР, шел трудный противоречивый процесс формирования Российской Федерации, сопровождавшийся бурно проявившим себя национальным и региональным сепаратизмом, которые подчас сливались в одно целое, грозившим распадом России по образцу СССР. Эти процессы настоятельно диктовали необходимость выработки новых подходов к организации общественно-политической жизни страны, определения новой сути национального вопроса.

За решение этой задачи взялись крупные ученые и политики, специалисты в области национальных и федеративных отношений: Р.Г. Абдулатипов, В.А. Михайлов, В.А. Тишков, С.М. Шахрай, Л.Ф. Болтенкова, Л.М. Дробижева и др. Фундаментальные положения решения национального вопроса были сформулированы в Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 15 июня 1996 г. № 909.

В Концепции государственной национальной политики отмечалось, что в тот период на государственном уровне еще не утвердился системный, взвешенный взгляд на национальный вопрос. Не стали нормой при разработке и проведении государственной национальной политики опора на научный анализ и прогноз, учет общественного мнения и оценка последствий принимаемых решений. На основе определения сущности национального вопроса формируется национальная политика.

В определении государственной национальной политики нужны были новые концептуальные подходы, прежде всего осознание того, что национальный вопрос не может занимать второстепенное место или быть предметом спекуляций в политической борьбе.

Прошло более 15 лет после принятия Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, а данная в ней оценка состояния национального вопроса актуальна и сегодня, как и обозначенные в ней узловые проблемы:

- развитие федеративных отношений, обеспечивающих гармоничное сочетание самостоятельности субъектов Российской Федерации и целостности Российского государства;
- развитие национальных культур и языков народов Российской Федерации, укрепление духовной общности россиян;
- обеспечение политической и правовой защищенности малочисленных народов и национальных меньшинств;
- достижение и поддержание стабильности, прочного межнационального мира и согласия на Северном Кавказе;
- поддержка соотечественников, проживающих в государствах-участниках Содружества Независимых Государств, а также в Латвийской Республике, Литовской Республике и Эстонской Республике, содействие развитию их связей с Россией.

В Концепции государственной политики Российской Федерации был сформулирован комплекс задач, которые ориентировали на то, что реализация государственной национальной политики должна осуществляться во всех сферах жизнедеятельности государства: 1) политической и государственно-правовой, тесно увязываясь с федеративными отношениями; 2) социально-экономической; 3) духовной; 4) в области внешней политики.

Это свидетельствует о том, что национальный вопрос для новой России понимался как совокупность политических, экономических, правовых, социокультурных проблем, возникающих в многонациональном государстве и требующих решения. Координировать деятельность министерств и ведомств Российской Федерации в решении национального вопроса в осуществлении национальной политики

в стране и субъектах Федерации было поручено Министерству по делам федерации и национальной политики.

В первые годы, после принятия Концепции она получила достаточно серьезное организационно-управленческое подкрепление. Было принято Постановление Правительства от 22.02.1997 № 217 «О мерах по реализации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации». Этим постановлением был утвержден План первоочередных мероприятий по ее реализации, который включал деятельность министерств и ведомств в сфере национальной политики в соответствии с их компетенцией. В 1998 году впервые в Федеральный закон «О бюджетной классификации» была включена статья расходов на развитие федеративных и национальных отношений. Однако в бюджете 1999 года финансирование этой статьи вообще не предусмотрено. Утверждена была и правительственная комиссия по реализации государственной национальной политики. А в 2000 году, после различного рода преобразований было упразднено и Министерство по делам федерации и национальной политики. Следует подчеркнуть, что Министерство возглавлялось известными учеными и политиками д.и.н. В.А. Тишковым, д.ю.н. С.М. Шахраем, д.и.н. В.А. Михайловым и д.ф.н. Р.Г. Абдулатиповым, департаменты также возглавляли крупные ученые в области национальных отношений. В системе Миннаца работало свыше 20 докторов и кандидатов наук. Министерство работало в творческом содружестве с Комитетами Госдумы Российской Федерации по национальной политике, возглавляемых к.п.н. Б.Б. Жамсуевым, д.п.н. В.И. Зориным, д.и.н. Е.Н. Трофимовым и др.

Однако Концепция государственной национальной политики изначально не получила широкой общественной известности и не стала присутствовать реально в политической практике и в общественной жизни. Попытка обновить ее начиная с 2005 года не увенчалась успехом, как и попытка принять Федеральный закон «О государственном национальной политике в Российской Федерации».

Возникает вопрос, почему государственная власть как бы отстранилась от решения нацио-

нальных вопросов? Можно полагать, что причина в том, что в этот период политика России круто повернулась к идеологии либерализма и стала напрямую зависимой от нее. Что представляет собой идеология либерализма?

Либерализм — 1) это образ мышления и деятельности, для которых характерны культ свободы личности, стремление к активному самоопределению в социуме, независимость по отношению к традициям; 2) идейно-политическое движение, ставящее целью снижение роли государства во всех сферах жизнедеятельности. В принципе эта тенденция прогрессивная, но принимать ее необходимо с учетом уровня общественного развития и традиций страны.

В последнее время, все большее число ученых, политических деятелей обращают внимание на то, что всесторонний прогресс нашего отечества, его модернизация возможны не на механическом копировании западного либерального опыта, а на путях соединения неоспоримых ценностей мировых достижений с возможностями и потребностями российского социума. Эта идея красной нитью проходит и в статье В.В. Путина «Россия: национальный вопрос».

И на Западе классический либерализм стал преобразовываться в направлении усиления внимания государства к социальной сфере, его роли в развитии экономики, отказа от широкой демократизации национальных отношений (мультикультурализма), модернизации собственных политических, философских, социологических этнических концепций.

Следует отметить, что решение национальных вопросов более успешно, чем на федеральном уровне ведется — в регионах России. В различные годы приняты региональные Концепции государственной политики в Москве, Московской, Челябинской, Саратовской, Оренбургской, Ростовской, Тюменской, Томской областях, Краснодарском крае, в Удмуртии, Чувашии, Татарстане, Бурятии, Кабардино-Балкарии, Коми, Чеченской Республике и других субъектах федерации. Накоплен значительный опыт управления национальными отношениями, сохранились Министерства и департаменты при правительствах, занимающиеся национальными и религиозными проблемами. В настоящее время из 83 субъектов Российской

Федерации в 24 регионах существуют отдельные министерства, комитеты, и департаменты по национальной политике.

Вместе с тем, следует заметить, что со времени принятия Концепции в 1996 году она, обогащаясь современными задачами, заняла должное место в учебном плане кафедры национальных и федеративных отношений Российской академии государственной службы, в подготовке руководящих кадров. По различным проблемам национальных и федеративных отношений на май 2012 г. защищено 230 кандидатских и докторских диссертаций. Выпускники кафедры занимают высокие государственные должности в субъектах Российской Федерации, в системе государственной службы Российской Федерации и СНГ, в высших учебных заведениях страны, возглавляют институты гражданского общества, осуществляющие важнейшие функции в области регулирования межнациональных отношений, миграционной ситуацией.

Национальный вопрос в нашей стране всегда был тесно связан с территориально-политическим обустройством народов, с федеративными отношениями.

В настоящее время проводится последовательная работа по совершенствованию федеративных отношений, снижению конфликтности в сфере национальных и федеративных отношений, по преодолению сепаратизма, экстремистской и националистической деятельности.

Фундаментальное значение имеет та непростая работа, которая была проведена по приведению конституций и уставов субъектов Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации по убеждению республик отказаться от своих суверенитетов, так как суверенитет Российской Федерации обеспечивает суверенитеты всех национальностей России, составляющих — многонациональный российский народ.

Огромная реальная политико-правовая работа проводится органами государственной власти Российской Федерации по урегулированию этнополитических конфликтов на Северном Кавказе.

Вся эта деятельность имеет базовое значение для определения содержания националь-

ного вопроса на современном этапе, по осуществлению его задач в государственной национальной политике.

В Российской Федерации необходимо концептуальное переосмысление сущности национального вопроса по сравнению с прежними периодами. Суть в том, что и в Российской империи, и в СССР государственная национальная политика проводилась в отношении народов национальных окраин, входивших в ее состав, да и в Российской Федерации после распада СССР по инерции с прошлым она продолжала осуществляться в направлении «возрождения национальных культур» и народов. Хотя эти задачи в основном были решены в СССР на протяжении семи десятилетий, в результате чего народы России из малограмотных и безграмотных стали наиболее образованными в мире. Уже перепись населения 1989 года показала, что среди бурят доля лиц, имеющих высшее и среднее специальное образование, составила около 25%, среди осетин — около 22%, среди украинцев — примерно 20, а среди евреев — 55%.

Русские по уровню образования занимали в этой таблице 12-е место. Среди них лиц с высшим и средним специальным образованием примерно 15%.

Одним из главных недостатков национальной политики в прошлые периоды было то, что в ней не находилось места для русского народа. Преобладающая по численности нация — русская, создавшая российскую государственность, обеспечивающая ее развитие и защиту, была фактически выведена за пределы национальной политики. Ее политической функцией стало обеспечивать национальное развитие других народов России, так как, по Ленину, «большая нация должна идти на большие жертвы в этом деле». В связи с этим осуществлялась, к примеру, плановая переселенческая политика русских в слаборазвитые республики. Результатом этой политики стало то, что свыше 20 млн русских, после распада СССР оказались в других государствах на положении национальных меньшинств, нередко дискриминируемых. Таким образом, русский народ оказался заложником осуществляемой национальной политики до 1917 года и в СССР. Сегодня в запустении и отсталости оказался

целый ряд регионов традиционного проживания русского населения в исконной России. Все это провоцирует неприемлемые для многонациональной и многорегиональной России призывы: «Хватит кормить Кавказ».

В большинстве республик, в названии которых фигурирует «титульные» нации, русские составляют либо большинство населения, либо самую крупную по численности этническую группу. При этом в нарушение Конституции, как правило, приоритет отдается во всех сферах общественной жизни титульному этносу. Со стороны органов государственной власти эти проблемы, как правило, не замечаются и не координируются. Правовые и политические последствия подобной ситуации могут сказаться и часто уже сказываются не самым благоприятным образом.

В связи с этим в последнее время проблема русских в России и в субъектах Российской Федерации все больше обостряется и политизируется.

Поэтому национальный вопрос в современной России это и русский вопрос. Неслучайно этому вопросу особое внимание было уделено в предвыборной статье В.В. Путина: «Россия: национальный вопрос».

Следует отметить, что в последнее десятилетие понимание государственной национальной политики все больше сужалось до этнической политики, направленной на внутренние проблемы «гармонизации» межэтнических групповых и межличностных отношений. Это важные задачи, но они должны рассматриваться как органическая часть национального вопроса, государственной национальной политики.

Сегодня национальный вопрос — это совокупность политических экономических, территориальных, правовых, религиозных и культурных отношений между нациями, этническими группами.

Решение национального вопроса непосредственно связано с дальнейшим реформированием территориального обустройства народов.

Дело в том, что для России характерно дисперсное расселение многих национальностей, практически не существует однонациональных республик.

Из 27,2 млн нерусских в России в пределах государственных образований живет 9,7 млн

человек. Из 21-й республики России лишь в шести народы, давшие название этим республикам, составляют большинство (Чечня, Ингушетия, Чувашия, Тыва, Кабардино-Балкария и Северная Осетия-Алания). В девяти республиках доля титульных народов не превышает трети общего количества населения.

Имеется огромная территориальная асимметрия субъектов Российской Федерации, в частности республик. К примеру, территория Республики Адыгея — 7,6 тыс. кв. км, Республики Северная Осетия-Алания — 8,0 тыс. кв. км, Кабардино-Балкарской Республики — 12,5 тыс. кв. км, Республики Ингушетия — 3,6 тыс. кв. км, Чувашской Республики — 18,3 тыс. кв. км и Республики Башкортостан — 143,6 тыс. кв. км, Республики Бурятия — 351,3 тыс. кв. км, Республики Коми — 415,9 тыс. кв. км, Республики Тыва — 170,5 тыс. кв. км, Республики Саха (Якутия) — 3103,2 тыс. кв. км.

В статье «Демократия и качество государства» В.В. Путин отмечает, что ввиду ряда факторов потенциал укрупнения субъектов Федерации далеко не исчерпан. Но действовать в этой сфере надо разумно и взвешенно, опираясь на мнение граждан, учитывая то, что образ жизни людей определяют разные традиции, обычаи, модели поведения... при этом наша историческая задача раскрыть потенциал российского федерализма создать стимулы для деятельного, активного развития всех регионов страны³.

В процессе совершенствования федерализации и регионализации страны важно учитывать то, что исторически российская государственность опиралась на взаимодействие двух фундаментальных принципов: территориального и национально-территориального. Вряд ли и в будущем удастся уйти от этой схемы построения федеративных отношений. Исторические корни народов, менталитет, психология требуют внимательного отношения к формированию другой модели федеративных отношений. Разумеется, здесь необходимы не только преемственность, но и поиск новых форм. Только все это вместе взятое может предопределить выход на эффективное построение национальных и федеративных отношений.

Национальный вопрос — это, прежде всего, форма самоопределения народов, их нацио-

нального развития, в чем они, прежде всего, заинтересованы. Согласно международным правовым нормам национальное развитие — это всестороннее развитие народов — экономическое, социальное, этнокультурное, языковое, демократическое. Необходим программный подход в решении национального вопроса такого объема. Примером этого может быть Концепция социально-экономического развития народов Северного Кавказа до 2025 года, при условии, что она найдет свое реальное воплощение.

Политика регулирования национальных и федеративных отношений не может быть успешной без должного научного осмысления. Однако до сих пор не разработана понятийно-терминологическая система в национальной политике.

Не создана теория национального вопроса, центральным звеном в которой должна быть концепция нации. Пока не разработана единая система мониторинга этнополитической ситуации в субъектах Российской Федерации. Определенная работа в этом направлении проводится Институтом этнополитологии и антропологии РАН во главе с академиком В.А. Тишковым с привлечением региональных ученых, но ей необходимо придать государственное значение.

Необходимо кадровое обеспечение в области управления межнациональными отношениями, возобновление системы подготовки и переподготовки государственных служащих и работников местного самоуправления.

В настоящее время необходима плановая, постоянная, компетентная работа по повышению квалификации руководящих работников в системе органов государственной власти, местного самоуправления, гражданского общества. Актуальность этой работы обусловлена развитием демократических преобразований, политической модернизацией и необходимостью упрочения гражданской российской идентичности.

Без знания народов и их культур, истории их вхождения в состав России, специфики национальных культур невозможно строить межнациональный мир.

Считаем необходимым, наладить с помощью общественности и СМИ широкое просвещение

населения в области знания народов, их культур, формировании национальных отношений, учитывая изменение этнической структуры регионов в результате миграционных процессов.

Это базовый фактор формирования межнациональной и религиозной терпимости. В Декларации принципов терпимости от 16 ноября 1995 г. в ст. 1 дается понятие терпимости — терпимость означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности.

Крайняя форма нетерпимости — это экстремизм, в т. ч. на бытовой, межличностной основе, который пока еще не удается преодолеть.

Актуальным является создание на федеральном и региональном уровнях системы информационного обеспечения решения задач национального вопроса в России, опыта реализации национальной политики, распространения знаний о народах и их культурах.

Решение национального вопроса непосредственно связано с взаимодействием органов государственной власти с общественными организациями, институтами гражданского об-

щества. Сегодня формируются механизмы такого взаимодействия. В ряде регионов успешно работают совещательные органы при Правительствах.

Дальнейшее развитие Российской Федерации как многонационального демократического правового государства, обеспечение ее национальной безопасности и сохранение территориальной целостности возможно только в условиях межнационального мира и согласия. Многонациональность России всегда была ее богатством и уникальностью. С этой точки зрения, повышение эффективности государственного управления в сфере национальных отношений является одной из главных задач российского государства.

Национальный вопрос в многонациональной России — это не только этнический вопрос. Его невозможно решить только проведением особой «национальной политики», а нужно задействовать десятки других факторов. Решение национального вопроса это процесс, который учитывает специфику текущего момента и корректирует свои задачи в соответствии с ним. Поэтому время определяет характер национального вопроса.

¹ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.

² Грамши А. Избр. соч. Т. 3. С. 200.

³ См. : Путин В.В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 2012. 06 февр. № 20/П (4805).

УДК 327(1-87)

ЛАНДА Камиль Газимагомедович,
доктор политических наук, профессор кафедры
национальных и федеративных отношений
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: kamzes@hotmail.com

КАСПИЙ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ США В РЕГИОНЕ

На современном этапе своего развития Каспийский регион превратился в важнейшую ресурсную базу мировой экономики, и его значение будет возрастать по мере увеличения спроса на углеводороды и истощения энергоресурсов в других точках земного шара. В данной статье исследуются социально-экономические и политические интересы Соединённых Штатов Америки в Каспийском регионе.

Ключевые слова: федерализм, регион, интересы, контроль, договор, евразийство, преступность, глобализация.

На современном этапе своего развития, Каспийский регион превратился в важнейшую ресурсную базу мировой экономики и его значение будет возрастать по мере увеличения спроса на углеводороды и истощения энергоресурсов в других точках земного шара. Каспийский регион является наиболее ярким примером доминирования политических интересов основных субъектов мировой политики над экономическими, так как, для них каспийская нефть в данном случае не первостепенна. Только собственно прикаспийские государства рассматривают энергоресурсы Каспия как возможность решения экономических проблем.

Основные мировые нефтеимпортеры рассматривают каспийскую нефть, прежде всего, в перспективе, как дополнительный источник сырья, полномасштабную разработку которого можно будет начать в дальнейшем, когда в мире опять будет наблюдаться острая нехватка энергоресурсов. Это связано с тем, что, как показывают многие исследования, несмотря на высокую долю запасов нефти в отдельных странах ОПЕК, происходит замедление темпов освоения этих запасов. В этой связи Каспий именно в перспективе будет являться одним из альтернативных заменителей данных запасов.

Формирование новой ситуации в Каспийском регионе связано, прежде всего, с трансформацией в Каспийском регионе в один из ключевых регионов в системе геополитических координат Евразийского пространства. Существует ряд факторов, которые определяют новую роль Каспийского геополитического пространства:

- Каспийский регион расположен на одном из важных коммуникационных перекрестков Евразийского континента, что стратегически имеет важное значение с точки зрения влияния Каспийского геополитического пространства на безопасность и стабильность значительной части материка.
- Баланс сил на огромном пространстве Бассейна Каспийского моря зависит от направленности развития ситуации, как в каждом государстве Каспийского региона, так и во всем регионе.
- В регионе сосредоточено огромное количество природных, прежде всего углеводородных, биоресурсов дающих на мировой рынок около 90% черной икры и 80% осетровых рыб, полезных ископаемых ресурсов мирового значения. Контроль за топливно-энергетическими ресурсами и путями их транспортиров-

ки дает возможность контролировать ситуацию на огромном пространстве Евразийского континента.

- Каспийский регион расположен на стыке евроазиатских транспортных коридоров и на территории региона имеются широкие транспортно-коммуникационные сети. Через Дагестан имеет выход в Иран и к Персидскому заливу и далее все государства Ближнего Востока, а через центральноазиатскую часть территории Каспийского региона в Афганистан и Пакистан и далее к Индийскому океану.
- На рубеже XX–XXI веков мировое сообщество объявило войну международному терроризму, религиозному экстремизму и наркобизнесу. Регион оказался в самом центре этой войны, и приобрела еще одно важное значение в формирующейся новой системе международных отношений.

Сегодня, в силу множества факторов, регион все больше и больше выходит на передний план в современных международных отношениях. В настоящее время в Каспийском регионе переплелись в один узел локальные, региональные и глобальные интересы различных государств. В бассейне Каспийского моря имеют свои интересы как мировые (США, Россия, Китай, Великобритания), так и региональные державы, расположенные по периметру региона и в непосредственной близости от него. Это Иран, Пакистан, Турция и Индия.

В широком стратегическом контексте новая геополитическая ситуация в регионе характеризуется следующими моментами:

во-первых, после распада СССР кардинально, но не безнадежно ослабилась позиция России как преемницы СССР в Каспийском регионе;

во-вторых, помимо России и Ирана претендентами на Каспий стали еще Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и активными игроками на геополитической «шахматной доске» Каспийского региона стали ведущие мировые государства и ТНК;

в-третьих, появилась долгосрочная американская политика в Каспийском регионе Центральной и Южной Азии, которая увязывается

ее идеологами с национальной безопасностью США в целом;

в-четвертых, как результат обозначенных выше процессов, а также вследствие значительного ослабления воздействия внешних угроз, ранее исходивших из внешних факторов в Каспийском регионе начинают формироваться уникальные возможности для комплексного развития и модернизации региона при действенной поддержке мирового сообщества.

США никогда не скрывал своих намерений играть роль одного из региональных центров силы в Каспийском регионе, которые объявили в 1997 г. Прикаспий, зоной своих национальных интересов¹.

Значение Каспийского моря в геополитическом плане для России, возможно, лучше всего объяснил экс-министр обороны США Карл Уайнберг. По его словам, если бы России удалось удержать господство на Каспии, это было бы для нее «более важной победой, чем победа Запада, добившегося расширения НАТО на Восток».

Но следует признать, что другие прикаспийские государства окончательно не определились с тем, кого они хотят видеть в качестве стратегического партнера: США, (устами помощника госсекретаря США Элизабет Джонс, которая сказала: «В случае необходимости для ликвидации возможных конфликтов в Каспийском регионе мы готовы применить силу»), — или же Россию.

Здесь можно выделить две основные сферы интересов США в Каспийском регионе — политическую и экономическую. Среди факторов политической привлекательности государств Каспия для США — это прежде всего, возможность влияния на внутреннюю и межгосударственную политику государств региона. Как и в любом другом межгосударственных противоречиях, стороны стремятся заручиться поддержкой как можно большего количества государств. Что касается экономического сотрудничества, то главный интерес США к государствам Каспия основан на сырьевом потенциале региона. Ввиду этого, для США одним из основных приоритетов в экономической сфере является получение доступа к разработке нефтяных шельфов Каспия и формирование транспортных коридоров из Каспийского

региона и создание магистральных путей собственнo подконтрольных им. Тут можно вспомнить афоризм легендарного основателя «Стандарт Ойл» Джона Рокфеллера: «Кто контролирует нефтетранспорт, тот держит в руках и добычу, и переработку нефти»². А кто контролирует добычу «крови» экономики современного государства, тот контролирует его экономику.

Геополитические соображения при разработке каспийских нефтяных проектов для США всегда остаются более весомыми, чем экономические и по другим причинам. Каспийский регион располагается между тремя геополитическими соперниками США в Евразии — Россией, Китаем и Ираном. Контроль над регионом позволит США добиться глобального доминирования в Пятиморье (Черное, Средиземное, Каспийское моря, Персидский залив с примыкающим к нему Аравийским морем) и на всем континенте. При этом предполагается установить контроль над углеводородными запасами региона и не допустить, чтобы ресурсы Каспия попали в распоряжение стран, которые США считают своими стратегическими оппонентами и конкурентами. Для решения этой задачи, Вашингтон, судя по всему, считает необходимым создать в регионе пояс зависимых от США и ее стратегического союзника Турции государств, через территорию которых пройдет западный транспортный коридор.

Задачи региональной политики США в каспийской зоне включают: укрепление государственности и независимости стран региона, идущих по пути развития рыночной демократии и ослабление их связей с Россией; расширение коммерческих возможностей для США; разрешение региональных конфликтов, в том числе путем создания политических, экономических и военных связей между новыми странами региона; формирование спецподразделений и сил охраны энергетических транспортных коммуникаций; укрепление энергетической независимости США за счет каспийских энергоносителей, а также снижение зависимости государств региона от России за счет обеспечения гарантированного свободного потока каспийской нефти и природного газа на мировые рынки. Особое внимание уделяется наращиванию военно-политического, военно-

технического и военного сотрудничества США с государствами региона³.

Так, наибольшую активность на Каспии проявляют американские ТНК⁴. Именно они сформировали сильные лоббистские структуры в правительствах Азербайджана и Казахстана. Американский капитал контролирует АМОК — главный координатор работ по азербайджанской части каспийского шельфа, компании принадлежит также важная роль и в окончательном определении магистрального направления Каспийского трубопроводного консорциума⁵.

В целом интересы США в Каспийском регионе можно охарактеризовать следующими приоритетами:

- Установление и расширение присутствия США в регионе является элементом общей стратегии США по упрочению своего глобального лидерства в долгосрочной перспективе.
- Особо важен Каспийский регион для США, как транспортный, железнодорожный, морской перекресток государств региона и связывающий Север с Югом, Европы с Азией, Христианства, Ислама и Буддизма, и самый важный момент — получение доступа к информационным источникам внутренних и внешних связей и взаимодействия каспийских государств.
- США стремятся уменьшить свою зависимость от поставок энергоносителей из арабских нефтяных стран и, следовательно, заинтересованы в обеспечении своего доступа к природным ресурсам Каспийского региона.
- США стремятся обеспечить доступ к политическому и экономическому потенциалу государств региона в целях проведения политики сдерживания России, Китая и влияния на Иран.
- США стремятся не допустить ситуации, когда группа держав таких, как Россия и КНР, Евросоюз и мусульманский мир, будут доминировать в регионе, тем самым, исключая присутствие США в Каспийском регионе и в Центральной Азии.
- США заинтересованы в использовании территории Азербайджана для формирования резервного базирования;

- США заинтересованы в Каспийском регионе как в рынке сбыта промышленных товаров из стран Европы и США.
- Параллельно ставить государства каспийского региона в зависимость от США, используя неопределенность статуса Каспийского моря, межгосударственные разногласия и разнородность народов проживающих в регионе⁶.

США заложили основы новой экономической политики в Прикаспийском регионе. Они стали включать в сферу своих интересов не только здешние страны, но и остальные государства Центральной Азии и Кавказа (Киргизию, Таджикистан, Узбекистан, Грузию), перешли к наращиванию военной составляющей в своей стратегии на Каспии, переориентировались с поддержки своего частного капитала на активное доминирование государственных структур. Произошло слияние геополитических, военных и экономических интересов, что, возможно, приведет в будущем к реализации здесь так называемой политики агрессивного предпринимательства.

Один из важнейших элементов стратегии США в Каспийском регионе — продолжение создания новой архитектуры трубопроводов. Причем желательным условием, которого администрация США придерживалась с самого начала, выдвигалось то, чтобы новые маршруты не проходили по российской и иранской территориям. По мнению Вашингтона, Турция должна служить воротами для выхода каспийской нефти на западные рынки⁷.

Совершенно очевидно, что США превратился в ведущего геополитического игрока в Черноморско-Каспийском регионе. Планы США по освоению Каспия вписываются в новую национальную энергетическую стратегию США которая предусматривает установление контроля за основными районами нефтедобычи в мире, официально именуемого как «контроль над глобальным энергетическим равновесием». Стратегией предусматривается рост в США потребностей в нефти на ближайшие 20 лет на 33%, природного газа — более чем наполовину.

На сегодняшний день, ослабленные позиции России в регионе поставили Москву перед необходимостью переосмысления своей

внешней политики и нового построения отношений с партнерами в Каспийском регионе уже с учетом присутствия в регионе США.

Как развиваются сегодня и будут развиваться в перспективе эти отношения — вопрос актуальный, имеющий не только теоретическое, но и практическое значение для выработки стратегии внешнеполитической деятельности Российского государства. С этой точки зрения для российской дипломатии важен учет политики таких государств влияющих на регион, как Китай, Индия, Иран, которые могут стать стратегическим союзниками России в этом регионе.

Но в любом случае каждый член пятерки упорно отстаивает свои интересы и пока что не проявляет стремления поступиться ими во имя консенсуса.

Тем временем, пока Государства Каспийского региона (ГКР) ищут консенсус в вопросе определения статуса Каспийского моря, и механизмы решения спорных вопросов, регион превратился в объект влияния других стран. Мировые игроки на «шахматной доске» Каспийского региона видят своей целью, то что, пока регион не оформился как самостоятельный мировой актор (быть таковым ее обязывает ее общемировую стратегическую значимость, и то, что, регион является «Хартлендом», если по Макиндеру, мировым островом считать Евразийский континент и Африку), включить ее в сферу своего влияния, растащить ее в разные стороны отдельными мировыми центрами силы, либо доминировать там, так как это делает США⁸.

США устанавливают контроль над основными транспортными и энергетическими объектами в районе Каспия (проект TRACECA, трубопровод Баку-Джейхан), предпринимают попытки «балканизации» центральной части Евразии, выстраивая линию Балканы — Кавказ — Центральная Азия. Идея Бжезинского о создании «Евразийских Балкан» становится лейтмотивом нынешней политики США на евразийском пространстве, в основе которой — дробление государств, поддержание существующего там «геополитического плюрализма», недопущение превращения России в сильное государство Евразии. Ныне «тлеющими» конфликтными очагами в регионе яв-

ляются Карабах и Абхазия, Афганистан и Чечня, образующие полумесяц под подбрюшьем России, которые не остаются без пристального внимания Вашингтона.

В целом можно прийти к выводу, доминирование нерегиональных центров силы в регионе (в первую очередь США), является непосредственным результатом несогласованностью действий государств Каспия, нежелания идти на уступку в тех или иных вопросах, несогласованностью шагов по определению статуса Каспийского моря. На лицо нарушение государствами региона Алма-Атинской декларации от 21 декабря 1991 года, где они обязались до определения юридического статуса Каспия в одностороннем порядке не предпринимать шаги по освоению Каспия. Там же содержатся обязательства выполнять международных обязательств, вытекающих из договоров и соглашений бывшего СССР, до определения юридического статуса Каспия, и руководствоваться Договором между РСФСР и Персией от 25 февраля 1921 года и Договором о торговле и мореплавании между СССР и Ираном от 25 марта 1940 года.

И то, что неопределенность статуса Каспия делает юридически незаконным его использование в многосторонних проектах, США и сами государства Каспия (в первую очередь Азербайджан), игнорируют. Так, Мэтью Брайза незадолго до визита в Баку говорил о том, что это не так уж важно, поскольку, несмотря на нерешенность проблемы, прикаспийские страны активно осваивают прибрежные земли. Опытный дипломат не мог не знать о пятистороннем соглашении (Россия — Казахстан — Туркменистан — Азербайджан — Иран)⁹ о фактическом моратории по Каспию вплоть до заключения пятистороннего же договора о принципе его деления на секторы. Из выше сказанного вывода следует:

Во-первых, пока представители прикаспийских государств не найдут консенсуса в определении статуса Каспийского моря и не выработают единой, всех устраивающей международной модели сотрудничества, Каспийский регион остается по высказыванию Зб. Бжезинского, «черной дырой» посреди Евразийского континента¹⁰.

Во-вторых, так, вокруг всего Прикаспийского региона и Каспийского моря сложилось принципиально новый геополитический и геоэкономический расклад, и Каспийский регион приобрел статус регионального геополитического пространства, и в связи с этим, и сама «природа» сегодняшнего политического расклада на Каспии требует создание некую структуру или организацию объединяющую прикаспийские государства. (Только так выходили из ситуаций в других территориальных пространствах, взять хотя бы, к примеру, Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), ГУАМ, Дунайская конвенция и т. д.) Создание такой организации как Каспийская организация государств (КОГ), (или Организация Государств Каспия (ОГК) или Каспийская организация Экономического сотрудничества (КОЭС), можно как угодно называть), для Кавказа и в целом для Каспийского региона стал бы важным моментом. Это было бы огромным вкладом в стабилизации нестабильной обстановки в регионе при котором еще актуальной остается борьба против террористической угрозы и различных форм транснациональной оргпреступности — наркотрафика, торговля оружием и людьми.

Созданный альянс должен функционировать на благо всех прибрежных государств, и для ее создания, Россия должна активизировать свои действия, ибо инициативу могут перехватить другие или регион останется разменной монетой в чужих руках.

¹ В январе 2001 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе американские представители вновь подтвердили, что «Каспий является зоной их жизненных интересов и рассматривается как источник нефти, альтернативный Персидскому заливу».

² Цит. по Фоменко О., Терновая Л. Призрак «Died line» (Энергетические, правовые и политические проблемы становления нового технологического уклада). М., 2006. 242 с.

³ См.: О долговременной стратегии США в Каспийском регионе и практических шагах по ее реализации // Русское общество. 2006. № 22. 30 марта.

⁴ Современные транснациональные корпорации располагают собственными охранными и разведывательными службами. Они превратились не только в центры экономического влияния, но до известной степени и в центры власти. И естественно ТНК, обменивается в достаточной степени развединформацией со своими государственными спецслужбами, и наоборот, властные институты государства открыто используется для помощи частным корпорациям. См.: *Ланда К.Г.* Роль ТНК как «локомотивов» глобализации в Каспийском регионе // Вестник Читинского государственного университета. 2008. № 3 (48).

⁵ URL: http://www.rustrubprom.ru/view.php/657_0_3_0_C/29.03.2004

⁶ См.: *Котилко В.* Волнение Каспия. Геополитические интересы США и России в регионе — схожие, но не общие // Нефть России. 21.07.2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://centrasia.org/newsA.php4?st=1058763660>

⁷ Там же.

⁸ См.: О долговременной стратегии США в Каспийском регионе и практических шагах по ее реализации [Аналитический доклад] // Журнал теории и практики Евразийства. 2003. № 22.

⁹ См.: *Симолян Ю.* Американский десант в Каспийском регионе // Независимая газета. 2007. 07 июня.

¹⁰ См.: *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: 1998.

УДК 325.14(470)

МАРДАНОВ Марат Хамитьянович,кандидат политических наук, заместитель руководителя
Администрации Президента Республики Башкортостан

e-mail: Mardanov.M@bashkortostan.ru

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ

Изучение современной трансформации миграционной политики в российских регионах, приобретает особую актуальность в плане обеспечения национальной стабильности и безопасности государства. На фоне мировой глобализации все чаще наблюдается вызывающая динамика миграционных процессов, которые в процессе глобализации приобретают новый облик, усиливают свое влияние на политическую, социальную, экономическую и духовную сферы общества. В данной статье рассматривается миграционная политика в региональном срезе.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, федерализм, мультикультурализм, регион, стабильность, безопасность.

Миграция — естественное состояние общества. Она была, есть и будет независимо от нашего желания. Даже наши далекие предки мигрировали в поисках лучшей жизни. Смешение народов, появление новых сплавов — исторический процесс. А глобализация только ускоряет его. То, на что раньше уходили века, сейчас происходит порой за десятилетие.

В сложившейся ситуации основными целями миграционной политики становятся:

- обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, максимальная защищенность, комфортность и благополучие населения Российской Федерации;
- стабилизация и увеличение численности постоянного населения Российской Федерации;
- содействие обеспечению потребности экономики Российской Федерации в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности ее отраслей¹.

Миграционные процессы воздействуют на все стороны общественной жизни общества. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года отмечено, что неконтролируемая миграция способствует усилению националистических настроений, политического и религиозного насильственно-

го экстремизма, этносепаратизма и создает условия для возникновения конфликтов².

Результаты миграции противоречивы, поскольку массовый приток мигрантов может быть причиной роста безработицы, оказывать чрезмерное давление на политическую инфраструктуру или, например, способствовать концентрации криминальных элементов. Отрицательной стороной миграции также может стать экономический регресс районов массового выезда населения.

В то же время миграционные процессы тесно связаны с уровнем развития производительных сил и их размещением в разных регионах. Высокий уровень подвижности населения обеспечивает более полное использование рабочей силы, перераспределение ее между промышленными центрами и осваиваемыми территориями, способствуя экономическому прогрессу.

В своей программной статье «Россия: национальный вопрос» В.В. Путин отметил, что «Колоссальные миграционные потоки — а есть все основания полагать, что они будут усиливаться, — уже называют новым «великим переселением народов», способным изменить привычный уклад и облик целых континентов... Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство. Государство, в котором постоянно шел процесс взаимного

привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне. Сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими. Освоение огромных территорий, наполнявшее всю историю России, было совместным делом многих народов»³.

Основным вопросом миграционной интеграции является вопрос о том, как обеспечить бесконфликтное функционирование современного демократического общества, состоящего из различных расовых, этнических, культурных и религиозных групп. В основе миграционной политики может быть заложен принцип мультикультурализма.

Для политической практики США «мультикультурализм» — это равноправное осуществление различных идентичностей, отражающих как структуру разных иммиграционных потоков, так и коренного населения, объединенных едиными универсальными ценностями, зафиксированными в американской конституции. Речь идет не просто о равноправном сосуществовании в одной стране или регионе разнообразных этнических групп с их культурными, религиозными и иными ценностями, но и постепенное слияние в некую общность в рамках одной государственной нации на основе демократии и толерантности⁴.

Башкортостан всегда был перекрестком активных миграционных процессов и примером институционализации мультикультурализма. С середины XVI века в республику шли народы Поволжья, затем потоки из центральных регионов России, «столыпинские» переселенцы. В годы Великой Отечественной войны сюда были эвакуированы предприятия и люди из западных регионов СССР.

В 90-е годы республика приняла около 500 тыс. мигрантов и вынужденных переселенцев из стран СНГ. Сегодня ее население на 11% состоит из них — людей, ставших гражданами Российской Федерации в течение последних 20 лет. То есть каждый девятый житель — из их числа. Они — наши граждане, которые полноценно включились в трудовую и общественную деятельность. И здесь нет никакого противостояния.

Если говорить о мигрантах, массово приезжающих в Башкортостан в последние годы

на заработки, то и здесь нет особых конфликтов на почве этнической преступности. Среди местного населения нет недовольства, анти-мигрантских настроений. Результаты проведенных опросов показывают, что около 65% населения республики относится к мигрантам толерантно. И примерно такое же число мигрантов уважительно относятся к местным жителям.

В настоящее время ежегодно на миграционный учет ставится около 70 тыс. чел., снимается — около 55 тысяч. Преобладает миграция из центрально-азиатских стран: Узбекистана — свыше 40%, Казахстана — около 25%. Это связано с тем, что более половины населения республики — татары и башкиры, традиционная культура которых, а также схожие тюркские языки, общая религия, наличие мечетей привлекают мигрантов. Поэтому они стремятся именно сюда. Тут их достаточно хорошо встречают, и сами приезжие также благосклонно относятся к коренным жителям.

Таким образом, особых проблем в общении нет. Проблема в другом — мигранты занимают рабочие места, в результате растет напряженность на рынке труда. Причем ежегодно растет и квота на мигрантов. В прошлом году — около 17 тысяч, в этом — уже более 24. Плюс к этому около 20 тыс. человек работает по патенту. Республика готовится к тому, что в связи со строительством объектов для саммитов ШОС и БРИКС в 2015 году предстоит увеличить число привлекаемой рабочей силы. Здесь как раз будет возможность снизить напряженность в вопросе трудоустройства местного населения, даже если квота возрастет. При этом большинство трудовых мигрантов в республике заняты именно в строительстве — 55%.

Реалии таковы, что к 2030 году, по мнению экспертов, трудоспособное население страны сократится на 35–40%. В Башкортостане до 2025 года эта цифра уменьшится на 350–400 тыс. человек. Дефицит рабочих рук может быть покрыт, в основном, за счет привлечения дополнительной рабочей силы из-за рубежа. Но здесь проявляется другая сторона медали. Наплыв более дешевой и неприхотливой рабочей силы вызывает вытеснение с рынка труда местного населения, более требовательного к оплате и условиям. В республике для мест-

ных жителей недостаточно рабочих мест, особенно в сельской местности. Молодежь зачастую остается не у дел. Это сегодня реальная проблема.

При этом именно на плечах мигрантов из Центральной Азии в Россию вползает экстремизм. Местные мусульмане, представляющие протестный ислам, как правило, имели в прошлом тесные контакты с жителями стран Центральной Азии, у нас или за рубежом.

В республике на системной основе проводится мониторинг миграционных процессов, межнациональных отношений. Над этой задачей работают Межведомственная комиссия по миграционной политике при Правительстве республики, Общество беженцев и вынужденных переселенцев, Общественный совет при УФМС по республике.

В научных учреждениях созданы центры мониторинга. Проводятся этносоциологические, демографические, религиоведческие исследования, результаты которых используются нами в повседневной работе. Измеряется уровень толерантности у различных групп населения по отношению к мигрантам, степень удовлетворенности социальных, этнокультурных потребностей прибывших иностранных граждан.

В республике ставится задача организации такого мониторинга, который позволит принимать упреждающие меры, прежде всего, на муниципальном уровне. Для этого в органах муниципальной власти определены ответственные за реализацию национальной политики на уровне заместителей глав администраций городов и муниципальных районов. Для них проводятся обучающие семинары на базе

Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.

Вместе с тем, представляется, что эту работу должны вести специально подготовленные квалифицированные кадры, вооруженные соответствующими знаниями, методиками измерения, управленческими технологиями. Необходимо разработать на федеральном уровне образовательные стандарты, обучающие программы по современной этноконфессиональной политике.

Отдельное направление — этнокультурное просвещение тех, кто приехал в Башкортостан работать или учиться. В настоящее время Институтом этнологических исследований РАН имени Р.Г. Кузеева с участием общественных организаций в Уфе создается Общественный информационно-образовательный центр «Башкортостан — мигранту». Его задачи — содействие социальной адаптации и интеграции мигрантов, их правовое и гуманитарное просвещение, обучение русскому языку. Кроме занятий будут проводиться совместные культурные, спортивные, общественные мероприятия.

В республике организован серьезный контроль за миграционной ситуацией. Проводятся регулярные проверки фактов незаконного пребывания, нарушений налогового, санитарно-эпидемического законодательства. Выявляются лица, которые ранее депортировались за пределы России. К уголовной ответственности привлекаются организаторы нелегальной миграции. В целом проблемы эти сложные, многофакторные. Работа здесь должна быть комплексной, системной.

¹ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года от 13.07.2012 года // Российская газета. 2012. 14 июля. № 5806.

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: [утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537] [Электронный ресурс]. URL: www.rg.ru/2009/05/14/nacbezopasnostj.html

³ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2013. 23 янв.

⁴ Луговская Е.А. Проблемы миграционной политики России на современном этапе // Россия в процессе реформ. Социально-политические аспекты. М.: Современная экономика и право, 2009. С. 87–94.

УДК 323:792(470.57)

МАТВЕЕВА Любовь Дмитриевна,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Туризм и гостеприимство»
ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный
университет экономики и сервиса»
e-mail: tourism_usaes@mail.ru

ХАЙРЕТДИНОВА Наталья Эдуардовна,
старший преподаватель кафедры «Туризм и гостеприимство»
ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный
университет экономики и сервиса»
e-mail: tourism_usaes@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ УФИМСКОГО ТЕАТРА В ПЕРИОД ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ (конец 1922–1928 гг.)

В статье исследованы основные факторы, тормозившие в 1920-е годы развитие театральной культуры в Уфе: отсутствие методологической концепции советского искусства, управленческий параллелизм на государственном и партийном уровнях, непоследовательность решений и выводов цензуры, влияние мещанской среды, финансовый дефицит.

Ключевые слова: уфимский театр, методологическая концепция советского искусства государственное и партийное управление театрами, финансирование театров.

В молодой Российской Республике борьба за власть началась еще при жизни большевистского лидера В.И. Ленина. Наиболее активную позицию занял тогда Генеральный секретарь ЦК РКП (б) И.В. Сталин. Как известно, с декабря 1921 г. он, по словам Ленина, «сосредоточил в качестве Генерального секретаря партии необъятную власть», но до поры до времени в открытую конфронтацию с Лениным не вступал. Однако после того как в декабре 1922 г. Ленина поразила вторая удар, Сталин счел, что «что уже можно и не сгибаться перед обреченным на смерть человеком»¹.

К верховному главенству устремились также председатель Революционного военного совета РСФСР Л.Д. Троцкий, председатель Моссовета Л.Б. Каменев и председатель Исполкома Коммунистического Интернационала Г.Е. Зиновьев, полагавшие, что каждый из них способен заменить Ленина, и основная задача заключается в том, чтобы свалить

наиболее способного соперника. Сначала образовался триумвират Сталин — Зиновьев — Каменев, который бросил силы на низвержение авторитета Троцкого. К 1925 году Троцкий оказался в изоляции и не мог влиять на политику партии. Затем произошел раскол внутри триумvirата. Сталин вышел в этой борьбе победителем, взяв в союзники члена Политбюро ЦК ВКП (б) Н.И. Бухарина и усилив ЦК своими ставленниками (В.М. Молотовым, К.Е. Ворошиловым, М.И. Калининым и др.). В 1929 году он расправился с последним реальным соперником Н.И. Бухариным, обвинив его в организации «правой оппозиции»².

В период внутрипартийной борьбы ожесточенные споры велись вокруг новой экономической политики. У нэпа, введенного волевым решением Ленина, оказались не только воспринявшие ленинские аргументы сторонники, но и принципиальные противники. Пока в битве за власть принималось решение, до

какой степени позволительны поправки мелкой буржуазии, а страна бедствовала в ожидании эффективной концепции дальнейшего экономического развития, за искусством сохранялись относительные свободы, так и не ставшие созидательной опорой для советского искусства.

Фактор первый. Обострение противостояния различных художественных течений и отсутствие методологической концепции советского искусства

В революционной России существовали противоречивые воззрения на пути культурного строительства. В состоянии перманентного спора пребывали представители столичных театральных школ, различных новомодных течений (футуристы, акмеисты, символисты и др.), пролеткультовцы, а также претендующие на компетентность чиновники и, конечно, глава Наркомата просвещения РСФСР (Наркомпроса) А.В. Луначарский. Со временем в спор включились также сторонники социалистической культуры (в противовес пролетарской), ссылавшиеся на то, что «режим пролетарской диктатуры имеет строго переходный характер», что «возможности нового творчества станут по-настоящему раскрываться лишь по мере того, как пролетариат будет растворяться в социалистическом обществе», т. е. перестанет «нести на себе следы вчерашнего угнетения»³.

В исследуемый период победа оказывалась за Российской ассоциацией пролетарских писателей (РАПП), защищенной государственной идеологической машиной⁴.

В период нэпа актуальной оставалась проблема репертуара. Теоретических художественных директив не было. И это несмотря на то, что Главному художественному комитету (Главхкому) при Наркомпросе эта задача вменялась в обязанность еще в 1921 году⁵. Л.Д. Троцкий констатировал: «Что касается характера ее (культуры — прим. авт.), то идеи теоретиков были так же смутны, как и непритязательны»⁶. Как отметил искусствовед и историк В.С. Жидков, в отсутствие отчетливой концепции культурной политики и возможности какую-либо политику проводить партия «держала на поводке экстремистские группы, стремившиеся поручить художественной жизнью от имени пролетариата». Временами она подвергала

Советский театр развивался под влиянием целого ряда социально-политических факторов, которые явились, скорее, тормозом на пути к расцвету отечественной сцены и одновременно необходимым опытом, впоследствии использованным для преодоления организационных барьеров.

критике их действия, имея в виду, что настанет время, когда появится возможность «прибрат к рукам и эту сферу общественной жизни»⁷.

По свидетельству Л.Д. Троцкого, партийная линия поддержки адептов пролетарского искусства базировалась на убеждении Сталина — Бухарина в том, что «движение к социализму будет совершаться «черепашьими шагами» и что у пролетариата окажутся в распоряжении десятки лет для создания своей собственной культуры»⁸. Уже в начале 1930-х годов И.В. Сталин изменит отношение к пролетарской сущности культуры. Но пока в российские города рассылались списки рекомендованных произведений-однодневок не отличавшихся талантливостью пролетарских драматургов. Сохранились такие списки и в Центральном историческом архиве Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Так, для постановок в Уфе в 1925 году были рекомендованы следующие произведения: Абрамов, «Старое и новое», в 2 действиях; Александров, «В селе Знаменском», в 4 действиях; Александров, «Песня горя», драма в 3 действиях; Дерябина, «На заре нового мира», в 1 действии; Кутыкин, «Коммунистка Вера», в 3 действиях; Киселев, «О штучках поповских и кулаковских», в 3 действиях; Карпов, «Рабочая слободка», драма в 5 действиях; Князев, «Фабрикант и рабочий», драма в 5 действиях и т. д.⁹ Непрофессиональный драматургический отклик на жгучие проблемы современности, отжив свое время, стерся из народной памяти. Сегодня чрезвычайно сложно найти сведения об упомянутых авторах и их произведениях.

Самый известный из указанных драматургов — Евтихий Павлович Карпов, до революции фактически владевший театром литературно-артистического кружка А.В. Суворина

в Петербурге. Он окончил межевой институт, служил юнгой на волжском буксирном пароходе. Впоследствии увлеченный народническими идеями Карпов стал актером (сначала в Ярославле, позднее — в Петербурге), режиссером и драматургом¹⁰. Будучи самоучкой, он впоследствии был признан автором «убогих в драматургическом отношении пьес»¹¹.

Серафима Ивановна Дерябина — профессиональный партийный работник — была в свое время объявлена основоположником советской драматургии на Урале. Ее пьеса «На заре нового мира» впервые была поставлена в Екатеринбурге (где Дерябина работала в губкоме партии) 7 ноября 1919 г. в честь второй годовщины Октябрьской революции¹².

Информации о большинстве авторов из упомянутого списка в литературе по истории советского театра и драматургии нет.

В сложившейся ситуации Уфа тоже превратилась в арену споров о судьбе театра. Дискуссии были мотивированы многообразием взглядов из столиц, однако распределение приоритетов от столичных заметно отличалось.

Наиболее слабыми были позиции представителей и сторонников драматической классики. Уфа до революции стационарных театров не имела и жила вне традиций профессиональных школ. Как следствие, она не располагала кадрами, которые смогли бы, как в Москве и Петрограде (с 1924 года — Ленинграде), найти веское слово в защиту сценического профессионализма¹³. Следует отметить, что в то время профессиональными актерами называли не только тех, кто имел специальное образование и возможность перенимать опыт, работая на сцене рядом с признанными мастерами, но и самостоятельно совершенствующихся любителей, для которых театр стал главным делом жизни. Тот факт, что в регионах практиковалась ускоренная актерская профессионализация, отмечен В.А. Сахновским-Панкеевым: «Самодельные кружки, подчас лишь недавно возникшие, на протяжении нескольких месяцев превращались в профессиональные театры, а их участники, обладавшие лишь минимальным сценическим опытом и навыками, становились актерами со всеми обязанностями, диктуемыми профессией»¹⁴. Уфимские театры не являлись исключением. Большинство

в городской артистической среде составляли вчерашние любители. Их взгляды на развитие театра не были стабильными и принципиальными, поскольку формировались под влиянием различных, в том числе и новомодных, художественных течений¹⁵.

Уфимское чиновничество, контролирующее деятельность творческого сообщества, стояло преимущественно на пролеткультовских позициях. Документы свидетельствуют, что самым желанным, с точки зрения уфимского чиновничества, считался пролетарский театр, созданный «из любительских кружков». При этом, правда, надлежало бороться с «любительщиной, приносящей вред здоровому театральному делу»¹⁶. У профессионального театра, по мнению служащих художественного подотдела, никаких перспектив не было: «Мелкобуржуазный театр умирает, а вместе с ним и профессионал актер. Для нас необходим здоровый творческий театр, соответствующий духу широкой рабоче-крестьянской массы»¹⁷.

Подтверждает пролеткультовский уклон в уфимской чиновничьей среде и критика фольклорного репертуара национальной труппы. В докладе театрально-художественного отдела Губполитпросвета, датированном 1924 г., отмечено: «Татарская труппа имела ставить согласно договора 2 спектакля в неделю во Дворце Труда и Искусств. (...) Репертуар был случайный и очень неудачный, как, например, «Башмагем» («Башмачки» — прим. авт.), «Зулькабира» и т.д.»¹⁸. Указанные спектакли несли зрителю самобытный национальный колорит и изобиловали местными фольклорными произведениями.

Театру еще предстояло пережить прописанные в официальных документах гонения на национальные культурные традиции — в годы второй пятилетки (1933–1938) сформировалась идеологическая платформа, низвергшая культурно-просветительское значение народного творчества. «Вредными» тогда объявили произведения, базирующиеся на башкирском фольклоре. Они, как отметил зав отделом культуры и пропаганды Башкирского обкома ВКП (б) Х. Хасанов в 1934 году, «идеализируют патриархально-феодалный быт башкир и воспитывают в духе национализма»¹⁹. Но в период нэпа пренебрежение к народному твор-

честву демонстрировал только Пролеткульт. Фольклор пролетарские радикалы оценивали как подозрительное «сермяжное мужиковство» или классово чуждое «крестьянофильство». Причем нарком просвещения А.В. Луначарский неоднократно выступал защитником и пропагандистом народного культурного наследия, «чернозема, на котором вырастут живые цветы нового искусства»²⁰. Но в Уфе к мнению наркома чиновники не прислушивались.

Уфимская театральная критика придерживалась преимущественно взглядов А.В. Луна-

чарского. В большинстве рецензий, опубликованных в местной прессе, отсутствовало безусловное одобрение репертуара, но при этом не исключались позитивные отзывы об актерских успехах, о способности спектаклей вызвать смех и т. д.²¹

Развернувшиеся споры носили не директивный, а сугубо оценочный характер и формально на деятельность театров не влияли. Не способствовали они и формированию каких-либо консолидирующих методологических взглядов на пути развития советского искусства.

Фактор второй. Расширение сети государственных органов, контролирующих сферу художественной культуры

Формы государственного контроля над художественной сферой общественной жизни принципиально изменились еще этапе, предшествующем введению нэпа. В соответствии с декретом «О Народном комиссариате по просвещению (Положение)» от 11 февраля 1921 г. упразднили ТЕО Наркомпроса (театральный отдел), который был единственным органом, регулирующим деятельность в театральной сфере. Вместо него появились художественные секции при всех вновь учрежденных управлениях Наркомпроса: Академическом центре (Академцентре), Организационном центре (Оргцентре), Главном управлении социального воспитания и политехнического образования детей до 15 лет (Главсоцвосе), Главном управлении профессионально-политехнических школ (с 15 лет) и высших учебных заведений (Главпрофобре), Главном управлении государственным издательством (Госиздате), Главном политико-просветительском управлении (Главполитпросвете), Совете по делам просвещения национальных меньшинств. Все художественные секции отныне подчинялись руководителю соответствующего Главного управления и одновременно — руководителям Академцентра и Оргцентра²².

Соответствующим образом сформировалась структура управления искусством на местах. Распоряжением Наркомпроса РСФСР от 19 марта 1921 г. в структуре губернских отделов народного образования (губотнаробов)

учреждались следующие губернские управления: губпрофобр, включающий, в частности, подотдел художественного образования, губполитпросвет, включающий, в частности, художественный подотдел, научно-методический совет, включающий, в частности, художественную комиссию образования, губиздат, губархив, губмузей и пр.²³.

В результате реформы полномочия оказывать влияние на творческие процессы получил целый ряд государственных органов.

Лишь во второй половине 1920-х годов власти начали борьбу с параллелизмом в управлении театрами. В мае 1927 г. на партийном совещании по вопросам театра при Агитпропе ЦК ВКП (б) было предложено создать единый орган в структуре местных Наркомпросов — Управление зрелищными предприятиями (УЗП). Положение «О местных управлениях зрелищными предприятиями» Совнарком РСФСР одобрил 25 ноября 1927 года²⁴.

Образование Башкирского УЗП, безусловно, упростило систему идейного контроля над театрами, но кардинально преломить ситуацию не смогло — «ввиду отсутствия средств». Чтобы оправдать свое существование, в июле 1927 г. административное новообразование начало действовать на началах хозрасчета²⁵. Но, как свидетельствуют документы, снова безрезультатно. УЗП так и не стало органом, способным обеспечить обслуживание театральных зданий²⁶.

Фактор третий. Развертывание цензурной сети

С переходом к нэпу, когда был ужесточен партийный диктат на культуру, цензурная сеть, контролирующая деятельность театров, стала приобретать перестраховочный характер. Пролетариат, не имевший в своих рядах литературно образованного и творчески состоятельного потенциала, подлинно художественных произведений не предоставлял. Подозрительной в классовом отношении интеллигенции предпочитали не доверять. Художественной методологии, как уже отмечено, не было. Профессиональная драматургия в отсутствие методологических норм лишалась стабильных разрешительных перспектив. Чтобы придать запретам на художественное творчество авторитетно-цивилизованный вид, власти предусмотрели расширение цензурной сети.

В целях «установления репертуара во всех без исключения театрах Республики» в январе 1922 г. был организован Репертуарный комитет художественного отдела Главполитпросвета²⁷.

6 июня того же года Декретом СНК СССР при Наркомпросе учреждалось Главное управление по делам литературы и издательства (Главлит) — Центральный аппарат и сеть местных органов. В обязанность цензуре вменялась не только охрана военных и государственных тайн, но и широчайший политический контроль за печатью. В ведении Главлита находились все зрелищные мероприятия, в том числе театральные спектакли. Для более эффективного контроля над зрелищными предприятиями 9 февраля 1923 г. в недрах Главлита был образован межведомственный орган — Комитет по контролю за репертуаром (Главрепертком). В него вошли представители Агитпропа ЦК ВКП (б), ВЦСПС, ЦК Рабис и даже ОГПУ²⁸.

В феврале 1924 г. Наркомпрос разработал особый порядок утверждения репертуаров академических театров. Согласно инструкции, ежегодный репертуарный план создавался Управлением государственными академическими театрами и согласовывался с директорами театров. Далее он передавался на рассмотрение в Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями (в Главнауку), а затем — в Главрепертком. Окон-

чательное утверждение репертуарного плана осуществлялось в научно-художественной секции Государственного Ученого Совета (ГУСа). Пьеса, не зарегистрированная в репертуарном плане, допускалась к постановке только после утверждения во всех перечисленных инстанциях. В провинции процедура утверждения репертуара была менее сложной, но тоже осуществлялась в рамках обязательной схемы. Сначала репертуарные планы обсуждались в местных политпросветах, а затем передавались в местные органы Главлита²⁹.

В Уфе циркулярное сообщение зав. Агитпропом Башобкома РКП (б) Ш.А. Ашрапова о существовании местного органа Главлита — Башоблита — появилось в сентябре 1923 года. В циркуляре четко обозначались непосредственные задачи ведомства — «следить за всей издаваемой на территории БССР литературой, как периодической, так и не периодической, выполнять предварительный и последующий контроль, давать художественное и идейное направление дальнейшему искусству»³⁰.

На примере театрального сезона 1924 года рассмотрим, как действовала уфимская цензура.

Главным цензором края был представитель Башоблита тов. Хабиби. Именно он являлся конечной инстанцией, оценивавшей качество драматических произведений и выдававшей разрешения на постановки.

Судя по архивным материалам, тов. Хабиби отличался в оценках пьес не только строгостью, но и непредсказуемостью. Так, на заседании Башкирского областного комитета профсоюзов работников искусств (Башрабиса) 23 апреля 1924 г. актер Барский заявил, что цензор Башоблита Хабиби запретил «Василису Мелентьеву» Островского, «Маскарад» Лермонтова и другие классические произведения, а заседание постановило: «Признать подобную обстановку ненормальной»³¹.

На заседании Башрабиса 16 июня 1924 г. председатель месткома трудового коллектива драмы Князев отметил: «На сборы повлиял и репертуар далеко не сильный, вина за который лежит отчасти на цензоре Хабиби, запре-

щающем все сборовые пьесы»³². С резкой критикой цензуры выступил на этом заседании и режиссер Летковский. Он объяснил причины «упадка» сборов «убийственной цензурой, которая довела коллектив до того, что они не знают, что у них идет послезавтра, так как тов. Хабиби не успел еще прочесть идущую в этот день пьесу и может случиться, что она паче чаяния будет запрещена и на замену ее случайно пойдет наскоро отрепетированная какая-нибудь избитая пьеса и абсолютно не даст никакого сбора»³³.

Чтобы стабилизировать взаимоотношения с Башоблитом, Башрабис 30 июня 1924 г. созвал очередное заседание, на котором планировалось выступление цензора Хабиби «О деятельности местной репертуарной комиссии», однако Хабиби выступать отказался. Зато члены профсоюза вновь обвинили его в срыве работы «без всякой основательной причины». Сообщалось, что цензор может разрешить пьесу, а после выпуска афиши запретить, что он «не дает список разрешенных пьес» и т. д.³⁴

Если учесть, что в описываемый период обедневшие городские театры выживали за счет «любительщины, ставящей перед собой исключительно материальные цели»³⁵ (стало быть, цензор подобные постановки все-таки разрешал), можно сделать вывод, что судьба театров Уфы и всей Башреспублики оказалась в зависимости от немотивированных, стихийных решений одного чиновника из Башоблита.

Возникает резонный вопрос о причинах возникновения ситуации, при которой через строгие разрешительные барьеры не могли просочиться «Василиса Мелентьева» А.Н. Островско-

го и «Маскарад» М.Ю. Лермонтова и на этом фоне разрешенными оказывались незатейливые, легкомысленные произведения.

Дело в том, что условиях нэпа цензура вынуждена была действовать с учетом кассовой заинтересованности театров, особенно провинциальных. Поэтому в оценке репертуара применялись различные стандарты. Пьесы классифицировались по категориям. В первую категорию включались произведения, разрешенные для всех театров, во вторую — допустимые, но не рекомендованные для широкой аудитории (в том числе «мещанские»), в третью — запрещенные³⁶.

Поскольку желанный пролетарский зритель был редким гостем в театре, массовым спросом пользовался в текущий момент репертуар второй категории. Чиновники различных художественных учреждений всячески критиковали «скабрёзные водевили», не устанно говорили и писали о «необходимости содействия культурным запросам пролетариата», призывали «воспитывать в массах художественный вкус», но не принимали никаких действенных мер для изменения ситуации и лишь констатировали, что «дорогие цены» на театральные билеты сделали театр «недоступным рабочим массам»³⁷. Цензура исключения не составляла.

Споры о путях развития искусства, выявившие непримиримых оппонентов, не склонных прислушиваться к чужому мнению, а также стихийность мнений цензоров препятствовали как формированию единой методологической базы художественной культуры, так и свободному творческому поиску.

Фактор четвертый. Позиция партии в отношении различных творческих течений (отражение проблем искусства в партийных документах)

В этой обстановке чрезвычайно важна была художественно-культурная концепция партии.

В резолюции XII съезда РКП (б) (17–25 апреля 1923 г.) «По вопросам пропаганды, печати и агитации» на фоне полутора десятков страниц, посвященных ликвидации политнеграмотности, различным формам агитпросветработы, поддержке комвузов и т. д., довольно сиротливо выглядит единственный пункт, касающийся

художественной литературы: «Ввиду того, что за последние два года художественная литература в Советской России выросла в крупную общественную силу, распространяющую свое влияние прежде всего на массы рабоче-крестьянской молодежи, необходимо, чтобы партия поставила в своей работе вопрос о руководстве этой формой воздействия на очередь дня»³⁸. Этот пункт отчетливо демонстрирует, что до 1923 года деятельность литераторов оста-

валась за пределами пристального внимания партийных идеологов.

Некоторые уточнения о предстоящей работе сделал заведующий Агитпропом ЦК РКП (б) А.С. Бубнов: «Пришло время, когда партия должна вплотную подойти к вопросам литературы и искусства. Нам надо установить определенную линию художественной политики, наметить ее основные принципы. Этот вопрос назревший, злободневный и насущный»³⁹.

Через год, на XIII съезде РКП (б) (23–31 мая 1924 г.), вновь был поднят вопрос о художественной литературе. В резолюции «О печати» отмечено: «Основная работа партии в области художественной литературы должна ориентироваться на творчество рабочих и крестьян, становящихся рабочими и крестьянскими писателями в процессе культурного подъема широких народных масс Советского Союза». Принятый в советской историографии тезис о величайшем такте партии по отношению к различным творческим направлениям нашел относительное подтверждение. Съезд действительно призвал поддержать «наиболее даровитых из так называемых попутчиков». Однако в формулировке резолюции четко прослеживается и недоверие к ним: «Необходимо поставить выдержанную партийную критику, которая (...) указывала бы их ошибки, вытекающие из недостаточного понимания этими писателями характера советского строя, и толкала бы их к преодолению буржуазных предрассудков»⁴⁰.

Решение съезда не смогло преломить ситуацию. Озлобленная пролетарская критика вновь вылилась на страницы советской печати. «Попутчиков» предлагалось изгонять из всех изданий, а их творчество — всячески дискредитировать. Дискуссия набирала обороты.

Партия должна была сказать свое веское слово. Тактика пролетарских радикалов в отношении «попутчиков» стала подвергаться партийной критике.

Так, выступая на конференции Сокольнического райкома, Л.Д. Троцкий настаивал: «Нужно всячески помогать молодым пролетарским побегам художественного творчества, но в то же время нельзя допускать такого вопиющего нарушения перспективы, когда небольшая литературная группка объявляет себя носитель-

ницей «пролетарской литературы». Такая самооценка покоится на ложном понимании всего хода культурно-исторического развития пролетариата, которому еще очень и очень нужно пройти через буржуазное искусство (...) поднять свой художественный уровень и тем обеспечить условия для подлинного массового социалистического искусства. Разумеется, к буржуазному искусству (...) пролетарий отнесется по-пролетарски. Пролетариат ведь свою классовую точку зрения берет не из искусства, наоборот, он вносит ее в искусство»⁴¹.

Резолюция ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г., признавая отсутствие у рабочего класса кадров, способных выработать стиль и форму художественных произведений, рекомендовала отсеивать «антипролетарские и антиреволюционные элементы», но при этом настаивала на директиве тактичного и бережного отношения к «квалифицированным специалистам литературной техники» и даже к «промежуточным идеологическим формам». Резолюция заявила протест против «легкомысленного и пренебрежительного отношения к старому культурному наследию, а равно и к специалистам художественного слова», высказалась за «свободное соревнование различных группировок и течений» и отказала в праве «монополии какой-либо из групп, даже самой пролетарской по своему идейному содержанию»⁴².

Борьба с попутчиками не ограничивалась литературной сферой. Под ударами «рапповской дубинки» оказались и другие виды искусства, в том числе театр⁴³.

Следует отметить, что в 1923 году XII съездом РКП (б) была сделана попытка поставить задачи перед советским театром. Пункт 45 резолюции «По вопросам пропаганды, печати и агитации» настаивал на необходимости использования театра для систематической массовой пропаганды идей борьбы за коммунизм, «привлекая соответствующие силы как в центре, так и на местах», и на усилении работы по созданию и подбору соответствующего репертуара, «используя при этом в первую очередь героические моменты борьбы рабочего класса»⁴⁴. Фактически резолюция декларировала желаемое без анализа существующих реа-

лий. Съезд словно не ведал о бедственном положении театра, особенно провинциального, о нежизнеспособности наскоро сработанного агитационного репертуара, о невозможности играть, игнорируя вкусы платежеспособного обывателя. По объективным причинам резолюция не смогла стать руководством к действию. Уже на XIII съезде РКП (б) тема театра не упоминалась вовсе.

Руководство партии в исследуемый период не имело четкой концепции в вопросе организации театрального дела и предпочитало официально проводить однообразную, неконкретную дипломатическую линию, избегая несвоевременных конфликтов и поддерживая всех противоборствующих, но не враждебных Советской власти участников творческого процесса.

Однако формально в отношении театрального дела РКП (б) не отказалась от управленческих функций.

Еще в 1921 году политическое главенство партии подчеркнула передача основных административных полномочий в отношении театра системе политпросветов, то есть прямому аппарату партии в Наркомпросе⁴⁵. Распоряжением Наркомпроса РСФСР от 13 апреля 1921 г. узаконивалась передача в ведение местных политпросветов существовавших до 1921 года подразделов искусств. Соответственно, все ТЕО Наркомпроса превратились в ТЕО политпросветов. Губполитпросветам вменялось руководство театральными учреждениями «всех видов и наименований со всеми обслуживающими их учреждениями»⁴⁶. Необходимая реорганизация была осуществлена и в Уфе⁴⁷.

Поскольку во главе всей идеологической работы в стране стоял еще один орган, Агитационно-пропагандистский отдел (Агитпроп) ЦК РКП (б), в Уфе было организовано и его подразделение. Агитпропу Уфимского губкома РКП (б) вверялась задача объединения партийно-агитационной и культурно-просветительной деятельности в крае. Этот отдел был уполномочен контролировать все губернские культурно-просветительные учреждения, в том числе губполитпросвет⁴⁸.

Сам факт организации в Башкирии многочисленных партийно-государственных органов, контролирующих культуру, не означал ак-

тивизации определенных для них функций. Ни Совет народных комиссаров (Совнарком) Башкирской АССР, ни областной комитет РКП (б) не относили художественную культуру к «линии первоочередных жизненных потребностей». 17 октября 1923 г. председатель Совнаркома БАССР М.Д. Халиков докладывал на заседании Пленума Башобкома РКП (б), что экономически слабая Башреспублика, которая не может рассчитывать на дотации, «вынуждена заключить культурно-хозяйственную работу в реально выполнимые рамки»⁴⁹.

И только весной 1927 г. состоялись первые за годы Советской власти крупные мероприятия, призванные вскрыть наиболее острые проблемы, тормозящие плодотворную деятельность театров, и определить позицию партии и советского правительства в отношении сценического искусства.

27 апреля 1927 г. начал работу I Всероссийский съезд театральных директоров. С большим докладом выступил на съезде нарком просвещения А.В. Луначарский. В основу его выступления лег анализ негативных проявлений в актерской деятельности. Были также предложены пути преодоления наиболее острых проблем, чтобы превратить, наконец, театр не только в идейное, но и посещаемое заведение.

Нарком, не изменяя своим убеждениям, настаивал на том, что зритель непременно найдется у подлинно художественной пьесы в хорошем исполнении. «Если культурное, самое высокое содержание будет вложено в такую форму, которая заставит вас зевать, — отметил Луначарский, — то эта художественная форма является глубокой компрометацией искусства. (...) Только если он (театр — прим. авт.) будет привлекателен, если он независимо от содержания будет явлением глубоко увлекающим, только тогда особая сила, присущая искусству, превратится в культурное начало». Безусловно, нарком просвещения вовсе не призывал культивировать на отечественной сцене безыдейно-интересное действо. Скорее, он разъяснял претендующим на общественную значимость пролетарским писателям, насколько велико значение художественности, и призывал создать «настоящий театр с глубоким содержанием, умеющий привлекать людей»⁵⁰.

Впервые за десятилетнюю историю Советской власти съезд театральных директоров обратился к насущным проблемам провинциальной сцены.

«Здесь в столице, — разъяснял А.В. Луначарский, — хорошая пьеса (...) может проходить сотни раз, потому что тут большое население, много приезжих и проходит очень много времени, пока все просмотрят ее. Конечно, провинция не может равняться по нашим столицам. Нам называют чудовищные цифры необходимых для провинции пьес. Там пьеса идет 3–4 раза, а потом ее надо заменить»⁵¹. В поддержку наркома выступила Н. Семенова: «В результате: от одной до трех постановок в неделю (где уж тут ждать художественной постановки!) в губернском городе»⁵².

В выступлении А.В. Луначарского нашла отражение и проблема культурного потенциала провинциального зрителя: «Мы знаем, что провинциальная публика менее культурна, и если от театра требуется, чтобы он находился на хозрасчете, то приходится считаться с запросами публики и ставить часто «любимые», т.е. старые, никуда не годные пьесы, от которых мы в Москве давно отказались»⁵³.

На съезде были обнародованы также определяющие жизнеспособность провинциальных театров проблемы: дефицит, «спутывающий все перспективы (...) на дальнейшее развитие и рост», и закономерно следующие из него изношенность театрального инвентаря и отсутствие оборотных средств. Понимая, что власть

не может оставаться безучастной к судьбе провинциальной сцены, Н. Семенова настаивала на государственной материальной поддержке театров, «по специфическим условиям своей организации и работы не могущих еще в настоящее время существовать на полной окупаемости (национальные театры и театры нацменьшинств, крупного и среднего масштаба оперные предприятия, театры экспериментальные и художественно-показательные)»⁵⁴.

Нельзя не отметить, что партия и государство вплотную подошли к проблемам театра только после того, как в советской драматургии произошли позитивные сдвиги. И хотя драма заметно отставала от молодой советской прозы⁵⁵, полоса безрепертуарья начала уходить в прошлое.

В середине 1920-х годов в столичных театрах прошли спектакли «Шторм» В.Н. Билль-Белоцерковского, «Разлом» Б.А. Лавренева, «Виринея» Л.Н. Сейфуллиной, «Бронепоезд 14-69» В.В. Иванова, «Любовь Яровая» К.А. Тренева, «Дни Турбиных» М.А. Булгакова и др.⁵⁶

Вместе с новой драматургией произошла переоценка порожденных революцией творческих приемов в сценическом искусстве. Постепенно утрачивала действенную силу эстетика агитационного театра с характерной для него однозначностью противопоставления «красных и белых», «своих и чужих». А.В. Луначарский констатировал, что «рабочий зритель совершенно определенно отвергает надоевшую ему (...) наспех сшитую агитку»⁵⁷.

Фактор пятый.

Особенности взаимоотношений театра и власти в условиях хозрасчета

Среди основных проблем театра, упомянутых в 1927 году на I Всероссийском съезде театральных директоров, значатся финансовый дефицит, отсутствие оборотных средств, изношенность театрального инвентаря.

Действительно, театр функционировал в условиях хозрасчета, внедренного с нэпом в 1921 году. Экономическая реформа поставила уфимский театр в противоречивое положение — предполагаемая экономическая свобода осложнялась тотальным идеологическим надзором. Для зрелищных предприятий обедневшего города финансовая самостоятель-

ность вовсе не стала предпринимательским благом. Государство предоставило театрам возможность зарабатывать средства для производственных и личных нужд. Однако эта возможность была осложнена рядом препятствий, государством же созданных.

Поскольку губерния «за годы импер. и гражд. войн обнищала»⁵⁸, местные властные структуры должны были принять организационные решения, которые позволили бы приступить к ликвидации экономического и социального кризиса в крае. Москва финансировать эти процессы в общероссийском масштабе отка-

залась. Как отмечалось на VII Башкирской областной конференции РКП (б) в марте 1923 г., «центр снял целый ряд потребностей с государственного снабжения и передал их на местные средства», делегировав в губернии право на введение местных налогов⁵⁹. В «Перечне расходов, подлежащих отнесению на местные денежные средства», опубликованном в газете «Известия», органе ВЦИК, 18 декабря 1921 г., значился пункт «содержание театральных зрелищ, предприятий и студий»⁶⁰.

На губернские денежные средства уфимскому театру, пролетарский зритель которого бедствовал, тоже рассчитывать не пришлось. Театр, являвшийся участником рыночных отношений, вместо государственной поддержки получил обременительные налоговые обязательства. В пользу казны выплачивались налоги с недвижимого имущества⁶¹, «с публичных зрелищ и увеселений» (первоначально этот налог не должен был превышать 30% от стоимости билета)⁶². Любые хозяйственные операции предполагали сопутствующий оформлению бланков гербовый сбор, введенный еще в 1918 году⁶³. Работники облагались подоходным налогом⁶⁴.

Следует отметить, что ВЦИК, Совнарком и Народный комиссариат финансов (Наркомфин, НКФ) РСФСР предпринимали попытки урегулировать систему налогообложения. В частности, они запланировали процедуру утверждения в Наркомфине перечней местных налогов, которые должны были разрабатываться на основе базового перечня ВЦИК (утвержден 10 декабря 1921 г.) губернскими финансовыми отделами совместно с отделами коммунального хозяйства. Однако местные власти осуществляли фискальную деятельность «без соблюдения требования о предоставлении перечня на утверждение в НКФ» и бесконтрольно увеличивали ставки налогов⁶⁵. А в целях разрешения текущих государственных задач вводили налоги, не предусмотренные действующим законодательством. Так, в марте 1922 г. Уфимский губисполком обязал все предприятия выплачивать налог для «более усиленной борьбы с голодом»⁶⁶.

В 1926 году ВЦИК утвердил «Положение о местных финансах РСФСР», обязавший театры выплачивать, в частности, налоги со строений в размере четверти процента от материаль-

ной их стоимости. Среди прочих указывался налог с посетителей городских «публичных зрелищ и увеселений», взимаемый «путем процентных надбавок к цене входных билетов». Предельные ставки предусматривали налог в 5% от цены билета в драматические театры, 25% от цены билета на оперетту и кабаре без столиков, 50% от цены билета на зрелища со столиками⁶⁷.

Помимо налогов в отношении театров практиковались и иные формы извлечения средств на государственные нужды. В частности, для материальной поддержки школ взимались «сборы с вечеров в театрах»⁶⁸. Общественные организации периодически выступали инициаторами проведения благотворительных мероприятий: «недели Красного Флота», «недели помощи школе» и др.⁶⁹

Кроме того, поскольку в крае действовала программа «приближения театра к рабочим массам», актеров обязали ряд спектаклей ставить за низкую плату. На заседании культотделов профсоюзов в январе 1923 г. было принято решение о ежемесячном получении от Дворца Труда и Искусств 350 шт. билетов «со скидкой 50–85%» для рабочих «нисших квалификаций». Претендовали на дешевые билеты и работники профсоюзов⁷⁰. В том же 1923 году Башполитпросвет предложил театрам обслуживать рабочих и красноармейцев бесплатно⁷¹. Нерегулируемое бесплатное обслуживание зрителей подрывало тяжелое материальное положение театров, и в 1925 году Наркомфин РСФСР разослал местным финорганам инструкцию «О бесплатных билетах в театральных предприятиях». Инструкция не освобождала зрелищные предприятия от благотворительной деятельности, но определяла «список учреждений и лиц, пользующихся бесплатными местами в театрах, кинотеатрах и цирках» (местный исполком и профсовет — 1 ложа (3–5 мест), отдел народного образования — 1 место, местный инспектор зрелищ — 1 место, политконтроль — 1 место и т.д.)⁷².

Наконец, в 1923 году на уфимских актеров легло, в соответствии с решением ЦК Всерабиса, бремя денежных отчислений в Москву. Так, в сентябре 1923 года за счет губернских отделений профсоюза работников искусств Всерабис запланировал возобновление издания журнала «Вестник искусства»⁷³.

Лишения уфимской драмы оценивались сквозь призму иных государственных нужд. Об этом свидетельствуют, например, события мая 1924 г., когда президиум правления Башрабиса принимал решение о проведении летнего сезона башкиро-татарской труппой. В ходе заседания президиума был заслушан доклад представителя мусульманского театра Ш.Г. Шамильского, который очертил круг проблем, стоящих перед коллективом. Докладчик заявил об отсутствии стартовых денежных средств, необходимых для открытия сезона, и предложил организовать праздник «Сабантуй», который мог бы дать «материальные ресурсы». Предложение о проведении праздника было принято, однако труппе правление Башрабиса позволило использовать лишь 25% от полученных доходов. Еще по 25% решили разделить между добровольным обществом «Долой неграмотность», Башкирским обществом друзей воздушного флота (БОДФ) и Гордеткомиссией⁷⁴.

Организованное в 1927 году в рамках борьбы с параллелизмом в управлении театрами Башкирское УЗП, которому, как уже отмечено, было доверено преодоление препятствий, тормозивших становление советского театрального дела, преломить ситуацию не смогло — также «ввиду отсутствия средств». Гости театры, находившиеся на попечении УЗП, по-прежнему не справлялись с проблемой дефицита.

В мае 1928 г. Президиум Горсовета, признавая необходимость «сохранения деятельности театра», обсудил вопрос «о невзимании арендной платы за помещение театра в саду им. Луначарского в летний сезон текущего года», а заодно вопрос о «передаче Гости театров в ведение Горсовета с выдачей ассигнований на содержание»⁷⁵.

Иными словами, ни государственные, ни партийные органы власти за несколько лет так и не смогли определить, каково истинное предназначение театра для общества, строящего социализм, и какова роль государства в этом процессе. Пока целый ряд ведомств на-

ставлял работников культурного фронта, а заодно беспорядочно эксплуатировал оборудованные сценой здания, драматическое искусство методично превращалась в балласт для неокрепшего государственного бюджета.

Таким образом, молодое советское искусство, не выработавшее еще никакой методологии, пребывало в сложном положении. Отсутствие упорядоченных критериев соответствия произведения нуждам советского общества породило многообразие художественных течений, которые могли бы сосуществовать мирно, если бы их не превратил в антагонистов пролетарский фактор. Либерализм власти по отношению к «попутчикам» имел место, но носил откровенно декларативный характер. Пролетарские радикалы не встречали никаких препятствий третированию соперников. Развернувшаяся борьба в отсутствие действенных мер сверху сама по себе окончиться не смогла.

Власти обратили взор в сторону художественной культуры лишь в конце 1920-х годов. В это время в отечественном репертуаре появилось несколько художественно благополучных современных пьес, идейно близких массам, пережившим тяготы первых лет революции и уже отчасти окультуренным примитивными агитационными действиями.

В целом можно отметить, что художественный плюрализм явил собой форму хаоса, который не столько насыщал искусство творческими идеями, сколько расшатывал и без того хрупкие успехи. Художественный пласт, созданный пролетарскими радикалами в 1920-е годы, проверку временем не выдержал.

Кроме того, в исследуемый период партийно-государственная система породила противоречивую ситуацию, при которой создание на основе хозрасчета политически надежного и одновременно финансово благополучного театра превратилось в утопическую идею. В таких условиях в Уфе формирование постоянной труппы было нецелесообразно, а качественное изменение уфимской сцены — неосуществимо.

⁷⁴ Валентинов Н. (Н.В. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М.: Современник, 1991. С. 79.

⁷⁵ История России: XX век. Курс лекций по истории России. Вторая половина XIX в. — XX в. / под ред. проф. Б.В. Личмана. Екатеринбург: УГТУ–УПИ, 1993. С. 136–137.

- ³ Троцкий Л.Д. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991. С. 148.
- ⁴ Георгиева Т.С. Русская культура: история и современность. М.: Юрайт-М, 2001. С. 442.
- ⁵ Центральный государственный архив Российской Федерации (ЦГА РФ). Ф 2313.Оп. 1. Д. 14. Л. 4.
- ⁶ Троцкий Л.Д. Преданная революция. С. 149.
- ⁷ Жидков В.С. Театр и власть. 1917—1927. От свободы до «осознанной необходимости». М.: Алетей, 2003. С. 453.
- ⁸ Троцкий Л.Д. Преданная революция. С. 149.
- ⁹ Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф № Р-798. Оп. 1. Д. 1219. Лл. 274—276.
- ¹⁰ Данилова Л.С. Евтихий Павлович Карпов. По материалам «Дневника» С.И. Смирновой-Сазоновой / Л.С. Данилова, В.В. Сомина // Театрон. Научный альманах Санкт-Петербургской академии театрального искусства. 2010. № 2. С. 14.
- ¹¹ Жидков В.С. Театр и власть. 1917—1927. — С. 550.
- ¹² Культурная революция на Урале / под ред. В. Лошак. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1966. С. 112.
- ¹³ Хайретдинова Н.Э. Особенности управленческого регулирования театрального дела в г. Уфе в первые месяцы советской власти (октябрь 1917 — июнь 1918 гг.) // Вестник ВЭГУ. 2013. № 4. С. 208.
- ¹⁴ Сахновский-Панкеев В.А. У истоков советского многонационального театра // Советский театр. Документы и материалы. Театр народов СССР. 1917—1921 гг. / отв. ред. А.З. Юфит. Л.: Искусство, 1972. С. 12.
- ¹⁵ Хайретдинова Н.Э. Особенности управленческого регулирования театрального дела в г. Уфе в первые месяцы советской власти. С. 208.
- ¹⁶ ЦИА РБ. Ф № Р-801. Оп. 1. Д. 579. Л. 65.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ ЦИА РБ. Ф № Р-798. Оп. 1. Д. 1219. Л. 9.
- ¹⁹ Хасанов Х. От вымирающей колонии к цветущей социалистической республике // Культурное строительство Башкирии за 15 лет (1919—1934 гг.): Юбилейный сборник. Уфа: Изд. Наркомпроса БАССР, 1934. С. 21.
- ²⁰ Нестьев И.В. Классическое наследие и современность // Страницы истории советской художественной культуры (1917—1932) / отв. ред. А.Я. Зись. М.: Наука, 1989. С. 62.
- ²¹ Красная Башкирия. 1925. №№ 2, 6, 9, 22, 39, 69 и др.
- ²² Советский театр: Документы и материалы. Русский советский театр. 1921—1926 / отв. ред. А.Я. Трабский. Л.: Искусство, 1975. С. 40—41.
- ²³ ЦИА РБ. Ф № Р-801. Оп. 1. Д. 92. Л. 38.
- ²⁴ Советский театр: Документы и материалы. Русский советский театр. 1926—1932 / отв. ред. А.Я. Трабский. Л.: Искусство, 1982. С. 31.
- ²⁵ ЦИА РБ. Ф № Р-798. Оп. 1. Д. 1804. Л. 195, 197.
- ²⁶ ЦИА РБ. Ф № Р-798. Оп. 1. Д. 2060. Л. 2.
- ²⁷ Советский театр: Документы и материалы. Русский советский театр. 1921—1926 / отв. ред. А.Я. Трабский. Л.: Искусство, 1975. 57.
- ²⁸ Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991 гг. М.: РОССПЭН, 2002. С. 180, 182, 184.
- ²⁹ Советский театр: Документы и материалы. Русский советский театр. 1921—1926. С. 47—48, 59.
- ³⁰ Центральный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦАОО РБ). Ф № 122. Оп. 1. Д. 72. Л. 44.
- ³¹ ЦАОО РБ. Ф № 8908. Оп. 1. Д. 6. Л. 41 об.
- ³² Там же. Л. 8.
- ³³ Там же. Л. 9.
- ³⁴ Там же. Л. 11.
- ³⁵ ЦАОО РБ. Ф № 8908. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.
- ³⁶ Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917—1991 гг. С. 186.
- ³⁷ Советский театр: Документы и материалы. Русский советский театр. 1921—1926. С. 25, 49, 56—57, 59.
- ³⁸ Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М.: Политиздат, 1984. С. 106.
- ³⁹ Цит. по: Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. М.: Наука, 1972. С. 363.
- ⁴⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. С. 260.
- ⁴¹ Троцкий Л.Д. Вопросы культурной работы. М.: Госиздат, 1924. С. 71.

- ⁴² Культурное строительство в СССР, 1917–1927 гг. (Разработка единой государственной политики в области культуры): Документы и материалы / отв. ред. А.П. Ненароков. М.: Наука, 1989. С. 230–233.
- ⁴³ Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. С. 423.
- ⁴⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. С. 111.
- ⁴⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917–1922. М.: Политиздат, 1983. С. 358.
- ⁴⁶ Советский театр: Документы и материалы. Русский советский театр. 1921–1926. С. 44.
- ⁴⁷ Коваленко Г.А. История художественной культуры Башкортостана (20–30-е годы XX века). Уфа: СГПИ, 2001. С. 26.
- ⁴⁸ ЦАОО РБ. Ф 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 56 об.
- ⁴⁹ ЦАОО РБ. Ф № П-122. Оп. 2. Д. 5. Л. 76.
- ⁵⁰ Луначарский А.В. О театральном строительстве // Политпросветработа и театр. М.: Долой неграмотность, 1927. С. 6–7.
- ⁵¹ Там же. С. 10.
- ⁵² Семенова Н. Организация и экономика зрелищного дела // Политпросветработа и театр. М.: Долой неграмотность, 1927. С. 33.
- ⁵³ Луначарский А.В. О театральном строительстве. С. 10.
- ⁵⁴ Семенова Н. Организация и экономика зрелищного дела. С. 33, 35.
- ⁵⁵ Шошин В.А. М.А. Булгаков и театр (По материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома) // Творчество Михаила Булгакова: Исследования и материалы. Кн. 2. / отв. ред. В.В. Бузник, Н.А. Грознова. СПб.: Наука, 1994. С. 106.
- ⁵⁶ Луначарский А.В. Итоги драматического сезона 1925–1926 г. // Театр сегодня. М.-Л.: МОДПик, 1928. С. 59; Грознова Н.А. М. Булгаков и критика его времени // Творчество Михаила Булгакова: Исследования и материалы. Кн. 2 / отв. ред. В.В. Бузник, Н.А. Грознова. СПб.: Наука, 1994. С. 16–31; Мейерхольд В.Э. Статьи, письма, речи, беседы. Ч. 2 (1917–1939). М.: Искусство, 1968. С. 148.
- ⁵⁷ Рудницкий К.Л. Искусство, рожденное революцией / К.Л. Рудницкий, Н.М. Зоркая, Н.Г. Шахназарова // Страницы истории советской художественной культуры (1917–1932) / отв. ред. А.Я. Зись. М.: Наука, 1989. С. 57.
- ⁵⁸ ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 111. Л. 48.
- ⁵⁹ 7-я Башкирская областная конференция РКП (б): Стенографический отчет. № 3. Уфа: Типо-литография Башпрома «Октябрьский натиск», 1923. С. 45.
- ⁶⁰ ЦАОО РБ. Ф № 122. Оп. 1. Д. 73. Л. 2.
- ⁶¹ ЦИА РБ. Ф № Р-386. Оп. 2. Д. 45. Л. 3.
- ⁶² ЦИА РБ. Ф № Р-386. Оп. 2. Д. 36. Л. 40.
- ⁶³ ЦИА РБ. Ф № Р-386. Оп. 2. Д. 34. Л. 5.
- ⁶⁴ ЦИА РБ. Ф № Р-386. Оп. 2. Д. 45. Л. 3.
- ⁶⁵ ЦИА РБ. Ф № Р-386. Оп. 2. Д. 36. Л. 42, 60.
- ⁶⁶ ЦИА РБ. Ф № Р-386. Оп. 2. Д. 70. Л. 4.
- ⁶⁷ Советский театр: Документы и материалы. Русский советский театр. 1926–1932. С. 29–30.
- ⁶⁸ Власть труда. 1922. № 25. С. 4.
- ⁶⁹ ЦАОО РБ. Ф. 8908. Оп. 1. Д. 1. Л. 27 об.
- ⁷⁰ ЦАОО РБ. Ф. 8897. Оп. 2. Д. 16. Л. 23 об., 36.
- ⁷¹ ЦАОО РБ. Ф. 8908. Оп. 1. Д. 3. Л. 34 об.
- ⁷² ЦИА РБ. Ф. 387. Оп. 1. Д. 169. Л. 35.
- ⁷³ ЦАОО РБ. Ф. 8902. Оп. 1. Д. 4. Л. 48 об., 51.
- ⁷⁴ ЦАОО РБ. Ф. 8908. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.
- ⁷⁵ ЦИА РБ. Ф № Р-798. Оп. 1. Д. 2060. Л. 2.

УДК 323

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович,
доктор политических наук, профессор кафедры
национальных и федеративных отношений
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: kafedra-nifo@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСТИЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

В статье раскрываются теоретические проблемы развития институтов политической системы, обеспечения политической стабильности и политической поддержки, уточняются условия достижения политического консенсуса.

Ключевые слова: политическая система, политическая стабильность, политическая поддержка, консенсус.

Политическая стабильность государства стала важнейшим критерием оценки эффективности работы всей системы государственного управления и показателем устойчивости общественной жизни.

В литературе существует широкий диапазон подходов к пониманию категорий внутренней политической стабильности государства¹. Поскольку государство является по своей сущности политическим инструментом, то его стабильность связывается, прежде всего, с жизнью соответствующего общества, и в той мере, в какой государство ощущает воздействие со стороны этого общества, говорят о «внутренней» стабильности, имея ввиду, что взаимодействие со стороны других обществ и государств инициирует проблемы «внешней» стабильности данного государства.

Стабильность является одним из важнейших компонентов любого государства, сущностной характеристикой его политической системы. Под стабильностью государства часто понимается тенденция основных элементов его политической системы оставаться в рамках определенных и заранее установленных ограничений, даже если система испытывает воздействие со стороны среды. При этом нередко различается «структурная» стабильность государства, т.е. продолжение во времени функционирования государственного механизма

без каких-либо значительных изменений его существенных элементов, и «динамичная стабильность» государства, под которой понимается движение государственного механизма к восстановлению равновесия, нарушенного воздействием внутренних или внешних сил. Обладая достаточной динамичной стабильностью, государство погашает испытываемые им воздействия среды за счет «трансформации» своего механизма, видоизменяя лишь отдельные его элементы. Структурная же нестабильность государства является уже следствием таких воздействий, которые приводят к «изменению» этой системы, к комплексному преобразованию всех ее существенных элементов².

Проблема политической стабильности действительно возникает в связи с процессом взаимодействия государства как специфической политической системы и общества как его среды. Любое государство, каким бы оно не было по своей природе, всегда взаимодействует с обществом и поэтому ощущает и реагирует на его воздействия. Однако когда политическая система подавляет общество, то стабильность достигается насильственной ориентацией государства на неизменность своей структуры. Если же государство воспринимает стратегию развития, поворачиваясь лицом к современной цивилизации, то оно не может не изменять свою структуру с учетом процес-

сов развития, происходящих в обществе, не соразмерять свое устройство, режим и власти с постоянно меняющимися условиями, как своей внутренней, так и внешней среды. Концепция стабильности, как «неизменности» политической системы, являвшаяся в годы «застоя» самоцелью советского государства, в результате фактически изменивших национально-государственное устройство и политический режим страны событий 1991 года не может ныне не уступить место концепции стабильности как «устойчивости» или «направляемости» политического развития, исходящей из предположения о возможности политической системы управлять социальными процессами, контролировать их функционирование, изменяя в этих целях, если потребуется, собственную политическую структуру.

Какие же компоненты образуют структуру государства как политической системы? Вероятно, следует воспринять ту идею, которая, будучи высказанной по этому поводу Д. Истоном, а затем воспринятая и отечественными исследователями, утверждает, что государство как политическая система измеряется в трех основных координатах.

Во-первых, это геополитическая общность, которая очерчена границами государства. Во-вторых, это политический режим, действующий в государстве. В-третьих, это власти, представляющие государство³.

В первом случае речь идет о физической сохранности государства, о поддержании существующей в его рамках общности в состоянии целостности. Политический режим — это, по сути дела, качество государства как политической системы. Сюда входят такие категории, как форма правления, партийная система, правопорядок, статус государства и т.д. Это те важнейшие компоненты, которые указывают на качественные особенности данной политической системы, на ее отличия от других систем. Власти — это те или иные органы государственной власти или управления, должностные лица, выполняющие функции законодательной, исполнительной и судебной власти, начиная с центрального уровня до местного.

Если использовать системный подход, то проблему политической стабильности государства в связи с этими измерениями структуры

его политической системы можно рассматривать как единство стабильности общности, стабильности режима и, наконец, стабильности властей. Такое разграничение на аналитическом уровне очень полезно, поскольку бывают ситуации, когда действия, направленные на дестабилизацию властей, не ставят своей задачей дестабилизацию режима. Могут быть другие, хотя и более редкие, ситуации, когда власти стабильны, но сам режим испытывает дестабилизирующее воздействие со стороны общества. Или, наконец, возможна третья ситуация, когда объектом дестабилизации является сама общность, хотя режим и власти могут оставаться стабильными. Тем не менее, нестабильность властей, нередко является одним из факторов дестабилизации режима. В свою очередь, нестабильность властей и режима, очевидно, могут влиять на стабильность общности, хотя может быть и обратное воздействие.

Взаимодействие государства и общества в техническом смысле может быть представлено как «управление исполнением и санкциями», с одной стороны, и народная поддержка и манифестируемая оппозиция, с другой⁴. Иными словами, взаимодействие политической системы и социальной среды, представляемой теми или иными группами или организациями, описывается в широком диапазоне «взаимодействий» — от сотрудничества до конфликта. И если одна или обе стороны в этом парном взаимодействии встают на путь «внутреннего конфликтного поведения», то стабильность политической системы начинает напрямую зависеть от ее способности управлять возникшим конфликтом с обществом.

Сохранение государством своей структуры, как утверждает, в частности, Эбервайн, является совокупным положительным результатом: 1) оппозиции, выраженной в тех или иных формах влияния общества на власти, режим или общность; 2) правительственных санкций по предотвращению или подавлению этой оппозиции; 3) поддержки властей, режима или общности государства со стороны общества.

Очевидно, что при недостатке поддержки со стороны общества и неэффективности санкций воздействие оппозиции может достичь такой степени, при которой структурная не-

стабильность приведет к радикальному изменению властей, режима или целостности государства.

Стабильность государства, следовательно, производна от уровня и интенсивности происходящих в нем политических конфликтов, через которые непосредственно и проявляются как оппозиция или поддержка обществом властей, режима и целостности государства, так и правительственные санкции против оппозиции.

Отсюда, действительно, оправдано введение в исследование проблем стабильности таких конфликтологических переменных, как «конфликтная единица (сторона)», «структура», «процесс» и «решение» конфликта.

С позиции общей теории конфликта, «стороной» любого социального конфликтного поведения выступают индивид, группа или организация⁵. «Структура» конфликтного поведения включает в себя внутренние психологические «установки» индивидов, представляющих сторону, ее физические действия и детерминируемые социальными условиями «цели». «Процесс» конфликтного поведения определяется размерами конфликтного поля, в пределах которого осуществляется физическое «действие» стороны — оно расширяется от «насилованного» конфликта до «манифестируемого», а затем — «латентного» и, наконец, «зарождающегося» конфликтов. В соответствии с этим, «решение» конфликта выражается в выборе стороной стратегии «борьбы», «урегулирования», «разрешения» или «предотвращения» конфликта.

Что касается «изменений» режима, правительства и общности, то в контексте модели общего конфликтного анализа они указывают на предполагаемые или реализованные «цели» как другой элемент структуры конфликтного поведения. Такой подход позволяет «вызовы», нацеленные на «изменения общности», рассматривать как иницирующие «легитимные конфликты», «вызовы», связанные с «изменением режима», — как «режимные» конфликты, а «вызовы», ведущие к «изменению правительства», — антиправительственные конфликты.

Выбор стратегии управления процессами политической стабильности связан, прежде

всего, с тем или иным пониманием природы источника возникновения внутреннего политического конфликта и возможности достижения консенсуса⁶.

Модель политического консенсуса, будучи центральной категорией анализа внутренней стабильности, является все-таки верхушкой айсберга всей проблемы. Ее же фундамент составляют конфликты, возникающие в природной (демографической, географической, экологической) среде соответствующего общества, в его этнокультурной, экономической и социальной сферах.

Нет нужды доказывать, сколь важное значение имеет политическая поддержка для обеспечения стабильности существующей политической системы. Поскольку «все социальные системы, если этому не противостоят постоянные усилия по поддержанию их интеграции и организации, обладают тенденцией к энтропии», т. е. тенденцией к атомизации и анархии, то, заключает известный американский социолог А. Этциони, «процесс поддержки способствует сохранению существующей политической системы и/или ее структуры»⁷.

Анти-энтропийная направленность политической поддержки объясняет позицию, например, Д. Истона, который отождествляет стабильность с тем качеством функционирования конкретной политической системы, которая обеспечивает достаточную поддержку режима и властей со стороны общества. Иначе говоря, намерение стабильности властей, согласно этому взгляду, описывается в рамках процесса их политической поддержки⁸.

Истоновский взгляд на эту проблему развивался целым рядом западных исследователей. В частности, В.Д. Эбервайн рассматривает политическую поддержку (наряду с оппозицией, санкциями и политическим насилием) в качестве составного элемента концепции политической стабильности. Этот подход, определяющей чертой которого выступает возможность полиметрического анализа проблемы политической стабильности, и положен в основу данного исследования. Он исходит из многомерности и комплексного понимания категории политической стабильности, в рамках которого стабильность выступает не эквивалентом неизменности существую-

щих политических структур, а рассматривается в качестве процесса, обусловленного сложной структурой взаимодействия государства и общества. Думается, что в применении к политическим системам переходного типа (к числу которых относится и Россия) этот подход позволяет адекватно описать существующую реальность и использовать количественные методы ее анализа.

Концепция политической поддержки в западной политологии начала складываться еще в 1960-е гг. В наши дни под поддержкой понимается «направление, в рамках которого личность в ценностном плане ориентирует себя в отношении тех или иных объектов через свои установки или поведение»⁹. Таким образом, политическая поддержка теснейшим образом сопряжена с оценкой качества функционирования различных уровней политической системы — властей, режима и политической общности. При этом в ряде случаев категория поддержки получает расширительное толкование, включая в себя как позитивные, так и негативные оценки функционирования различных уровней политической системы. На наш взгляд, подобная расширительная интерпретация категории поддержки игнорирует ряд существенных различий между собственно поддержкой и оппозицией как двумя сторонами отношения общества к государству.

Дело в том, что политическая поддержка в узком смысле этого термина манифестируется, прежде всего, в ходе рутинных процедур демократического процесса — таких, как выборы, референдумы и т. п. В крайнем случае, речь может идти о массовых мероприятиях в поддержку конкретных лиц либо политических движений в рамках избирательных кампаний. Иначе обстоит дело с политической оппозицией властям, режиму и общности. Открытое выражение протеста, даже в рамках демократических политических систем, требует совершенно иных механизмов мобилизации.

Расширительное толкование категории политической поддержки игнорирует эти различия.

Концепцией политической поддержки охватываются как оценочные ориентации политических факторов, так и их политическое поведение. В соответствии с этим различаются

«латентная» поддержка, выражаемая в политических установках личности (т. е. в ее поведенческой предрасположенности), и «манифестируемая» поддержка, проявляемая в «параллельном действии» политических акторов. Поскольку манифестация поддержки происходит во время выборов, плебисцитов, референдумов и т. д., решающее значение для прогнозирования исхода подобного рода политических мероприятий может иметь определение уровня «латентной поддержки».

Вместе с тем, переходный период в жизни российского общества ставит перед исследователями множество дополнительных проблем. В частности, огромное значение приобретает точность и адекватность оценки характера, места и потенциала новых российских элитных групп в политической жизни общества. В связи с этим помимо подразделения поддержки на латентную и манифестируемую возникает необходимость введения понятий элитной и массовой поддержки.

В рамках концептуальных построений приверженцев теории элит существует множество определений категории «элита». В их числе — наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на власть, организованное меньшинство общества; люди, обладающие интеллектуальным или моральным превосходством над массой, наивысшим чувством ответственности и т. д.¹⁰ В качестве базовых принимаются представления сторонников неозелитистской теории — А. Этциони и Т. Дая, рассматривающих элиту в качестве совокупности людей, занимающих властные позиции и обладающих формальной властью в организациях и институтах, определяющих социальную жизнь общества¹¹.

В.Д. Эбервайн отнюдь не случайно вводит в свою модель категорию элитной поддержки только применительно к политическим системам стран так называемого «второго» и «третьего» мира. В силу того, что особенностью данных систем является господство патронимических, корпоративистских и т. п. моделей отношений, подобное допущение выглядит вполне оправданным. Поскольку большинство этих государств — пишет он, — репрессивны, массовая поддержка во многих случаях не является фактором политической стабильности.

Чаще встречаются случаи, когда режимные изменения происходят по той причине, что элита в этих системах теряет «функциональное единство»¹².

Эти критерии позволили В.Д. Эбервайну считать, что если «западные» системы полностью зависят от массовой поддержки, то в так называемых странах «второго мира» на массовую поддержку отводится лишь 25% объема общей поддержки, а остальная доля (75%) поддержки приходится на элиту¹³.

Обсуждая вопрос о составе элиты, В.Д. Эбервайн стратифицирует ее на такие основные группы: военную элиту, промышленную элиту и гражданскую элиту¹⁴. Несколько другую классификацию предлагал в свое время один из классиков теории элит, американский исследователь Р. Миллс, который выделял группы экономической, политической и военной элит¹⁵.

Представляется, что в условиях нынешней России следует выделять три основных элитных группы:

- политическая элита, в которую входят работники аппарата органов государственной власти и управления, включая депутатов представительных органов власти всех уровней;
- военная элита, в которую входят старший офицерский состав Вооруженных Сил и ответственные сотрудники сил внутренней безопасности (ФСБ, МВД и т. п.);
- гражданская элита, включающая в свой состав руководящих работников системы образования, здравоохранения, культуры и социального обеспечения, а также специалистов сферы массовой информации.

Под элитной поддержкой в рамках данного исследования понимается имплицитное или выражаемое в конкретном политическом поведении отношение элиты к власти, режиму и общности, определяемое способностью последних обеспечить привилегированный статус элитных групп.

Предлагаемая модель исходит из допущения о том, что значительная часть граждан современной России в силу доминирования неизжитых архетипов патронимильного мышления, особенностей складывающейся корпоративной этики или иных причин прочно связана с соответствующими элитными группами. При этом

отличительной чертой не только электорального, но и в целом политического поведения таких граждан является размытость их представлений о роли, особенностях и порядке функционирования приобретающей демократические черты политической системы страны, а также о собственном месте в рамках данной системы. Как следствие, формирование политических предпочтений и их экспликация практически полностью контролируются и направляются теми или иными элитными группами. Таким образом, под элитной поддержкой в рамках данной модели понимается не только поддержка властей, режима или политической общности со стороны самих элит, но и контролируемых ими наименее затронутых процессами модернизации и демократизации групп населения.

Что касается массовой поддержки, то ее определение в рамках данной модели весьма специфично. Если в западной литературе под массовой поддержкой, как правило, понимается поддержка со стороны самых широких слоев населения, то в настоящем исследовании имеется в виду поддержка наиболее модернизированной, самостоятельно мыслящей части населения, не контролируемой перечисленными выше элитными группами.

Соотношение между элитной и массовой поддержкой может рассчитываться на основе балансового коэффициента, отражающего степень развития общества, которая определяется с помощью рассчитываемого на основе западных методик индекса демократичности и индекса социокультурного развития и индекса экономического развития.

Для того, чтобы политическая система, как и любая другая система, могла нормально функционировать, члены политической общности вынуждены принять некоторые базовые процедуры и правила, касающиеся средств, с помощью которых регулируются споры по поводу выдвигаемых политическими акторами требований.

Политические нормы определяют типы ожидаемых процедур, приемлемых в рамках процесса выдвижения и исполнения политических требований, и могут носить как формальный, легальный так и неформальный характер.

Политические ролевые структуры представляют собой набор ролей и ролевых отношений,

формальных и неформальных структур лидерства, посредством которых осуществляются властные полномочия.

Эти структуры должны обеспечивать:

- процесс принятия политических решений;
- необходимую степень подчинения политических акторов этим решениям;
- механизм воплощения данных решений в жизнь.

Цели, нормы и структуры власти одновременно ограничивают и придают значимость политическим акциям, а также, выступая важнейшей функциональной характеристикой политической системы общества, обеспечивают общий контекст политических интеракций. Этот контекст меняется значительно медленнее всех других типов политических отношений. Неслучайно поэтому поддержка режима выступает самостоятельной проблемой в рамках концепции политической поддержки, артикулированной в западной политологии.

В рамках концепции политической поддержки Д. Истоном и целым рядом его последователей помимо специфической поддержки властей, опирающейся на оценку конкретных решений, политического курса, совокупности политических действий, публичных заявлений, общего «стиля руководства» и, наконец, личностных качеств политических лидеров, выделяется уровень так называемой диффузной поддержки, распространявшейся прежде всего на политический режим.

В отличие от специфической, диффузная поддержка основывается на ответе на вопрос о том, что в сущности представляет собой тот или иной объект оценки, а не о характере и правомерности его действий.

Наконец, отличительной особенностью диффузной поддержки выступает ее тесная взаимосвязь с процессами социализации и приобретения индивидом личного жизненного опыта, в то время как специфическая поддержка сохраняет ориентацию на личные интересы.

Важнейшими компонентами диффузной поддержки выступают:

- доверие, которое возникает в силу удовлетворения политических акторов «теми процессами, посредством которых управляется страна», т.е. удовлетворения совокупностью норм и процедур, ролевой структурой полити-

ческих отношений или, иными словами, правилами политической игры, формирующимися в рамках того или иного политического сообщества;

- легитимность — вера в правомерность существующего порядка вещей.

Поддержка режима, как и поддержка властей, осуществляется на двух уровнях: элитном и массовом. При этом массовая поддержка режима состоит, прежде всего, в приятии большинством населения набора ценностей (свобода слова, плюрализм мнений и т.д.), на которые имплицитно или эксплицитно опирается конкретная политическая система, совокупности социальных и политических норм (конституционных, правовых, нравственных и т.д.), определяющих поведение политических акторов, а также существующих структур власти (т.е. распределения властных полномочий и соответствующих ролевых структур).

К числу основных факторов, воздействующих на массовую поддержку режима, относятся:

- эффект долговременного democratic performance;
- наличие экстремистских организаций;
- уровень проникновения государства в общество и экономику;
- темпы экономического роста.

Эффект democratic performance отражает характер средств, с помощью которых осуществляются властные полномочия. Подобные средства могут быть как чисто принудительными (опора властей на санкции и репрессивный аппарат), так и кооперативными (консенсусная модель взаимоотношений).

Наличие экстремистских организаций, нацеленных на дестабилизацию политической системы и представляющих собой организационную основу для антирежимной деятельности, однозначно выступает фактором, способствующим снижению массовой поддержки режима.

Уровень проникновения государства в общество и экономику отражает степень регулирования социально-экономических процессов. При этом сам по себе уровень вмешательства государства в перераспределение национального дохода не является однозначно негативным или, напротив, позитивным факто-

ром, с точки зрения поддержки режима. Определенное (положительное или отрицательное) значение приобретает им в зависимости от общей экономической ситуации и, в конечном счете, — от темпов роста экономики.

В заключение следует подчеркнуть, что в процессе анализа невозможно игнорировать особенности «догоняющего» на протяжении последних столетий типа развития страны,

многократно усиленные в наши дни перехода от аномалий тоталитаризма к не менее чуждой России либерально-демократической модели политического развития. Знание теоретических основ достижения политической стабильности является важным элементом реальной политики и разработки практических мер по дальнейшему развитию всех институтов российской политической системы.

¹ См.: Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. С. 29–31; Скакунов Э.И. Политическая стабильность: в поисках концепции. «Рабочие тетради» ЦММИ ДА МИД РФ. 1/1992; Dowdiny K.M. and Kimber R. The Meaning and Use of «Political Stability» // European Journal of Political Research. 1983 (11). P. 229–236; Sanders D. Patterns of Instability. N. I., 1981. P. 1–21.

² См.: Алмонд Г. и др. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор: учеб. пособие / сокр. пер. с англ. М., 2002. С. 74; Политические системы современных государств: Энциклопедический сборник: В 4 т. М., 2009; Frankey I. Contemporary International Theory and the Behavior of States. Oxford, 1979. P. 68.

³ Easton D. System Analysis of Political Life. N.J., 1965. P. 52.

⁴ См.: Eberwein W.-D. Domestic Political Processes // The Globus Model Computer Simulation of Worwide Political and Economic Developments. Boulder, 1987. P. 176.

⁵ См.: Парсонс Т. Система современного общества. М., 1998. С. 16.

⁶ См.: Медведев Н.П. Политический консенсус: теория и практика. М., 1999. С. 7–19.

⁷ Etzioni A. The Active Society. A Theory of Societal and Political Processes. L., 1968. P. 82.

⁸ Easton D. System Analysis of Political Life. N.J., 1965. P. 52.

⁹ Eberwein, Ibid, p. 426.

¹⁰ Подробнее см.: Ашин Г.К. Современная теория элиты. М., 1985.

¹¹ Дай Т. Демократия для элиты / Т. Дай, Л. Зинглер. М., 1984.

¹² Eberwein, Ibid, p. 222.

¹³ Ibid, p. 245.

¹⁴ Ibid, p. 207.

¹⁵ Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.

УДК 323.1(470)

МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: kafedra-nifo@yandex.ru

СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ

В данной статье, подготовленной на основе выступления на семинаре, посвященному обсуждению новой Стратегии государственной национальной политики России, автор обосновывает целесообразность ее принятия. Анализирует ключевые моменты новой Стратегии, вносит предложения по ее улучшению.

Ключевые слова: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации, российская нация, идеология, патриотизм, государственный суверенитет.

Стратегия утверждена Указом Президента Российской Федерации и уже стала предметом практических действий. Без преувеличения можно утверждать, что в целом она получила общественное одобрение. В то же время немало и скептиков, особенно в среде ученых, политиков, публицистов, которые рассматривают этот документ как очередную бюрократическую инструкцию, мало сопрягающуюся с реальной жизнью. Цель нашего семинара — дать толчок к широкой научной дискуссии о новых концептуальных теоретических и практических подходах к государственной национальной политике в Российской Федерации.

В концептуальных вопросах теории и методологии выделяю следующие, на мой взгляд, наиболее важные положения:

1. Впервые в нормативном акте — Указе Президента, утвердившем Стратегию, многонациональный народ Российской Федерации **отождествлен** с понятием «российская нация» (п. 8). Таким образом, первая строка преамбулы Конституции: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...» обрела как бы **новое творение** (не простую сумму национальностей, а единую общность — «российскую нацию», как единение всех этнических общностей (этнонаций).

Это — знаковая **общенациональная идея**, которая стала не только объектом теоретических исследований, но и публичной политики, а значит и практических действий. В начале 1990-х годов в условиях масштабной суверенизации, идея гражданской (политической) нации не могла быть явно обозначена ни в Конституции, ни в Концепции национальной политики 1996 года. Сегодня общество эту идею восприняло.

Конституирование понятия «российская нация» — это действительно **выстраданный плод научной мысли и политической воли**. Напомню, что еще в советское время В.А. Тишков настойчиво отстаивал идею гражданской, политической нации. Мы знаем его давнее определение российской нации, как «нации наций», или «многонародной нации» (последнее — это термин И. Ильина). Такую же позицию отстаивали и многие другие ученые. И все же потребовались политическая воля высшего руководства страны, его понимание значимости этой идеи, чтобы она приобрела юридическую силу. Безусловно громадная роль в продвижении идеи «российской нации» в общественное сознание сыграла статья В.В. Путина: «Россия: национальный вопрос» и ряд других его выступлений.

2. Естественно, что «российская нация» — это все еще хрупкая, становящаяся гражданской идентичность, и она нуждается в ясных идейных опорах, **упрочающих духовное единство россиян**.

Главным из этих идейно-теоретических опор в Стратегии названы:

– **общность судьбы** народов России (1150 лет вместе. Мир не знает таких аналогов);

– **многовековой политико-правовой опыт российского государства** (не только отечественная, но и мировая наука отмечает значимость результатов национальной политики как имперской России, так и Советского Союза);

– **восстановление исторической связи времен**, что выражается в преемственности культурных и других общественно-значимых традиций вне зависимости от форм правления и политических режимов. В частности, такие взаимосвязанные положения Стратегии как «общий культурный (цивилизационный) код народов России» и «сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России, традиций солидарности и взаимопомощи» уходят своими корнями **к теории** культурно-исторических типов (локальных цивилизаций) Н.Я. Данилевского, **к заветам** К.Н. Леонтьева «сохранять в России «цветущую сложность», В.С. Соловьева — «любить все народы, как свой собственный», И.А. Ильина — в том, что «духовное, языковое и культурное единство, исторически связало русский народ со всеми народами России — **духовным взаимопониманием**, и что в результате этого процесса получилось величавое органическое «**единообразие в различии**». В определенной мере эти положения Стратегии перекликаются и с идеологией «расцвета и сближения наций» советского периода нашей истории.

Не менее значимой опорой единства российской нации в Стратегии обозначена «идея дружбы народов» и патриотизм.

Отмечу, что в первоначальном проекте документа термин «дружба народов» отсутствовал. Но в процессе его обсуждения поступило громадное число предложений реанимировать это понятие и включить его в Стратегию.

Названные идейные опоры в совокупности **со связующей силой русского языка** (по дан-

ным переписи более 95% населения владеет русским языком, что является беспрецедентным в других полиэтнических государствах) являются мощными средствами упрочения общероссийского гражданского самосознания, духовной общности российской нации.

Можно утверждать, что такой опорой стала и сама Стратегия. Примечательно, что при обсуждении проекта Стратегии в Государственной Думе и Совете Федерации все четыре парламентские фракции как бы нашли в ней отражение своих собственных программ. То есть, и при политическом, и идеологическом многообразии в нашем обществе вполне возможна общевоспринимаемая идеология, если речь идет о коренных интересах российского народа, России.

3. Красной нитью через Стратегию проходят идеи защиты государственного суверенитета и сохранения территориальной целостности страны, диалектическая взаимосвязь государственного патриотизма и чувства национальной гордости, интеграции и сохранения культурного многообразия. В целом идейно-политическую основу Стратегии можно охарактеризовать как идеологию здорового консерватизма, опирающегося, по выражению публициста Михаила Ремизова, на возобновление, реактивацию, стилизацию каких-то важных элементов традиционного общества в обществе современном.

Из контекста Стратегии ясно выводятся такие весьма важные концепты: многообразие не губит единство, а наоборот укрепляет его, когда оно является **раздельным**, но не **разделяющим**; что единство в истинном смысле осуществляется не упраздняя различия, а освобождая их от границ исключительности; сохранение и почитание ценностных традиций — это не архаизм, не отрицание модерна, а здоровый взгляд на реальную жизнь. Российские либералы отчаянно табуируют понятие традиция, консерватизм, патриотизм, призывая брать пример с Западной Европы. Но обратите внимание, самая либеральная Англия смотрит на это иначе. Известны слова знаменитого английского писателя Джона Голсуорси «Никакой век не бывает совсем новым», или еще более примечательное высказывание Маргарет Тэтчер: «Гарантии, которые предоставляют лично-

сти **обычай, устойчивые традиции и общее право**, значительно прочнее демократических принципов, применяемых политиками-демагогами».

Отдельно **о патриотизме**. Эта позиция Стратегии особо подвергается атаке справа, и слева. Одни кричат «о зверином оскале патриотизма» (МК. 26 февраля 2013 г.), другие, что «Президент не научился отличать патриотизм от национализма» (Новая газета. 20 февраля 2013 г.), апеллируя к таким авторитетам, как Лермонтов, В. Соловьев, Г. Федотов и др., как правило, выдергивая те или иные цитаты из текста.

В то же время Стратегия опирается на российскую и западноевропейскую традиции соотношения патриотизма и национализма, которая особенно четко выражена у В. Соловьева и И. Ильина. «Высший нравственный идеал», — писал В. Соловьев, — «требуется, чтобы мы любили всех людей, как самих себя». Мы должны любить все народности, как свою собственную. Этой заповедью утверждается патриотизм как естественное чувство, как прямая обязанность лица к своему ближайшему собирательному целому, и в то же время это чувство освобождается от зоологических свойств народного эгоизма, или национализма, становясь основой и мерилем для положительного отношения ко всем другим народам соответственно безусловному и всеобщему нравственному началу». Разве не эти идеи пронизывают Стратегию и все выступления Президента? Именно это нравственное начало становится нашим кредо.

4. Стратегия проводит четкую установку на пагубность «анклавности», «замкнутости», ориентирует на то, что только тогда раскрывается национальный дух, национальная сила любого народа, когда он становится живым членом всего российского общества, что в то же время **различие** — это не беда, а, наоборот, основа единства, что многообразие служит фактором не разрушения, а укрепления единства государства.

В разделе Стратегии о задачах в области международного сотрудничества при реализации государственной национальной политики эта мысль корреспондируется и в целом с Россией. Только тогда раскроется в полной мощи

национальная сила России, когда она займет подобающее ей место в мировом сообществе.

5. Впервые в государственном документе стратегического значения о национальном вопросе сказано, что он носит **комплексный межотраслевой социально ориентированный** характер. Из этой констатации вытекает вывод о необходимости учета всех особенностей, вызванных глубокими общественными преобразованиями, опасности для единства российской нации высокого уровня социального и имущественного неравенства; региональной экономической дифференциации, размывания традиционных нравственных ценностей народов России, унифицирующего влияния глобализации на локальные культуры и др.

6. Исключительно важна и следующая мысль, заложенная в Стратегии (п. 18), что упрочение духовной **общности** российской нации, сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России, гармонизация национальных и межнациональных отношений достигаются совместными действиями общества и государства на основе конституционных принципов демократии и федерализма, принципов единства, патриотизма и социальной справедливости и являются основой для решения долгосрочных задач государственного строительства, успешного развития страны во всех сферах общества, обеспечения национальной безопасности.

7. Емко определены в пп. 11 и 12 Стратегии роль русского народа, русского языка и русской культуры в укреплении единства российской нации.

Особо подчеркнуто, **во-первых**, что изначально российское государство создавалось как единение народов, **во-вторых**, системообразующим ядром российского государства и единения народов исторически является русский народ; в-третьих, уникальное культурное многообразие и духовная общность народов России стали результатом многовекового межкультурного и межэтнического взаимодействия всех народов России; в-четвертых, современную Россию объединяет единый культурный (цивилизационный) код, основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России. Все это вместе взятое **опре-**

деляет состояние и позитивный вектор дальнейшего развития межнациональных отношений в Российской Федерации.

Отмеченные новые концептуальные подходы являются во многом **ориентиром** для дальнейшего развития **теории национального вопроса**.

В Стратегии достаточно емко сформулированы также формы и методы управления национальным процессом в стране, оценки их эффективности, которые охватывают все сферы жизнедеятельности общества, включая сферу воспитания, образования, информационной политики.

УДК 329.78

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна

кандидат исторических наук, доцент,
директор Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: vova-velc@yandex.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ В СФЕРЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Необходимо отметить, что в большинстве научных работ федерализм исследуется как политико-правовой, политико-территориальный или экономический механизм межсубъектного взаимодействия. Между тем, в современной политологии редко предпринимаются попытки исследования федерализма на микроуровне, с позиций социокультурной интеграции конкретных социальных групп (например, молодежи), проживающих на одном территориальном пространстве. В условиях глобализма достаточно актуальным является пересмотр федеративной парадигмы в социокультурном измерении и применение ее социокультурной сущности к различным социально-политическим группам, прежде всего — к молодежи.

Ключевые слова: федерализм, молодежная политика, глобализация, добровольчество, инновация, традиция, интеграция.

Федерализм, с определенной долей условности, можно назвать социокультурным инструментом, консолидирующим разнообразные формы этнонациональной, этнической и этнокультурной общности.

Нельзя не отметить, однако, что на сегодняшний момент научное сообщество неоднозначно относится к самой идее федерализма. Как, например, отмечает в одной из своих работ исследователь М. Ильченко, в современном мире проблема федерализма уже не так актуальна и злободневна¹.

По мнению другого ученого, А.А. Сидорова, русская национальная идея не должна попирается федеративной парадигмой, и потому отношение его к концепции федерализма в целом отрицательное: «Российское государство создавалось не межнациональными договорами, не иностранными государствами, оно выросло, если так можно выразиться, из своей традиции. И, несмотря на то, что сегодня в его состав входят различные народности, в его основе лежит русская национальная идея»².

Не вдаваясь в политологический концепт «нации — государство», отметим лишь, что ха-

рактерный ей ассимилятивный характер не позволяет в полной мере избежать этнических и этнонациональных противоречий в обществе.

Вместе с тем имеются и более конструктивные работы, посвященные федерализму. Так, ученый В.С. Мартыанов в своих трудах рассматривает федерализм как технологию распределения ресурсов между уровнями политической власти³.

Необходимо отметить, что в большинстве научных работ федерализм исследуется как политико-правовой, политико-территориальный или экономический механизм межсубъектного взаимодействия. Между тем, в современной политологии редко предпринимаются попытки исследования федерализма на микроуровне, с позиций социокультурной интеграции конкретных социальных групп (например, молодежи), проживающих на одном территориальном пространстве.

В современных условиях глобализма достаточно актуальным является пересмотр федеративной парадигмы в социокультурном измерении и применение ее социокультурной сущ-

ности к различным социально-политическим группам, прежде всего — к молодежи.

Отдельные аспекты социокультурного федерализма можно проследить в трудах Н. Панкевича, который выделяет два механизма консолидации федеративной системы: нормативно-правовой и функциональный⁴. Нормативно-правовой механизм складывается из структурных элементов, характерных традиционным федерациям. Иначе данный механизм следует назвать государственно-территориальным. Функциональный механизм — специфичен и отвечает требованиям конкретных социальных групп, проживающих на территории государства⁵. Данный механизм носит внетерриториальный характер. Представляется, что подобное двойственное понимание федеративной парадигмы дает возможность сочетать как макрополитический, так и феноменологический ее смысл.

Г. Таллок в одной из своих работ вводит понятие «социальный федерализм». Суть данного понятия сводится к различным формам управления, основанным на социальном, а не на территориальном принципах. По мнению Г. Таллока, именно такое понимание федерализма способно «обеспечить граждан большим чувством свободы»⁶. При этом создаются специальные структурные организации, которые бы разрешали конфликты между различными этническими и национальными общностями⁷.

Один из авторов Американской энциклопедии У. Ливингстон отмечает, что сущность федерализма раскрывается не нормами и законами, а многомерностью общества, которое делает государство жизнеспособным⁸.

Что же касается социокультурного федерализма, мы не обнаруживаем в политологической науке положений о том, что он каким-то образом нивелирует какую-либо социально-политическую группу в общество. В то же время, очевидно, что социокультурный федерализм обеспечивает не только целостность государства, но и оставляет реальное право его граждан выбирать и комбинировать возможные модели поведения. В том числе и модели политического поведения.

Мы полагаем, что федеративная парадигма по своей сути содержит объединяющий по-

тенциал. Этот потенциал не является тотально-универсальным, как в унитарных государствах, но при этом он имеет широкий диапазон, поскольку в его основе заложена альтернативность — возможность выбора.

Социокультурный федерализм является социально-политическим контекстом, позволяющим интегрироваться в единую полиэтническую материю различным социально-политическим группам или даже социально-политическим институтам. В социокультурном федерализме в полной мере реализуется диалектика сближения и дифференциации социально-политических общностей, основанных на неконфликтном разделительно-объединительном сосуществовании. В этой связи в рамках социокультурного федерализма может быть осуществлена концепция межкультурного и межэтнического взаимодействия.

Социокультурный федерализм может быть применен в сфере молодежной политики. Учитывая, что федерализм консолидирует общество по различным социокультурным основаниям, необходимо использовать его потенциал для совершенствования самой концепции молодежной политики.

На наш взгляд, следует выделить основные принципы, на которых должен базироваться социокультурный федерализм в сфере молодежной политики.

Во-первых, это принцип добровольчества. Суть данного принципа видится в смещении вектора государственно-политических решений в области реализации молодежных проектов к практике посредством вовлечения представителей молодого поколения в общественно-полезную деятельность. На наш взгляд, наиболее действенным механизмом достижения поставленной задачи является развитие добровольчества (волонтерства) в федеративной России. Очевидно, что институционализация волонтерского движения в Российской Федерации позволит не только усилить роль молодежи как субъекта политики, но и повысить уровень политико-правовой культуры.

Особо хотелось бы подчеркнуть, что потенциал добровольчества в Российской Федерации слабо используется и чаще всего приурочивается к проведению конкретных срочных

мероприятий (как правило, спортивных). Вместе с тем, диапазон добровольчества может быть более разнообразен: от благотворительности до общественно-политических структур при органах государственной власти.

Вовлечение молодежи в добровольческую деятельность и обучение навыкам социально-го служения наиболее эффективно с использованием принципов «равный — равному», «самореализация в местном сообществе», «общественное признание». Для формирования канала реализации инновационного потенциала молодежи посредством добровольческой деятельности необходимы координация действий органов государственной и муниципальной власти, их тесное взаимодействие со структурами гражданского общества, бизнесом и образовательными учреждениями⁹.

Очевидно, что политическое состояние российского добровольчества в некоторой степени обусловлено концентрацией молодежи на личных проблемах, индивидуализацией сознания и образом жизни, когда личное участие переосмысливается с учетом собственных интересов (возможно, отчасти и меркантильных) и новых потребностей личности. И в этом нет ничего плохого.

Молодежный индивидуализм ассоциируется с такими качествами, как прагматизм, самостоятельность, нацеленность на личный успех. Данная характеристика вызвана возрастными особенностями молодых людей, спецификой ее социального положения в трансформирующемся обществе, переоценкой традиционных норм жизни и модификацией политических ценностей со стороны институтов гражданского общества и государства¹⁰.

Второй принцип, на котором должен базироваться социокультурный федерализм в сфере молодежной политики, это принцип инновационного традиционализма, заключающийся в сохранении и укреплении традиционных ценностей среди молодежи, в том числе включающий патриотическое воспитание и образование.

Морально-этический фундамент и духовно-нравственные ценности должны образовывать стержневую основу молодежного сообщества. Все они имеют устойчивую национальную основу. В начале 90-х годов, когда был до-

пущен исторический перекося с «парадом суверенитетов» и формирование единой нации в духе российского федерализма еще не рассматривалось как общегосударственная задача, а западные ценности свободно проникали в наше общество без первичного нравственного фильтра, широкое распространение получил социальный паттерн «от этнического — к общечеловеческому», при этом из данного оборота исключалась промежуточная российская константа. Однако современная российская действительность наглядно показала, что в наши дни «общечеловеческое» вовсе не является вершиной человеческого духа. Отсюда следует вывод: лучше сохранять и приумножать свое национальное богатство, чтобы оно имело общечеловеческое значение, а не соответствовало сиюминутным трендам, особенно в такой деликатной сфере, как молодежная политика.

Не вызывает сомнения, что неуклонное размывание отечественных традиций с потерей своего национального, федеративного «лица», подобное бездуховному манкуртизму с фальсификаторской подменой на «общечеловеческие ценности», сложившимся на Западе, как набору абстрактно трактуемых понятий, необходимо остановить. Следует активно противостоять диктату мягкого принуждения к принятию аморфных идейных деклараций, приводящих к серьезным политическим, социокультурным и педагогическим упущениям, тем более не вписывающихся в традиционную этнокультурную систему духовных координат. Наряду с существованием совершенно нормальных, природосообразных и естественных для среднестатистического человека морально-этических требований многие представления евро-атлантического человека о духовных идеалах вступают в явный конфликт с традиционной культурой народов Российской Федерации, которую в той или иной степени разделяет большинство россиян и отнюдь не собирается отправлять на задворки истории. Не случайно, известный кинорежиссер Эмир Кустурица, рассуждая о нравственном смысле высокой культуры, подменяемой эрзац медиа-масс, говорит о своем творчестве «Мы живем в мире корпоративного капита-

лизма, в мире абсолютно изменившихся по сравнению с предыдущим веком ценностей, и потому я хочу держаться подальше от культуры мейнстрима»¹¹.

В настоящее время на политическом уровне не имеется полное понимание необходимости реализации новой социокультурной стратегии молодежной политики в сфере закрепления традиционных ценностей, обусловленной глобальными вызовами современности и внутренними реальными геополитическими и социальными интересами Российского государства:

- нравственная дезинтеграция и неустойчивый морально-этический климат практически среди всех слоев населения;
- низкий уровень доверия и социального партнерства между институтами гражданского общества;
- кризис преемственности поколений, социокультурных механизмов трансляции самобытных национальных традиций и культурно-исторического опыта;
- недостаточное преломление общегосударственной стратегии формирования гражданского, патриотического самосознания, единства российской нации на региональном и местных уровнях;
- правовые коллизии между коренным населением и трудовыми мигрантами, выходцами из кавказских регионов, с низким уровнем владения русским языком и потенциалом культурного ассимилирования, практическая неотработанность механизмов снятия социального напряжения, что неизбежно приводит к росту национализма, ксенофобии, усилению протестных настроений;
- снижение самооценности института семейно-брачных отношений среди молодежи, часто делающих «ставку» на свободные отношения.

Вместе с тем, для нас очевидно, что традиционное воспитание и обучение молодежи даже в рамках образовательных учреждений должно проходить на основе инновационных технологий. Ибо недопустимо технологическое отставание российской молодежи от своих сверстников в других странах.

Сегодня как никогда нужны инновационные подходы к молодежной политике, креативный взгляд на решение молодежных проблем. Во-

просы инновационного потенциала российской молодежи и в научно-исследовательской работе, и в официальных нормативно-правовых актах по молодежной проблематике представлены довольно широко.

Однако даже проработка вопросов инновационного потенциала молодежи не позволяет ответить на главные вопросы — кто должен разрабатывать инновационные парадигмы в молодежной сфере; как их разрабатывать вообще; насколько подобный инновационный потенциал способен реализоваться в действительности.

Совершенно ясно, что подобный инновационный потенциал молодежи способен раскрываться и прорабатываться не только на федеральных и региональных уровнях государственной политики, но и собственно на местах (локальном уровне). Это обусловлено тем, что молодежь, как наиболее активная и уязвимая социально-политическая группа, не только подвержена различного рода трансформациям, но и постоянно совершенствуется и развивается. Более того, когда говорят об инновационных технологиях работы с молодежью, первая ассоциация, которая возникает у большинства, как правило, связана с обучением или развитием. Нами предлагается экспериментальная социокультурная модель управления молодежной политикой в вузе, которая будет детально изложена в последующем параграфе.

И, наконец, третий принцип социокультурного федерализма в сфере молодежной политики — это принцип взаимной интеграции — бесконфликтного межнационального и межэтнического взаимодействия в условиях глобализационных процессов.

Уже в самом принципе взаимной интеграции заложено равноправное политическое, экономическое и социокультурное взаимодействие представителей разных этнонациональных, этнических и этнокультурных молодежных общностей с учетом их уникальности и самобытности.

В современных условиях глобализации и межгосударственной конкуренции молодой человек должен быть не только технологически и инновационно образован, но и быть мобильным и коммуникабельным. Эффективная

деятельность в области конструирования молодежной среды, адекватной политическим процессам современного российского общества, предполагает сбалансированное применение комплекса национально-культурных технологических инструментов, которые, в зависимости от поставленной цели, могут применяться не только отдельно, но и интегрировано, что позволяет достигать большего социально-политического эффекта:

- технологии проектирования национально-политической/ национально-культурной деятельности как способ активной самоорганизации молодежи, формирования ее креативного «ядра», вокруг которого объединяется максимальное количество старшеклассников и студентов, готовых реализовать свой творческий и научный потенциал;

- технологии культуроохранные — с усилением этнокультурного компонента, они направлены на трансляцию традиционных самобытных форм духовной культуры, организацию историко-краеведческой и туристско-экскурсионной работы с участием студенческой молодежи;

- технологии образовательные — ориентированные на передачу обширного социально-культурного опыта, формирование интеллектуального и духовного человеческого капитала высокого качества, современных знаний и практических компетенций, стремления у молодежи к непрерывному саморазвитию, освоению новых профессиональных квалификаций;

- технологии формирования гражданского правосознания в молодежной среде, направленные на развитие у молодежи чувства социальной ответственности и гражданской позиции, снижение уровня протестного потенциала, профилактику экстремизма, способствующие укреплению российской государственности, гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений;

- социально-защитные, реабилитационные технологии, предполагающие культурно-досуговое восстановление и социальную адаптацию молодежи с нарушениями жизнедеятельности, профилактику непонимания и конфликтов, исключение любого насилия в отношении несовершеннолетних;

- добровольческие технологии — предполагающие выстраивание преемственных линий традиций подростково-молодежных движений, широко распространенных в советский период, таких как тимуровцы, корчагинцы, коммунары с идеями современного добровольчества, связанных с дореволюционными устоями милосердия и благотворительности, то есть вовлечение большого количества молодежи в дело бескорыстного служения обществу;

- технологии распространения устойчивых семейных ценностей, ориентированные на формирование в сознании молодежи установок, предполагающих наследование традиционных представлений о семье, ее нравственных идеалах, этнокультурных особенностях брачно-семейных отношений, целевых установок на создание многодетных семей как основы демографического подъема российского общества, профилактику и предупреждение насилия в семье;

- технологии введения примирительных процедур в молодежной среде, направленные на ее активную медиацию — создание системы доверительного разрешения конфликтных ситуаций открытым диалоговым способом, путем переговоров через службу примирения образовательного учреждения;

- технологии форсайт-проекта — прогнозирование будущего развития молодежи в отложенной перспективе с учетом потребностей и государственных интересов России и тенденций, происходящих в глобальном мире.

Полагаем, что настало время отойти от объектного понимания молодежи (молодежь как объект) к субъективным возможностям данной социально-политической группы. Молодежь — это не просто наиболее активная часть населения, склонная к радикальным преобразованиям и новшествам, но и, прежде всего, это «кирпич» современной молодежной политики. А для становления молодежи как ответственного субъекта молодежной политики необходимо ее качественное социокультурное преобразование, выраженное в этих трех основных принципах жизнедеятельности: систематическое приобщение к общественно-полезной деятельности (добровольчество), традиционное воспитание и инновационное образование

молодежи в духе общенациональной парадигмы с учетом ее региональных особенностей (инновационный традиционализм) и возмож-

ность мобильно интегрировать с представителями молодежных сообществ других этнических и национальных общностей (интеграция).

¹ Ильченко М. Федерализм: политика в интересах элиты // Свободная мысль. 2009. № 6. С. 200.

² Сидоров А.А. Инородческий вопрос и идея федерализма в России // Этнос и политика: Хрестоматия. М.: УРАО, 2000. С. 273.

³ Мартыянов В.С. Федерализм: политическое устройство или пакт элит? // Политические исследования. 2010. № 1. С. 13.

⁴ Панкевич Н.В. Модели федеративного устройства: закономерности политической трансформации. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 125–126.

⁵ Там же. С. 126.

⁶ Таллок Г. Новый федералист. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1993. С. 55.

⁷ Там же С. 60.

⁸ Ливингстон У.С. Федерализм // Этнос и политика. М.: УРАО, 2000. С. 275.

⁹ Самаркина И.В. Добровольчество как способ реализации инновационного потенциала молодежи // Социальные технологии, исследования. 2010. № 7. С. 34–39.

¹⁰ Старцева С.Г. Проблемы формирования и реализации региональной молодежной политики (на примере Вологодской области) // Управленческое консультирование. 2011. № 2. С. 111–120.

¹¹ Кустурица Э. Луна спускалась с неба: мы живем в мире абсолютно изменившихся ценностей // Российская газета. 2013. 5 авг. № 170 (6146).

УДК 323.1:39(470)

РЯБОВА Елена Львовна,
доктор политических наук, профессор,
директор издательства «Этносоциум и межнациональная культура»
e-mail: etnosocium@mail.ru

ФОЛЬКЛОР КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

В статье изложено видение автором причин современного состояния фольклора и его возможных перспектив в деле формирования новой российской идентичности.

Ключевые слова: культурный код, национальные традиции, народное творчество, учреждения культуры и досуга, национальное самосознание.

«Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим ядром которого исторически выступал русский народ. Современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код» (Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года).

Процесс создания единого устойчивого государства всегда подразумевает выделение единой культурной доминанты в качестве основного стержня культурного строительства, вокруг которого формируется сложная сеть этнокультурных моделей, существующих в таком сложном организме, как Российская государственность. Именно в этом состоит государственный интерес.

Проводимая в Российской Федерации с начала 1990-х годов политика наряду с полупроизвольным конструированием национальностей и несистемным подходом к выявлению приоритетов в государственной поддержке тех или иных этнических общностей имела для общества печальные последствия. В результате в стране поколение за поколением планомерно уничтожалась народная культура, традиции, фольклор... Особенно этот процесс заметен на селе, где на протяжении нескольких поколений предпринимались попытки ликвидации «неперспективных деревень», политика

массовых переселений и т.д. Попытки сохранить традицию прослеживаются дольше всего в субэтнических общностях (казачество, старообрядцы и пр.), но такие устойчивые общности, наученные горьким историческим опытом, всегда дистанцировались от государства, а государство, в свою очередь, относилось к ним с опаской.

Государственная поддержка народного творчества и фольклора этносов СССР, проводившаяся на уровнях национальных и автономных республик, краев, областей и округов, позволяла сохранить самобытность и развиваться любой народной культуре, нередко состоявшей только из фольклорных элементов. Это, конечно, хорошо, поскольку способствовало сохранению национальной самобытности народов. Однако создалась диспропорция в развитии народной культуры, ставшая следствием вымывания из общества русской народной культуры на фоне государственной поддержки культур других народов, даже самых малочисленных. Она увеличивалась десятилетиями. Этот процесс продолжается и поныне.

Разрыв связей культура-общество-государство сводит на нет роль русских (почти 80% населения РФ) как основы российской государственности, рушит их отождествление с государством и ответственность за него и сводит конституционный источник власти в стране — народ — к простой совокупности населения, оказавшейся на 1991 год в границах РСФСР. Такое развитие событий представляет прямую

угрозу безопасности государства и дает повод для глубоких системных изменений в культурной политике России, которые смогут осуществиться только через переосмысление роли русской народной культуры в обществе, стратегической роли государства в культуре вообще и меры его ответственности за культурную жизнь населения.

Одним из главных ресурсов обеспечения государственной культурной политики является сеть учреждений культурно-досугового типа, которая более чем на 90% находится на муниципальном уровне.

Такой баланс сети имеет исторические корни, так как основная сеть формировалась как культурно-просветительская и находилась в собственности государства (до 1917 года, со времен просветителя Новикова). В советское время эти учреждения были призваны вести прежде всего идеологическую работу. Сегодня концепция клубных учреждений формируется, исходя из основного показателя — посещаемости, — который и был закреплён в нормативных документах и государственной статистике.

Вместе с тем, уровень обеспеченности субъектов Российской Федерации учреждениями культуры по отношению к утвержденным Правительством Российской Федерации социальным нормативам и нормам оставляет: культурно-досуговыми учреждениями — 55%, библиотеками — 63%.

При этом следует отметить, что за последние 20 лет на селе произошло резкое сокращение сети учреждений культуры. Сеть сельских клубных учреждений, порой единственных центров культуры в поселении, по сравнению с 1990 годом сократилась на 23% (14,2 тыс. единиц), а их вместимость на треть (2010 год — 60 мест на 1000 жителей по сравнению с 1990 годом, когда на 1000 жителей приходилось 90 мест). Сегодня 2/3 сельских населенных пунктов страны (105 тысяч) вообще не имеют учреждений культуры.

В настоящее время в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации органы самоуправления многих поселений, имеющих крайне скудные бюджеты, практически лишены возможности содержать в надлежащем состоянии сельские учрежде-

ния культуры и финансировать их деятельность. С другой стороны, в силу низкой платежеспособности сельчан активно развивать на селе платные услуги в области культуры в настоящее время невозможно. Таким образом, создается своеобразный замкнутый круг: государство само не может выделить средств для развития национальной культуры и в то же время закрывает глаза на то, что у местных бюджетов денег на это нет, равно как и нет возможностей их получить из других источников.

Дисбаланс развития культурных учреждений между городом и селом усугубляется диспропорцией между субъектами федерации. По оценкам и расчетам специалистов межрегиональные различия между минимальным и максимальным объемом бюджетного финансирования достаточно однородных видов культурных учреждений могут сегодня достигать для домов культуры 25 крат. Такую ситуацию невозможно оправдать природно-климатическими, транспортными и другими различиями, которые приводят к объективному удорожанию стоимости бюджетных услуг.

Ситуация усугубляется политической конъюнктурой, которая позволяет населению проявлять национальное самосознание и зачатки самоорганизации исключительно в культурных формах. Поэтому часто фольклорные коллективы чувствуют некую свою ущербность в отсутствии инструментов политической поддержки.

Инерционно-затухающие импульсы унаследованной государственной политики приводят к резкой неравномерности развития, разрушению единого культурного пространства России, трудностям в реализации межрегиональных культурных проектов и программ. Одним из показателей этого является снижение интереса населения к деятельности учреждений культуры.

Сегодня необходимо обратить особое внимание на работу культурно-досуговых учреждений, особенно в сельской местности, поскольку уже созрели все социально-экономические и культурные условия для пересмотра их концепции, сети, типов, содержания, форм и методов деятельности.

Необходима специальная комплексная государственная программа поддержки российского фольклора. Массовым учрежде-

дениям культуры клубного типа необходимо оказать помощь в осуществлении стратегического планирования организации досуга населения, в том числе через информационно-аналитическую и практически-организационную работу. Эта миссия сегодня возложена на сеть региональных домов (центров) народного творчества, одним из ключевых направлений в деятельности которых является методическая, организационная и информационная поддержка клубных учреждений на селе, обеспечение их оптимального и эффективного вхождения в новые экономические и административные условия. Однако реальные результаты этой работы пока еще слабо просматриваются. На это необходимо сегодня обратить особое внимание.

Перед сферой культурно-досуговой деятельности стоят следующие задачи:

- обогащение структуры досуга граждан позитивными развивающими занятиями путем использования накопленных столетиями культурными ресурсами, которые выдержали проверку временем и несут в себе мощный гуманистический потенциал;
- развитие творческих способностей граждан как условия для воспитания (не побоимся этого слова) активной, трудоспособной, здоровой физически и нравственно личности;
- содействие социализации подрастающего поколения путем вовлечения в коллективные формы досуга (в частности, клубные формирования, массовые культурно-просветительские акции);
- содействие формированию здорового социально-психологического климата в местных сообществах, остановка процесса деградации населения в селах и малых городах;
- сохранение, тиражирование и ретрансляция по всей территории России единого культурного пространства, основанного на сохранении и развитии русской культуры.

Распространение единого культурного пространства должно стать залогом созидания общероссийской идентичности и основой взаимопонимания и взаимоважания между народами Российской Федерации.

К сожалению, во многих регионах страны национальная политика ограничивается про-

ведением этнических «фестивалей искусств» и составлением программ «развития толерантности». Создается впечатление, что разработка программ культурного обмена и толерантности сегодня чаще всего становится самодовлеющей задачей. Зачастую они принимаются из конъюнктурных соображений и носят декларативный характер, хотя на их проведение выделяются серьезные бюджетные средства. В таких моноэтнических регионах, как, например, Ярославская или Воронежская области, это вызывает недоумение у большинства населения, которое вряд ли живет безбедно.

Такая политика сегодня уже оборачивается появлением вторичной, искусственно создаваемой ксенофобии среди населения. Создаваемой по недомыслию чиновниками, у которых нет профессиональных навыков работы в культурных учреждениях, работы с населением. А ведь это население живет в условиях конкретной социально-экономической и этнокультурной ситуации. Критерии оценки эффективности такой работы взяты из старого идеологического багажа: «валовые показатели» и «охват населения», т. е., чем больше проведено фестивалей и праздников и чем они многочисленней (хотя бы на бумаге) — тем лучше. Эффективность таких мероприятий, на которые потрачены большие государственные средства, обычно остается «за кадром».

В сложившихся условиях попытки прививать терпимость молодежи лекциями «об обычаях и особенностях живущих в России народов», попытками познакомить многочисленных мигрантов, часто нелегальных, приехавших в Россию на заработки, с русской культурной, что является сейчас ядром программ по внедрению толерантности, по меньшей мере непродуктивно.

Чувствуя себя окруженной со всех сторон агрессивно чуждыми национальными обычаями и наблюдая девиантное поведение «провокаторов ксенофобии», испытывающая «синдром осажденной крепости» русская молодежь способна выдать лишь ответную агрессию. В последнее время печальные примеры этого мы видим во многих российских городах, и власти, к сожалению, сегодня не могут сказать ничего вразумительного по поводу собы-

тий в Москве, Петербурге, Пугачеве, Кондопоге, других городах.

Большинство мигрантов, которые сегодня едут в Россию из стран — бывших республик СССР, очень хорошо знают свои исторические корни, осознают свою культурную идентичность. И это надо приветствовать; это — черты, которые должны быть у любого уважающего себя народа.

Однако российский народ (как русский, так и общероссийский) также имеет право, и должен, также помнить истоки своей национальной культуры, укреплять свое национальное самосознание. Только тогда он сможет внутренне, не всплесками радикализма, а уверенностью этнической общности, связанной общими этнокультурными корнями и традициями, спокойно воспринимать комплиментарно настроенных по отношению к нему представи-

телей других общностей. Как это было веками в нашей истории.

Именно поэтому сегодня как никогда важно на место комиссаров от культуры, наконец, поручить дело этнокультурного образования российского населения людям, которые занимаются этими проблемами профессионально, знают это дело изнутри. Только при такой целенаправленной работе возможно изжить в конце концов проявления межэтнической напряженности в нашей стране.

Иного пути к решению этих проблем не существует.

Проблема осознания и использования в позитивном, государственном ключе культурно-просветительской миссии российского фольклора находится в общем ряду проблем, которые необходимо решать сегодня.

УДК 323.1

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич,
кандидат политических наук,
декан юридического факультета, заведующий кафедрой
профсоюзного движения и трудового права Башкирского
института социальных технологий (филиала)
ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа)
e-mail: suly-artur@rambler.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАК АТРИБУТ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Политические трансформации, происходящие в условиях глобализации, давно уже вышли за рамки отдельных государств и все более проявляются в национально-идеологической парадигме, определяя новые условия межнационального и межэтнического взаимодействия и мирного сосуществования. С одной стороны глобализация, стирает экономические и социокультурные границы между государствами, способствуя формированию наднациональной идентичности. С другой, несет в себе деструктивную практику прежней внутригосударственной идентичности, ослабляя исторически сложившиеся традиции этнических общностей и народностей. В связи с чем, сама «национальная идея» как атрибут государственности качественно изменяет свое содержание, лавируя между категориями «надгосударственная» и «внутригосударственная».

Ключевые слова: национальная идея, государственность, глобализация, культура, традиции, целостность, идентичность, идеал.

Общества в условиях глобализации все чаще сталкиваются с проблемой сохранения своего «национального ядра». Актуализации этой тенденции способствует целый ряд факторов: осуществление модернизации без учета положительной роли социокультурной традиции, вызывающее кризис идентичности; крах и дискредитация идеологических доктрин глобальной геополитической, экономической и идеологической конфронтации периода «холодной войны»; высокая степень политизации этнических и конфессиональных различий в современных условиях¹.

Как правило, собственная национальная идея является необходимым атрибутом государств-наций, претендующих на «оригинальный» путь развития в историко-политических процессах. Если же государство-нация по тем или иным причинам отказывается от собственной «национальной доктрины», то фактически попадает в зависимость от ценностей и традиций других государств.

Исследователь В.М. Межуев по этому поводу отмечает, что государство, отказавшееся от

национальной идеи, превращается в «пустое пространство, открытое любому экспериментированию над собой... если у него нет никакой идеи, то оно — понятие не столько историческое, сколько географическое, неведь зачем существующая территория»².

Вместе с тем национальная идея не обязательно выражена в форме официального догмата государства. Она может представлять собой систему ценностей, традиций, символов принимаемых большинством населения страны, но официально не закрепленной. Во многом корни национального единения государства как раз и кроются в историко-культурных и ментальных глубинах народного сознания, позволяющих выражать национальную волю и национальные интересы на государственном и международном уровнях. Неудивительно, что каждая страна обладает уникальным набором национальных ценностей и символов, отличных от других, но в тоже время в чем-то схожих с ними.

Национальной идеи при всей своей лаконичности и эмоциональной выразительно-

сти присуща диалектическая двойственность. С одной стороны национальная идея — это некий идеал, к которому стремится государство-нация, с другой — национальное развитие переплетается с исторической судьбой государства-нации, что позволяет судить о ее частичной реализации. Историческая судьба нации, ее культурное и ментальное бытие как бы расчленяет прошлое и настоящее по принципу «свой — чужой», и одновременно явит миру образ «национального» как реально сущего.

Ученый П. Сорокин по этому поводу отметил следующее: «Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которой пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну главную ценность. Эта ценность служит основой и фундаментом всякой культуры»³.

Разумеется, каждая национальная культура не только интерпретируется определенным образом с точки зрения других, окружающих ее культур, но и осмысливается представителями самой этой культуры. Для русских задача самопознания, понимания своей самобытности перед лицом других культур и народов была чрезвычайно значимой последние два-три столетия⁴.

Некоторые исследователи отмечают иррациональность национальной идеи. Так по мнению Н.А. Бердяева: «Национальная идея вся на виду, но попытки ее рационального определения ведут к неудачам. Она таинственна, мистична, иррациональна, точно также, как таинственно, мистично, иррационально любое индивидуальное бытие. Она не откликается на вопросы „Кто?“ или „Что?“, а только „Зачем?“ и „Почему?“»⁵.

Вместе с тем природная сущность национальной идеи всеобъемлюща и многогранна: «Природа человека как бы только бременеет идеями разума, подобно тому, как кушанье пропитано солью, — но, если кушанье хорошо приготовлено, нигде не должно быть видно крупиц соли, сообщающей, однако, вкус свой всему блюду, — или подобно тому, как свет пронизывает все, все наполняет, оказывает свое влияние на всю природу, но не может быть представлен в качестве субстанции и, тем не

менее, сообщает предметам их образ, преломляемость в каждом по-разному, производя из растений целительный воздух, — так же идеи разума оживляют всю ткань его ощущений, так, благодаря влиянию идей, представит перед ним поступок в некоем особенном свете; сами они редко обнаруживают себя, подобно некоей тонкой материи и придает каждой склонности и каждому стремлению особую окраску»⁶.

Национальная идея — это не продукт политической воли, не результат деятельности властных элит и экономических корпораций. Это искусственно не конструируемая, но реально существующая парадигма идеологического единения социума, продиктованная всем ходом ее исторического развития и «блуждания». Национальная идея не вынашивается политиками, даже самыми одаренными и способными, не разрабатывается в парламентских или министерских кабинетах. Научное сообщество же в отличие от политиков, не только пытается констатировать факт существования или отсутствия национального скрепа государственности, от которого зависит настоящее и будущее страны, но и стремится выявить закономерности ее зарождения у других социумов. Тем самым приближаясь, но в тоже время и отдаляясь от своей «общенациональной мечты».

При том, что «общенациональная мечта» у каждого может быть своя. Для одних это попытка воссоединиться с целой страной, почувствовать свою причастность к ее судьбе, а возможно и слиться в единстве политических процессов. Для других — это способность защититься, раствориться в общегосударственных канонах для собственного выживания и симбиозного сосуществования в едином политическом организме. Для третьих — это возможность ударить по инородному, закрепить позиции в общемировой иерархической структуре, получить свое место «под солнцем» на международной арене.

В нашем понимании национальная идея, как и собственно «общенациональная мечта», категории универсальные, включающие различные аспекты общественной жизнедеятельности. Как говорится «лишь бы все делалось для человека», а все остальное «приложиться». Наука в этом смысле выступает не просто ин-

струментом формализации общечеловеческих интересов, как политика, но и позволяет объективно рассмотреть исследуемую проблематику в отрыве от элитарных предпочтений, смоделировать будущее и указать на существующие пробелы в настоящем.

Наука позволяет подвергать процессам мышления и познания объекты созерцания и чувственного восприятия, в результате чего и формулируются идеи, теории и концепции. Наука предполагает поиск ответа на целую серию взаимосвязанных и взаимообусловленных вопросов: кто является носителем национальной идеи; какие процессы способствуют ее формированию; можно ли установить периодичность ее формирования; как трансформируются национальная идея и национальные ценности в условиях глобализации, федерализации или регионализации и т. д. Особый научный интерес вызывает этапизация формирования национальной идеи и ее онтологическая сущность.

Ученый М. Грох выделяет следующие этапы формирования национальной идеи:

- Научно-академический — научное сообщество раскрывает исторические, филологические, этнографические особенности своей социокультурной общности, формируя тем самым особый контур и образ нации.

- Агитационный — трансляция сформированных образов в массы посредством прессы и просвещения, которые адекватно воспринимаются наиболее активной частью населения.

- Программно-политический — на этом этапе национальные образы закрепляются в доктринальных документах, политических программах и проектах, возникает массовое национальное движение⁷.

Формирование национальной идеи — это исторический процесс и результат выбора народом своей позиции, целей и средств самосуществования в конкретных условиях и обстоятельствах. Оно является основным механизмом обретения и проявления нацией свободы, через обоснование своей самобытности и суверенности.

Национальное самоопределение как процесс — это включение общества в систему общечеловеческих ценностей, которые поднимают жизненную активность народа на прин-

ципально иной уровень — уровень жизненного «пути» уже не столько народа как такового, сколько ценностей, с которыми он себя идентифицировал и, основываясь на которых, занял свою позицию в социокультурном пространстве. Таким образом результатом национального самоопределения является выход народа на цели, направления и способы активности, раскрывающие его самобытность, а так же формирование духовной самооценности, способствующей через целеполагание самостоятельно реализовать общие для нации интересы⁸.

Первым шагом в национальном самоопределении общества является осознание народом своих специфических черт, что соответствует латентной, преднациональной, стадии формирования нации и исторически совпадает с ее государственным оформлением. Содержательной стороной такого осознания является формирование национально-цивилизационной идентичности общества как определение универсальности идеологий, социальных практик и духовности, к которым они себя причисляют. Такое самоопределение включает духовно-идеологическую основу идентичности, государственно-политическое самоопределение и ценностное отношение к территории проживания. Вторым шагом этого процесса выступает артикуляция основных черт нации в духовной сфере жизни общества (преимущественно в национальной литературе), завершающая этап оформления нации и переводящая ее в актуальную стадию. Дальнейшее ее развитие напрямую связано с рефлексией национального самоопределения и включением его в систему воспитания. Артикуляция самоопределения нации происходит через обращение к символическим проводникам общественного взаимодействия, основным источником которых является этническая (преднациональная) культура⁹.

После актуализации существования нации осуществляется переход от национального самоопределения к национальному самосознанию. Самосознание можно понимать как установление внутренних ограничений на собственную деятельность, как расширение границ собственных возможностей, направленных на реализацию замыслов, осуществляе-

мых в рамках принятых ограничений. Само-развитие обусловлено осознанием несовпадения идеального и реального, борьбой мотивов, преодолением недостатков через организацию деятельности и поведения.

На современном этапе развития общества проблема его национального самоопределения находит свое отражение в национальной идее как условии и форме идентификации символических проводников общественного взаимодействия. В национальной идее общество познает себя и формирует систему представлений о себе, а также оценивает эту систему со стороны.

Стоит отметить особый статус национальной идеи среди остальных характеристик на-

ции, который обусловлен тем, что она является сжатым выражением идентичностей, представленным совокупностью конкретных национальных символов. Основное назначение этого комплекса символов заключается в реализации двух функций: внешней, которая заключается в кратком представлении нации, и внутренней, которая состоит в самоопределении и самосохранении нации как общности людей. Национальная идея является коллективной национально-цивилизационной идентичностью, содержащей знаковую и метафорическую систему отличительных и (или) нормативных характеристик, представленных в символической форме и выступающих в качестве идеала.

¹ Финк Р.А. Интегральный подход к определению национальной идеи // Омские социально-гуманитарные чтения – 2010: Мат-лы III Межрегиональной науч.-практ. конф. Омск, 2010. С. 36–42.

² Межуев В.М. О национальной идее // Вопросы философии. 1997. № 12. С. 8–13.

³ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 42–43.

⁴ Волкогонова О. «Русская идея»: мечты и реальность [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.ru/library/volk/idea.html>

⁵ Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. М., 1997. С. 295.

⁶ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 1. С. 189–190.

⁷ Hroch M. Social Precondition of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge; N.Y., 1985. P. 22–24.

⁸ Финк Р.А. Национальная идея как выражение национальной специфики культуры // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2012. № 1 (105). С. 117–120.

⁹ Там же.

УДК 323.1:39(470)

СУЛЕЙМАНОВА Шукран Саидовна,доктор политических наук, обозреватель
радиоканала «Кавказ» Радиокompании «Голос России»

e-mail: sher2016@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье отражены причины возникновения кризисных ситуаций в постсоветский период. Определяется основная цель национальной политики в формировании такого общества, где бы своевременно и максимально полно удовлетворялись национальные потребности, как отдельного человека, так и конкретного этноса или всех проживающих в стране народов так, чтобы это не ущемляло законных интересов этносов, не сопровождалось напряженностью и конфликтами. Достижение этой цели предполагает создание соответствующих условий и механизмов воспроизводства национально-этнической жизни каждого народа во всем ее богатстве при сохранении и углублении традиций равноправного развития, сотрудничества народов.

Ключевые слова: этнический фактор, межнациональные отношения, решение национального вопроса, демократические процессы.

Известно, что периоды социальной трансформации общества являются этапами обострения и расширения конфликтности. Распад одних общественно-политических институтов, создание новых, периоды временного сосуществования их взаимоисключающих форм не может не сопровождаться возникновением конфликтных ситуаций. Более того, рыночная экономика предполагает существование многообразных структур, социальных и индивидуальных различий, которые требуют взаимного согласования и соотношения между собой.

Начало XXI века было отмечено «взрывом» взволнованных этнонаций. Большинство из них потеряли формировавшуюся оболочку советской общности нации-государства и лишены стабильного политического оформления, стали сами политизироваться и искать формы своего самоутверждения. Распад СССР и последовавшие за ним процессы суверенизации бывших союзных республик не привели к исчезновению межэтнических противоречий и конфликтов ни в России, ни в других новых многонациональных государствах.

Переход от закрытого общества к открытому сопровождается неизбежностью и естественностью в нем конфликтов. Конфликт для

открытого общества выступает своеобразной нормой социально-политических отношений и атрибутом процесса развития и изменения политических институтов на общенациональном и региональном уровнях. Межэтнические противоречия и конфликты — это реальность современной российской действительности, которую нельзя не учитывать при определении приоритетов национальной политики России, при решении актуальных задач обеспечения ее безопасности.

В современной России этнополитические процессы характеризуются сложностью, динамизмом и противоречивостью. С одной стороны, они препятствуют возникновению в стране властно-монополистической организации политической жизни с ее сверхцентрализованной системой национального и межнационального, с другой — приоритетность экономического фактора таит множество угроз для реализации прав и свобод человека, стабильности общества и безопасности государства.

На этнополитические процессы определенное влияние оказывает и религиозный фактор, имеющий двоякое действие, который может способствовать либо разжиганию межэтниче-

ского конфликта и превращению его в перманентный и неуправляемый, либо, напротив, его локализации и прекращению. Однако необходимо избегать «конфессионализации» этнополитических конфликтов и не ждать от религии существенного позитивного влияния на их развитие и разрешение.

Сегодня, в XXI веке, как и сто лет тому назад, общество оказалось расколотым на множество общественно-политических партий и движений. Они проповедуют взаимоисключающие духовные ценности, стоят на разных идейно-политических платформах. Это, безусловно, влияет и на межнациональные отношения, реальностью стали конфликты, что еще раз убеждает в том, что история не есть прошлое, это — прошлое и будущее в настоящем.

Расколовшаяся на десятки общественно-политических партий и движений страна сделала крутой поворот как в области социально-государственного устройства, экономических отношений, так и в области права, морали, идеологии. В рамках огромной территории многонациональной России, где налицо сложные переплетения национальных, религиозных, социально-экономических и политико-правовых противоречий, не представляется возможным их разрешение за короткий период. Прежде всего, в основу межнациональных отношений должна быть положена полная равноправность в государстве гражданина во всех отношениях.

Общеизвестно, что противоречивому понятию «этнические различия» трудно дать точное определение и невозможно делать относительно него какие-либо обобщения. В разных обстоятельствах группы людей идентифицируют себя с этническими общностями посредством различных комбинаций таких маркеров, как язык, цвет кожи, религия, место обитания, история, традиции, мифология. Следует отметить и отсутствие последовательности в отнесении этих маркеров к этническим различиям.

Объясняя причины этнических противоречий, часто используются понятия «древняя ненависть», «горячая кровь», и здесь допускается, по меньшей мере, три ошибки по отношению к настоящему (и обычно гораздо больше — по отношению к прошлому): этничность

понимается исключительно как «фоновая» причина конфликта, причем единственная фоновая причина. Роль других возможных причин практически не анализируется, и игнорируется аспект политической мобилизации вокруг этничности. Ошибка состоит не в том, что этнические различия рассматриваются как основа социального разделения и, следовательно, как фоновая причина, а в том, что без внимания остается то, как эти разногласия приводят к конфликту.

Многочисленные исследования показывают, что факт этнических различий часто фигурирует в конфликтах, и люди нередко принимают их за фундаментальную причину противостояния. Это, безусловно, важно, однако не главное. Как известно, страны с этнически пестрым населением не обязательно больше других склонны к конфликтам. Это дает нам право предположить, что даже в вооруженных конфликтах, участники которых явно принадлежат к различным этническим группам, одной этничности в качестве причины конфликта недостаточно. Здесь нельзя не учитывать важную роль, которую играют экономические условия и политическая система. Таким образом, необходимо рассмотреть, наряду с этничностью, и другие фоновые предпосылки противоречий.

Следующий аспект, на котором следует акцентировать внимание, — это политическая мобилизация, поскольку этничность часто является центральным компонентом в групповой идентичности, является главной составляющей разных предрассудков, и политические лидеры легко используют ее как материал для мобилизации, особенно в периоды социально-экономических перемен. Именно в такие моменты на первый план выходит националистическая политика.

В период политической и социально-экономической нестабильности именно с помощью понятия «национализм» можно описать как сложную социальную, культурную, интеллектуальную или эмоциональную реакцию людей на происходящее.

Социальная нестабильность, вызванная неконтролируемыми историческими процессами, не только создает условия для напряженной борьбы за власть между различными час-

тиями социальной и политической элиты страны. Она также отнимает чувство уверенности и определенности у огромного числа людей, оказывая разрушительное, ускользающее от понимания воздействие на их жизни. Ощущение принадлежности к своей группе в такие периоды становится опорой для многих простых людей, подчас единственным ориентиром, помогающим им разобраться в происходящем. Таким образом, в любых противоречиях, возникающих на фоне широкомасштабных социальных изменений и дестабилизации, политические лидеры, без сомнения, получают поддержку своих избирателей, если представят свою позицию как борьбу за национальную идентичность, гордость и справедливость.

Подводя итог этим аргументам, отметим, что причиной конфликтов и противоречий является не неоднородность этнического состава, а связанная с этим фактом политика. Опасность лежит в смешивании этнических различий и политической лояльности, в политизировании этнических идентичностей.

Этнические противоречия — это борьба за власть или доступ к экономическим ресурсам, носящие этническую маску. И этнические различия играют центральную роль в такой борьбе не в качестве единственной причины, а в качестве инструмента, используемого политическими лидерами в целях мобилизации. То есть этнические различия имеют свое место в системе объяснений, но не должны доминировать.

Необходимо отметить и то, что, однажды надетая, этническая маска очень трудно снимается. Когда активное чувство групповой идентичности укрепляется на базе обид и недовольств, особенно в период кризисов, оно может привести к непримиримой ненависти, выражающейся в длительных и нередко циклических конфликтах. История показала, что в подобного рода конфликтах и противоречиях людей можно мобилизовать на горячую поддержку дела, которое они считают правым, справедливым.

В борьбе за реальную политическую и духовную власть в этом случае сталкиваются взаимоисключающие друг друга общественно-политические и религиозно-философские мировоззрения.

Выработка оптимального пути развития межнациональных отношений в России на современном этапе — одна из актуальных проблем современности. Сложные межнациональные отношения остаются реальностью, что порождает новые проблемы, требующие своего разрешения.

Длительное сдерживание процесса демократизации федеративных отношений осложнили национальные отношения. Каждый шаг в сфере национальных отношений требует тщательной продуманности, учет возможности возникновения конфликтов. Необходимо учитывать не только демократические процессы развития общества и принимать решения, основываясь только на них, требуется всесторонний, взвешенный подход даже к самому малозначительному, на первый взгляд, решению в области национальных отношений. Они должны приниматься с учетом исторического развития Российского государства.

На новом этапе исторического развития все более отчетливо проявляются противоречия между стремлением народов к сохранению своего этнического своеобразия, с одной стороны, и углублением тенденции к интеграции и консолидации стран и народов для решения глобальных проблем, с другой. В условиях XXI века «социальная модернизация невозможна без рассмотрения судеб государств и народов в контексте диалектики цивилизационного прогресса»¹, так как «в современных условиях возникает вопрос о более тесной связи принципов федерализма с вопросом национальным»² и национальный вопрос следует рассматривать в сочетании с принципами федерализма. Подтверждением этому служит пример многонациональной Российской Федерации.

Решение национального вопроса в России сочетает в себе характер тактических и стратегических задач. Это обусловлено теми ошибками и просчетами, которые имели место в сфере национально-государственного строительства на протяжении советского периода истории, а также после распада СССР. «Российская Федерация стала наследницей более 70-летнего господства в СССР тоталитарной политической системы, породившей противоречия между конституционным декларированием федеративным по форме и унитарным по

содержанию национально-государственным устройством»³.

Ситуация усугубляется еще и тем, что решение национальных проблем и утверждение принципов федерализма сопровождается социально-экономическими и политическими реформами, формированием новых общественных отношений, нового правосознания и политико-правовой культуры. Реформы затронули интересы не только отдельных граждан, но и целых народов⁴. Современный период для России в рамках межнационального взаимодействия можно охарактеризовать как период этнической адаптации.

На формирование российской государственности, ее состояние и тенденции развития существенное влияние оказывают особенности ее национальной структуры, специфика национальных отношений⁵. Многонациональный характер России определил цель и способы строительства в ней федеративного государства. Наиболее оптимальным способом национально-государственного строительства в сочетании «единства государства при многообразии интересов субъектов федерации» является утверждение подлинно федеративных отношений при соблюдении принципов демократии. Это положение провозглашено ч. 2 ст. 1 Основного Закона: «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство...».

Затронутую проблему, исходя из вышеизложенного и реалий национально-государственного строительства в Российской Федерации, необходимо рассмотреть на региональном уровне — а именно на примере Северного Кавказа. Такой подход рассмотрения проблем федерализма и национально-государственного строительства в целом оправдывает себя фактором национально-региональным — как «совокупности национально-культурных условий, влияющих на характер формирующейся государственности»⁶.

В условиях коренных преобразований в обществе и государстве политические процессы оказывают существенное влияние на право. Поэтому рассмотрение вопроса с точки зрения политико-правового, а не чисто правового анализа является наиболее целесообразной формой подхода к данной проблематике.

Северокавказский регион является своеобразным «полигоном», где испытывается на прочность российский федерализм, национально-государственное строительство, национальная политика. Это самый сложный регион в современной России, оказывающий определенное влияние на проблемы национальной безопасности и сохранения целостности Российской Федерации.

Учитывая, что тоталитарный режим оставил проблемы не только в развитии государственности России, но и в межнациональных отношениях: массовая депортация, расселение и репрессии, разрушение многих национальных культурных ценностей, существовавшие способы разрешения межнациональных трений — оказали свое отрицательное воздействие на развитие межнациональных отношений. Соответственно на современном этапе следует с особой осторожностью подходить к вопросам межнациональных отношений, решаемых на основе демократических принципов. Их непродуманность может привести не только к усилению межнациональных трений и конфликтов, но и необратимому процессу распада многонационального Российского государства.

Безусловно, необходимо учитывать и механизмы, которые были использованы в советский период по интернационализации народов России, осуществление которых происходило в интересах удержания и развития советской власти. Следует помнить и о том, что особые исторические условия на протяжении длительного периода времени поддерживали народы России и национальное согласие, ставя их перед проблемой самозащиты и самосохранения. В этих условиях неизбежно «размывалась» национальная обособленность на фоне национальной политики, проводимой КПСС. Демократические процессы, происходящие в Советском государстве со второй половины восьмидесятых годов, охватили и межнациональные отношения. А в действительности они способствовали их обострению, что в конечном итоге привело к распаду СССР. Одной из причин этого явилось национальное неравенство, т. е. неравенство наций в доступе к экономическим и культурным ценностям, а также к управлению государством.

В Российской Федерации национально-государственные образования имеют приблизительно одинаковый уровень социально-экономического развития, поэтому межнациональные отношения перешли в политико-правовую плоскость. В отдельные периоды времени напряженность ослабевала и имела различную масштабность своего проявления.

Проблемы на Северном Кавказе в области национально-государственного строительства обуславливаются следующими факторами: полиэтничность и перенаселенность, демографические проблемы, поликонфессиональность. А также нерешенные проблемы репрессированных народов, произвольное определение границ без учета исторически установившихся территорий проживания и, как следствие, территориальные споры как внутри субъектов, так и между ними. Также следует отметить проблемы коренных малочисленных народов и национальных меньшинств, наличие и влияние национальных, транснациональных, трансрегиональных партий, движений, общественно-политических организаций, оказывающих определенное влияние на геополитическую ситуацию в регионе, проблемы сепаратизма и терроризма.

Северный Кавказ является, как уже отмечалось, наиболее сложным по национальному составу регионом России. Практически каждый народ или этническая группа имеют свою неразрешенную проблему. Этническая пестрота региона обусловила разнообразие проблем и конфликтов, требующих политического урегулирования с последующим закреплением в нормативно-правовых актах. Федеративная форма государственного устройства, в котором наилучшим способом должны решаться национальные вопросы, столкнулась на Северном Кавказе с объективными и субъективными факторами. Отмеченное позволяет сделать вывод, что актуальность данной проблемы объясняется ее политической и юридической значимостью, связанной с национально-государственным строительством и реализацией принципов российского федерализма на Северном Кавказе.

Среди причин продолжающегося в межнациональных отношениях кризиса не последняя — системный, взвешенный, свободный от

стереотипов взгляд на национальные проблемы. Что Россию ждет в ближайшем будущем? Разделит она участь СССР или окрепнет как сильная мировая держава? Каким будет ответ ее народов на брошенный самой жизнью вызов? Эти вопросы волнуют сегодня не только нас, но и многих за пределами Российской Федерации.

Очевидно одно: национальная политика не должна иметь характер деклараций, намерений, которые не обеспечиваются соответствующими механизмами выполнения принимаемых решений. Реакция на возникающие в межнациональных отношениях коллизии порой импульсивна, а потому не действенна. Практика показывает, что ошибки, допущенные в национальной сфере, трудно исправимы. Они могут стать катализатором таких деструктивных процессов, которые сумеют перечеркнуть надежды народов России на благополучное будущее. Межнациональным противоречиям в России нельзя позволить дорости до такого уровня, за которым начнет действовать стихия. Политикам, принимающим решения по национальному вопросу, следует четко осознавать ответственность перед собственным народом.

В.В. Путин, делая основные акценты на существующие проблемы национального вопроса в России, отмечает главное, что объединяет народы — объективную необходимость реального осуществления и гарантирования всего спектра их интересов — экономических, социальных, культурных, политических и других⁷.

История, становящаяся свидетелем самоуничтожения человека, повторяется не только в умножении зла: при наличии доброй воли она дает возможность исправления ошибок. Сегодня, как и в начале XX века, история предоставила шанс выбраться из пропасти противоречий. И от каждого зависит, сумеем ли мы воспользоваться данным нам шансом.

В условиях полиэтничного государства, безусловно, на первое место в ряду внутриполитических задач, выдвигаются способы, обеспечивающие межнациональное взаимодействие в политической, экономической и культурной сферах. Именно на такой основе, охватывающей все сферы современного «народного бы-

тия», возможно упрочение федеральных отношений, предотвращение межэтнических конфликтов. Исторический вопрос — быть или не

быть России единым, многонациональным государством — вставал во многие периоды ее истории и всегда решался в пользу — быть!

¹ Бабурин С.Н. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы. М., 1997. С. 315.

² Федерализм. Энциклопедический словарь / под ред. Э.Б. Алаевой, Р.В. Архиповой. М., 1997. С. 245.

³ Карапетян Л.М. Грани суверенитета и самоопределение народов // Государство и право. 1993. № 1. С. 13–23.

⁴ Межнациональные отношения в условиях социальной нестабильности: сб. науч. статей / под. ред. Э.Х. Панеш. СПб., 1994. С. 3–6.

⁵ Морозова Л.А. Национальные аспекты развития российской государственности // Государство и право. 1995. № 12. С. 11–19.

⁶ Федерализм. Энциклопедический словарь / под ред. Э.Б. Алаевой, Р.В. Архипова. М., 1997. С. 242.

⁷ В.В. Путин. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.

УДК 321

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна,

доктор исторических наук,

профессор кафедры социологии и управления

Московского автомобильно-дорожного

государственного технического университета

e-mail: 89166272569@mail.ru

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИМВОЛИКИ

В статье раскрывается комплекс государственной символики, сформировавшийся к настоящему времени. Понимание значения государственных символов важно для правильного прочтения истории страны, особенностей ее национальных отношений, прояснения логики федеративного или унитарного устройства.

Ключевые слова: государственная символика, патриотизм, национализм, национальные отношения, федеративные отношения.

В начале 1848 г. поэт и дипломат Альфонс де Ламартин, ставший министром иностранных дел временного правительства республиканской Франции, сказал: «Если вы отнимете у меня трехцветный флаг... то отнимете у меня половину мощи Франции как здесь в стране, так и за границей»¹. Это утверждение можно распространить на отношение к государственным символам не только политиков прошлого и настоящего времени, но и на рядовых граждан, которые, обращаясь к коду государственных символов — герба, флага, гимна и др., выражают самую широкую гамму своего отношения к государству, понимания его истории и судьбы. Чем сложнее складывалась такая судьба, тем важнее и для граждан данного государства, и для иностранцев четкого проявления уважения к этим символам.

Со времени возникновения национально-государства политические лидеры создавали и использовали национальные символы для обоснования проводимого ими политического курса. Главы государств, как избранные, так и наследственные, при вступлении в должность, произносят клятву верности при обязательном присутствии государственного флага. В большинстве стран оскорбление флага рассматривается как уголовно наказуемое деяние. Как правило, ни одна официальная це-

ремония не обходится без государственного флага, который водружается на зданиях резиденции главы государства и правительства. Во время официальных праздников государственный флаг вывешивается на общественных зданиях. Государственные флаги являются неизменным атрибутом при двусторонних или многосторонних переговорах между различными странами.

История государственных флагов насчитывает несколько столетий. К старейшим флагам государств относится флаг Дании. Датчане называют его Даннеброг (дат. *Dannebrog*). Даннеброг — красное прямоугольное полотнище с изображением белого скандинавского креста — прямого креста, вертикальная крестовина которого смещена к древковому краю полотнища. Его документально подтвержденная история которого уходит в XIII в., когда под предлогом христианизации и помощи западноевропейским переселенцам в Прибалтике и с благословения Папы Римского Гонория III войско датского короля Вальдемара II, прозванного впоследствии Победителем, высадилось недалеко от Колывани и, захватив городище, расположилось возле холма. 15 июня 1219 г. отряды эстов напали на датское войско. Атака была настолько неожиданной, что часть датских отрядов начала отступать. Тог-

да епископы поднялись на холм и воззвали к Богу о помощи. Внезапно с небес опустилось большое красное полотнище с прямым белым крестом. Датчане, воодушевившись знаменем, победили. День победы в битве, известной также под названием «битва Вальдемара», стал отмечаться как день рождения Даннеброга. Но это событие вспоминают и в Эстонии: каждое лето в Таллинне в Саду датского короля проходит праздник в честь Даннеброга, который пользуется большим успехом у туристов из Дании. По легенде, железный рыцарь в саду указывает на место, где флаг опустился на землю. Кстати, на Даннеброге впервые появился Скандинавский крест — крест на флаге, вертикальная крестовина которого смещена в сторону древкового края полотнища. Он символизирует христианство. Такой крест присутствует на флагах пяти государств — Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции, на флагах некоторых территориальных образований Северной Европы, а также на флагах ряда финно-угорских народов.

Если датский флаг дошел до нашего времени неизменным, то во многих странах история изменения флагов отражает этапы государственных преобразований. В результате революции 1969 года официальное название Ливии было изменено на «Ливийская Арабская Республика», а флаг заменен на пан-арабский трехполосный красно-бело-черный. 1 января 1972 г., когда Ливия вошла в состав Федерации Арабских Республик, флаг Федерации стал отличаться от флага Ливии образца 1969 года пропорциями, немного более интенсивным цветом красной полосы флага, а также помещенным на белой полосе золотым ястребом («Ястребом курайшитов»), держащим в лапах ленту с названием государства на арабском языке. 8 марта 1977 г. Ливия вышла из состава Федерации: официальное название государства было изменено на «Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия» и 11 ноября того же года флаг Ливии был изменен на одноцветный зеленый, что стало реакцией на визит президента Египта Анвара Садата в Израиль. В Ливии это сочли предательством арабских и исламских ценностей. Зеленый цвет флага символизировал ислам, государственную религию страны, а так-

же «Зеленую книгу» Муаммара Каддафи. Этот фланг и был официальным символом Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии до 22 октября 2011 года.

Язык геральдики исключительно красноречив. Однако для понимания той информации, которую несут государственные символы, часто мало просто знать этот язык. Как минимум, необходимо уметь еще и оценивать политические реалии. Если речь идет о федеративных государствах, то флаги субъектов федерации «перекликаются» с национальным флагом. Например, одинаковые звезды и полосы на флаге США олицетворяют равенство штатов, объединенных в федерацию. Изменения государственной символики отражают перемены во внутренней политике или внешнеполитическом курсе. Специалисты, рассматривая перемены в рисунке герба Норвегии после вступления страны в НАТО, когда к золотистому льву добавилась секира, а его когти стали черными, констатировали выраженный символический акцент на том, что с того времени «политика страны исходит из доктрины опоры на военную силу»².

Сложилось традиционное расположение рисунков и расположения цветовых полос на флагах. Но вот флаг Филиппин, принятый 12 июня 1898 г., на котором изображено золотое солнце с 8 лучами, что символизирует свободу и 8 провинций, первыми поднявшиеся на борьбу с Испанией, а также звезды, представляющие три островных группы, из которых состоят Филиппины (Лусон, Висайские острова, Минданао), и белый треугольник — символ мира и чистоты, синий и красный — патриотизма и мужества, является единственным в мире флагом, где цвета меняются местами: в военное время верхняя полоса — красная, нижняя — синяя. На государственных флагах некоторых стран присутствуют самые неожиданные символы. На флаге Мозамбика есть изображение автомата Калашникова с примкнутым штык-ножом³. Автомат также помещен на герб Мозамбика, а еще изображение этого оружия есть на гербах Зимбабве и Восточного Тимора.

То, что символика флагов и гербов многих государств обнаруживает схожие элементы и цветовые обозначения, может говорить и об общности их исторических судеб. Так, красный,

синий и белый цвета имеются на флагах большинства стран с доминирующим славянским населением, а также в геральдике славянских народов, не имеющих своих государств. Эти цвета были выбраны на Панславянском конгрессе в Праге (1848) под влиянием существовавшего к тому времени русского флага и исторического флага герцогства Крайна (ныне Словения), сочетавших все три цвета, а также польского и богемского, использовавших два цвета из трех (белый и красный), и флага сербов (красно-синий) когда-то бывшим флагом Рашки — исторического государства на юго-западе Сербии.

Имеются не только панславянские цвета флагов, но и панарабские, а также панафриканские. Панарабские цвета — красный, черный, белый и зеленый — присутствуют на флагах стран арабского Востока. Каждый из них символизирует определенную арабскую династию или эпоху: черный — цвет флага исламского пророка Мухаммеда, белый — был символом Омейядов, напоминая им о сражении при Барде, зеленый — был взят Фатимидами, как символ их поддержки Али ибн Абу Талиба, красный цвет — флаг Хариджитов, затем стал символом правителей в Северной Африке и Аль-Андалусии. Панафриканские цвета — это два устойчивых набора трех цветов, взятых из флага Эфиопии и используемых на флагах других государств Черного континента: зеленый, желтый и красный (к ним нередко добавляются также черный, зеленый иногда заменяется синим, а желтый — белым).

Общность символического ряда, взятого для государственной символики, отразилась в том, что звезда стала одним из самых распространенных символов. Звезды есть на флагах и гербах, украшают различные награды, чеканятся на монетах. При этом в разных странах их видят по-разному: в немецкой геральдике встречаются преимущественно звезды-гексаграммы; в романской и английской — пятиконечные звезды и реже восьмиконечные; красные звезды были на всех государственных гербах стран, строивших социализм; белые звезды на флаге США символизируют количество штатов (с 1960 года — их пятьдесят). В гербе Сингапура полумесяц символизирует молодую, растущую нацию, а пять звезд — идеалы

этого государства: демократию, мир, прогресс, справедливость и равенство. Созвездие Южный крест с 1889 года украшает герб Бразилии.

В новейшее время многие государства стали нарушать старинные геральдические правила, что свидетельствовало о стремлении обновить политический язык, выражаемый посредством символов. Тем более, что отношение к символам часто является производным от отношения к государственному строю. За последние несколько лет Ирак менял гимн пять раз, в 2012 году им была песня «Моя Родина». А трехцветный, красно-бело-черный с надписью «Аллах акбар» флаг был утвержден в 2008 году. Однако власти Ирака решили утвердить новые гимн и флаг страны с целью объединения всех народов и последователей различных религиозных течений. Законодатели выбирают из трех вариантов нового гимна. Кроме того, вскоре на рассмотрение будут выставлены семь вариантов нового флага, среди которых есть и действующий. Новый флаг и гимн должны символизировать «единство земли и народа Ирака», который в течение нескольких десятков лет живет в условиях разрухи, террора и междоусобиц.

Одно дело, когда проблемы с изменением символики государства носят внутренний характер, а другое — имеют внешнеполитические последствия. Как и в любой практике, в государственной символике можно найти множество пересекающихся моментов, а, следовательно, есть и обвинения в заимствовании не своих символов, а символов соседей. И таких примеров весьма много⁴. Самые большие претензии по использованию на флаге «вергинского солнца» с 16-ю лучами — элемента, известного еще со времен Филиппа II Македонского — предъявляла к Македонии Греция. В 1995 году власти Македонии были вынуждены изменить флаг, внеся на него изображение солнца желтого цвета с восемью расходящимися лучами на красном фоне. Наряду с трилистником арфа является всемирно признанным символом Ирландии. Из ирландской геральдики арфа попала в британский герб. Но после создания независимого ирландского государства многие ирландцы стали требовать убрать арфу с герба Соединенного

Королевства. Не меньше проблем возникает с символическим отображением географических объектов, прежде всего гор. Это и изображение горы Арарат, расположенной на территории Турции, на гербе Армении, и изображение венгерской горы Матры на гербе и флаге Словакии.

Между Венгрией и Румынией разразился конфликт после того, как в начале 2013 г. в день инаугурации нового префекта в уездном городке Сфынту-Георгие, который входит в так называемый Секуйский край в Трансильвании, населенный преимущественно венгерским меньшинством, из административного здания вынесли флаг секеев с двумя синими полосами и одной золотой, в левом верхнем углу которого изображено солнце и полумесяц. Румынский публицист Кристьян Кымпяну назвал этот конфликт примером «рудиментарного националистического популизма»⁵. В Румынии исторические флаги и гербы висят повсеместно, но символика венгерского меньшинства представляет собой исключение. Флаг секеев, как считают румынские власти, символизирует несуществующую административно-территориальную единицу, а значит, нацелен на упразднение румынского национального государства и тем самым нарушает конституцию. Умеренные венгерские политики готовы удовлетвориться большей налоговой автономией и дополнительными полномочиями в культурной и административной сферах, радикалы настаивают на автономии по образцу Южного Тироля или Каталонии. Протест по поводу выноса флага заявили не только политики в Секуйском крае, но и парламентский госсекретарь Венгрии по иностранным делам Жолт Немет, известный своей поддержкой идеи автономии, заявив о «символической агрессии против венгерского сообщества в Трансильвании»⁶. Следует напомнить, что в начале 1990-х годов межэтнические столкновения едва не довели Румынию до гражданской войны, но затем началась медленная нормализация отношений. Во время вступления Румынии в ЕС проводились совместные правительственные заседания, реализовывались многочисленные двухсторонние проекты в сфере экономической политики и культуры, умеренный Демократический союз венгров Румынии (RMDSZ)

участвовал в формировании коалиционного правительства. Сейчас венгерские власти, оказывая поддержку радикальным представителям меньшинств, дав право голоса венграм за рубежом, рассчитывают на то, что националистический патернализм может принести им некоторое количество дополнительных голосов. В Румынии же, напротив, кампании против венгерского меньшинства некоторое время вновь стоят на повестке дня. В рамках «войны за флаг» правительство пыталось при помощи националистической риторики придать легитимность запланированной реформе территориального деления, в ходе которой намерено реорганизовать 41 уезд в 8 более крупных округов. При этом округа с преимущественно венгерским населением должны быть включены в центрально-румынский округ, в результате чего венгерское меньшинство потеряет многие права.

Есть многочисленные примеры, когда граждане одной страны, в знак протеста против политики другого государства, публично сжигают флаг этого государства. Бывает, что власти какого-либо государства пытаются внести изменения в чужой государственный флаг. В 2003 году решением Законодательного собрания штата Виргиния Вьетнаму поменяли флаг. И на территории этого американского флага Вьетнам представлен тремя красными полосами на желтом фоне. Так выглядел флаг Южного Вьетнама — государства, прекратившего существование в 1975 г. Такое противоречащее всем нормам международного права решение было принято по просьбе иммигрантов из Южного Вьетнама, представляющих большинство населения в одном из округов штата⁷.

Исследователи указывают на закономерность во время общественных потрясений использовать в одежде цвета национального флага как выражение патриотизма. В 1969 году знаменитая лунная экспедиция американских астронавтов установила флаг США на поверхности спутника Земли. Этот акт имел символический характер, поскольку по условиям международного договора ООН, ни одна страна не имела права называть Луну своей территорией. В США во время войны в Заливе и после терактов 11 сентября 2001 г.

цвета флага в массовом порядке появились на футболках, полотенцах, спортивных костюмах, зонтиках и др. Использование символики национального флага болельщиками во время спортивных состязаний уже никого не удивляет. Имеет значение не только цветовая гамма флага или его рисунок, но также материал, из которого он изготовлен, время и место демонстрации флага. С вступлением США во Вторую мировую войну нейлон был объявлен материалом стратегического назначения. Из нейлона начали шить прочные и легкие парашюты, тенты для грузовиков, походные рюкзаки, военное обмундирование. А над Белым домом был поднят флаг США, также сшитый из нейлона, что символизировало прогрессивность администрации Франклина Рузвельта и протест против японских поставщиков шелка.

Понятие «флаг государства» следует отличать от понятия «государство флага», используемое в основном в международном морском праве для определения национальной принадлежности торговых судов и военных кораблей и отнесения их на этой основе под действие исключительной юрисдикции конкретного государства. Общий порядок в этой области впервые был закреплен Женевской конвенцией об открытом море 1958 г., п. 1 ст. 5 которой установил, что «каждое государство определяет условия предоставления своей национальности судам, регистрации судов на его территории и права плавать под его флагом. Суда имеют национальность того государства, под флагом которого они вправе плавать». Данное положение было подтверждено Конвенцией по морскому праву 1982 года, где подчеркивается, что судно должно плавать под флагом только одного государства и, кроме исключительных случаев, «подчиняется его исключительной юрисдикции в открытом море».

Флаг в сочетании с гимном и другими атрибутами государственности во многих странах превратился в эмоциональное воплощение нации. А, как известно, эмоции могут быть положительными и отрицательными. Если государственный флаг «Хиномару» («Солнечный круг») у японцев вызывает только уважение, то гимн «Кими-га ё» («Твой век») у некоторых граждан ассоциируется с милитаристским прошлым страны. Поэтому когда многие учителя

во время обязательного подъема в школах государственного флага и пения гимна стали отказываться от исполнения гимна, то власти пошли на уступки, сделав пение гимна необязательным⁸.

В странах мира законодательно закреплены самые разные представления о том, что может и должен делать гражданин с государственным флагом⁹. Но наиболее детальные правила о том, что можно и чего нельзя делать с национальным флагом, существуют в США. Граждане не имеют право вывешивать государственный флаг, однако, должны строго следовать правилам: быстрый подъем флага производится на рассвете, медленный спуск — на закате. Ни в коем случае флаг не должен касаться земли или воды. Если флаг не сделан из водоотталкивающей материи, то его нельзя вывешивать в непогоду. Поднятый флаг ни в коем случае нельзя приспускать (за исключением особых случаев, по поводу которых всякий раз издается указ президента). Флаг США имеет приоритет по отношению к любому другому флагу. По отношению к флагам штатов или иностранных государств он должен располагаться по правому флангу или впереди, ни один из флагов не должен быть выше его. Когда устанавливается несколько флагов на смежных флагштоках, государственный флаг США должен подниматься первым и спускаться последним. Флаги других государств должны быть установлены на отдельных флагштоках. Если на одном флагштоке вывешено несколько флагов, то американский должен быть верхним. При несении флага запрещается держать древко прямо — только под углом. Хотя флаг США остается одним из самых незащищенных: например, граждане имеют полное конституционное право выразить свой протест против чего-либо путем сожжения флага, а попытки пресечь это успешно оспариваются в суде как нарушающие право граждан на свободу слова.

В Великобритании формально нет единого государственного флага: хорошо всем известный флаг «Юнион Джек» (англ. Union Jack), сочетающий элементы национальных флагов Англии, Шотландии и Ирландии, формально считается одним из двух королевских флагов (наряду с королевским штандартом) и используется в качестве национального символа по

особому распоряжению королевы. Серьезных запретов по его использованию нет, за исключением одного. Поскольку «Юнион Джек» официально является гюйсом королевских военно-морских сил, его нельзя поднимать на торговых судах. Вместо национального флага торговые и частные суда поднимают так называемый «красный флаг» — красное полотнище с «Юнион Джеком» в левом верхнем углу. На государственных учреждениях, за исключением посольств, флаг вывешивается не постоянно, а только по праздникам или по особому распоряжению королевы, например, в день государственных похорон. В провинциях Соединенного Королевства разрешено вместе с «Юнион Джеком» вывешивать и национальные флаги, однако, если на здании есть только один флагшток, вывешивается именно «Юнион Джек». Ограничений для вывешивания флага частными лицами не существует, как не существует и закона, запрещающего сожжение флага или иное его оскорбление.

В Израиле, как и в Британии, формально нет закона о флаге. Положения распоряжения президента от 1953 года во многом повторяют американские, хотя они не настолько детальны. Главные требования — не вывешивать флаг в «оскорбительной манере» и лишь на флагштоках высотой, превышающей ширину флага в три раза. В Германии запрещено любое оскорбление государственного флага вплоть до тюремного заключения на срок до трех лет. В соответствии с правилами государственным флагом запрещено драпировать президиумы, сцены, кафедры и т. д., также запрещено оставлять флаг поднятым после заката, если флагшток не подсвечивается фонарями, использовать ветхие и испорченные флаги. В североевропейских странах — Дании, Норвегии и Швеции — нет специальных установлений об использовании флага. Граждане этих стран имеют полное право поступать с национальными флагами, как им угодно, но некорректно обращаться с иностранными флагами запрещено. А в Дании в день рождения ребенка вывешивается на окне дома флаг, чтобы прохожие знали о таком замечательном событии.

Гимны (др.-греч. *ὕμνος*), торжественные песни, восхваляющие и прославляющие кого-ли-

бо или что-либо, не менее ярко, чем флаги, отражают дух государств. Считается, что гимн восходит к молитве. И действительно, до нас дошли многочисленные древние гимны к богам, известен гимн святого Франциска Ассизского к «брату Солнцу». Религиозный гимн на народном языке в период Реформации превращается в форму агитационной литературы. К такой форме можно отнести гимн Мартина Лютера «Ein feste Burg», ставший боевой песней немецких протестантов. С пением гимнов шли сражаться с королевскими войсками силы Оливера Кромвеля. А после окончания Тридцатилетней войны (1618–1648) возникли не только первая система международных отношений, но и вызванный экономической депрессией расцвет религиозных и мистических настроений в Германии, который отразился во взлете гимнической поэзии. Это была эпоха формирования национальных государств, и национальный гимн неизбежно использовал традиции гимна религиозного как боевой песни, отражал национальный характер и особенности политического развития страны.

Ныне каждое из 193 суверенных государств-членов ООН имеет национальный гимн со словами или без них. У Святого Престола также есть «Понтификальный гимн и марш», звучащий крайне редко, лишь в присутствии папы, одного из его специальных посланников, или при вручении верительных грамот главой дипломатической миссии Ватикана за рубежом. Самый старый, написанный в IX веке н. э., он же и самый короткий — государственный гимн Японии, состоящий всего из четырех слов — «Прощайте счастливо тысячу лет». История старейшего европейского гимна — гимна Великобритании — берет начало из песни, впервые исполненной в июле 1745 г., когда мятежная армия католиков-шотландцев продвигалась к Лондону: «Господи, даруй маршалу Уэйду Твою помощь и победу. / Да стихнет бунт / И, как потоком вод, / Будут раздавлены мятежные шотландцы. / Боже, храни короля!». Песня настолько понравилась королю Георгу III, что он распорядился исполнять ее во время всех публичных мероприятий со своим участием. Но только в 1825 году она стала государственным гимном, конечно, без последнего куплета, задевавшего уже лояльных коро-

левской власти шотландцев. Это стало примером политкорректной редакции текстов гимнов. Мелодию и строку гимна Великобритании «Боже, храни короля (королеву)» в разное время использовали 30 стран, включая Российскую империю. Россия обрела свой первый государственный гимн в 1833 году¹⁰.

То, как политические реалии влияют на изменения текстов гимнов, можно видеть на примере гимнов многих стран. Пожалуй, наиболее известный пример связан с ФРГ, где гимном сейчас носит название «Немецкая песня». Музыка была сочинена композитором Йозефом Гайдном после того, как во время поездки в Англию он услышал гимн «Боже, храни короля!». Гайдн написал такое же величественное произведение для императора Священной Римской империи Франца II, а впоследствии императора Австрии Франца I. В качестве текста использовали немецкий перевод британского гимна. Так, в 1797 году в Вене впервые был исполнен гимн «Боже, храни Франца, нашего императора!». Но после смены нескольких монархов, имя императора из текста вообще исключили, а гимн стал называться «Боже, храни и защити нашего императора и нашу землю!». Хотя и этот вариант просуществовал недолго, поскольку Австро-Венгрия распалась. Мелодия Гайдна оказалась основой еще одной торжественной песни, со словами, сочиненными в 1854 году неким немецким юнкером: «Германия превыше всего». В 1922 году эта песня была избрана официальным гимном Веймарской республики, а с 1933 году — Третьего рейха. Поскольку заседания однопалатного рейхстага, которые после поджога исторического здания проходили в помещении Крольоперы¹¹ или Нюрнберге — городе партсъездов Национал-социалистической немецкой рабочей партии, начинались и заканчивались пением гимна остряки прозвали состав рейхстага «самым высокооплачиваемым мужским хором в Германии».

После войны ФРГ сохранила и текст, и мелодию гимна. Но первый куплет, ассоциировавшийся с гитлеровским режимом, где перечисляются территории, принадлежащие другим государствам — России, Польше, Литве, Италии и Австрии, был изъят из текста. После объединения Германии «Немецкая песня» сохранила

роль государственного гимна. Однако исполнять его следует с учетом официально утвержденного текста, чтобы не было подозрений в сочувствии экспансионистским устремлениям Третьего рейха, что может считаться нацистской пропагандой.

О политкорректности подхода к национальным гимнам говорит и тот факт, что с учетом этнического состава населения гимны Бельгии, Канады, Швейцарии, Филиппин, Камеруна и ЮАР исполняются на разных языках. Бельгийская «Песнь Брабанта» стала первым в истории гимном с двумя равнозначными французским и нидерландским текстами. Власти ЮАР исходили из того, что у каждой из общин в стране уже была своя главная песня: у белых — государственный гимн времен апартеида «Призыв Южной Африки» (на английском и африкаанс), у черных — неофициальный гимн «Боже, спаси Южную Африку!», написанный на языке кхоса и затем переведенный на другой распространенный язык черных африканцев — сесото. Поэтому национальный гимн ЮАР впитал все эти гимны: первый куплет взят из «Боже, спаси Южную Африку!» на языке кхоса, затем идет куплет из «Призыва» на африкаанс, его продолжает куплет из «черного» гимна на сесото, а заканчивает исполнение гимна куплет на английском языке.

В годы социализма особый порядок исполнения гимна существовал в Чехословакии, где в обязательном порядке один за другим, без паузы исполнялись два гимна: чешский «Где мой дом?» и словацкий «Буря над Татрами». «Бархатный развод» Чехии и Словакии в 1993 г. нарушил содружество этих мелодий, введя национальные гимны для каждой из стран.

Гимны исполняются не только во время важных политических мероприятий, чествования победителей, государственных праздников, но и перед значимыми культурными событиями. Например, Сергей Дягилев гимном предварял концерты и спектакли «Русских сезонов». После свержения царской власти Дягилев, естественно, уже не мог открывать выступления артистов гимном «Боже, царя храни», и по его просьбе Игорь Стравинский нашел замену: он сделал аранжировку бурлацкой песни «Эй, ухнем». На обложке партитуры Пабло Пикассо,

ставший близким другом композитора, нарисовал символ революции — красное знамя¹².

Сложилась традиция перед важным событием, будь то встреча в верхах, футбольный матч, или какое-либо другое международное мероприятие, исполнять государственный гимн. Однако оказалось, что эта часть церемонии имеет множество подводных камней, с которыми сталкиваются организаторы мероприятий и исполнители гимнов¹³. Так как растет влияние Китая в мире, то и случаев неверного исполнения гимна Китайской Народной Республики — «Марша добровольцев» — становится все больше. Не учитывается, что кроме КНР есть еще и Китайская Республика на острове Тайвань со своим собственным, непохожим на «Марш добровольцев» гимном. В 2006 году глава КНР Ху Цзиньтао впервые встретился в Вашингтоне с президентом США Дж. Бушем-младшим. Тогда перед одной из церемоний были исполнены национальные гимны обеих стран, но перед этим был объявлен не гимн КНР, а гимн «Китайской Республики», т. е. Тайваня. К счастью, церемониймейстер ошибся в названии страны, но не в выборе музыки. В следующем году, когда власти Гренады благодарили КНР, построившую на острове современный стадион (и строительство стадиона, и льготные кредиты стали платой, которую правительство Гренады получило от КНР за разрыв дипломатических отношений с Тайванем и восстановление отношений с КНР), на церемонии открытия стадиона оркестр Королевской гренадской полиции начал играть то, что считал китайским гимном. Но на самом деле это был тайваньский гимн. За непростительную ошибку пришлось извиняться лично премьер-министру К. Митчеллу.

День нации или национальный праздник — официально установленный праздник страны или нации. Чаще всего он связан со становлением ее государственности и суверенитета. Дата проведения национального праздника назначается на день, имеющий наибольшее политическое значение в истории становления страны или нации. Как правило, этот день является общегосударственным выходным днем, по всей стране проводятся праздничные мероприятия. К таким дням относятся дни независимости, свободы (освобождения), республики

или монархии. Обычно государство имеет только один национальный праздник, но, например, Пакистан отмечает их несколько, а в специальных административных районах Китая Гонконге и Макао празднуется и день создания административного района, и Национальный День КНР.

Важность, придаваемая Дню нации, и размах праздничных мероприятий значительно варьируются от страны к стране. В Испании, например, День Испании имеет точную дату происхождения — 12 октября 1492 г., когда Христофор Колумб впервые ступил на берег Америки. На праздничных мероприятиях в этот день проводится военный парад (как правило, в Мадриде) под руководством короля Испании. Во Франции День нации отмечается 14 июля и называется Национальным праздником. За пределами Франции он называется Днем взятия Бастилии. Праздник широко отмечается в стране, французский триколор в этот день можно увидеть повсеместно, а Президент Республики принимает участие в военном параде на Елисейских полях в Париже. В США 4 июля — День независимости. В Ирландии национальный праздник День святого Патрика (17 марта) является выходным днем, а в последние годы он становится полноправным общественным праздником и в Северной Ирландии. Сейчас компании начали поощрять празднование национального праздника Англии, Шотландии и Уэльса в день Святого Андрея. В 2007 году парламент Шотландии принял специальный закон, закрепляющий праздничный день в честь этого святого. Имеются и другие предложения по введению Дня нации в Британии.

В большинстве государств зафиксированы даты Дня нации. Однако Ямайка празднует свой национальный день в первый понедельник августа, отмечая независимость от Великобритании, подписанную в понедельник: 6 августа 1962 г. был первым понедельником августа того года. В Таиланде, который празднует день рождения своего короля 5 декабря, дата праздника будет меняться после смены монарха. В Российской Федерации национальный праздник — День России, отмечается ежегодно 12 июня. Он установлен в 1992 году в честь принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР (1990).

Особое место расположения государственной символики — военная форма или форма различных силовых структур государств, принадлежность к которым, место в иерархии, а также отличие в боевых действиях, обозначается с помощью самых разнообразных нашивкой, знаков различия и нагрудных знаков. Шеврон или нашивка представляют собой отличительный знак, нашивающийся на одежду и служащий свидетельством государственной принадлежности человека в форме или принадлежности к определенной структуре, службе, роду войск и к конкретному подразделению. Также шевроны и нашивки указывают на выслугу лет, срок учебы в военном училище, воинское или специальное знание (в дополнение к погонам и петлицам или вместо них, как, например, в гражданском морском, речном и воздушном флоте), могут быть квалификационными знаками. Появление слова «шеvron» в военном деле относится к временам парусного флота, когда офицеры, стоящие во главе абордажных команд, повязывали на рукава камзолов парчовый или вышитый золотой монограммой платок, чтобы во время схватки на палубе вражеского корабля матросы могли видеть своих командиров. Позже подобные перевязи стали пришиваться к рукавам, а старшинство абордажных начальников определялось числом пришитых перевязей. В период правления Наполеона Бонапарта шевроны обозначали ранения, а затем выслугу лет в гвардии.

Происхождение таких знаков отличия имеет длительную историю. Еще в древности первобытные охотники и воины стремились посредством подобных знаков продемонстрировать свои успехи в охоте или сражении, используя для этого хвосты добытых зверей, акулий зубы или скальпы убитых врагов. Есть теория, которая даже выводит появление одежды из знаков отличия за победы такого рода. Разнообразные прототипы шевронов распространились в ранних государствах, где возникала необходимость регулировать общественные процессы, основанные на разделении труда и распределении между людьми социальных функций. А на многочисленных войнах, которые вели ранние государства, вообще было крайне необходимо отличать своих от чужих, выделять представителей своей группы, под-

разделения или отряда от всех остальных. Первоначально эмблемы, позволяющие легко это делать, изображались преимущественно на щитах. В Древнем Китае впервые появляются отличительные нашивки на одежде.

В Европе распространение этой традиции относится ко времени Средневековья. Но во многом практика фиксирования отличий продолжала военные традиции Древнего Рима, где каждый легион, каждая когорта и каждое подразделение имели свои особые значки и эмблемы. Нашивки на одежде крестоносцев можно считать непосредственными прототипами шевронов. Спустя несколько столетий появились нашивки на плащах, на груди и на плечах. Их носили мушкетеры и гвардейцы короля и кардинала во Франции времен Генриха Наваррского и Людовика XIII, а также солдаты и офицеры аналогичных подразделений других офицерских стран. Кресты, которые нашивались на униформу разных рот, различались по цвету и форме, то есть в полной мере выполняли те же функции, что и современные шевроны и нашивки. Тридцатилетняя война (1618–1648) доказала преимущество постоянной армии, а с этим и необходимость знаков отличий для тех, кто в ней служит.

С тех пор в разных странах сложилась собственная система обращения с такими знаками отличия. Где-то, как в США, она разработана исключительно подробно, а где-то повторяет общепринятые в современных государствах правила. В US Army на правом рукаве формы BDU на расстоянии 1,27 см (1/2 дюйма) от верхнего шва, соединяющего рукав формы с плечом носится флаг США. Согласно Положению об этикете Государственного флага США (US flag Etiquette) носится только «полноцветный» флаг (при этом углы флага должны касаться верхнего дугообразного шва). В том случае, если военнослужащий принимал участие в боевых действиях в составе другого подразделения, то над флагом пришивается нашивка данного подразделения на расстоянии 1,27 см (1/2 дюйма) от верхнего шва. Флаг пришивается ниже вплотную к верхней нашивке. Предписания Положения об этикете не распространяются на ношение флага во время ведения боевых действий (имеются в виду непосредственно боевые операции). Во время ведения бое-

вых действий военнослужащие носят флаги на обоих руках — «полноцветные» в городских условиях, а вне населенных пунктов — «приглушенные». Последние имеют основу цвета формы, рисунок вышивается черной или темно-коричневой нитью. Особенно подчеркнем, что флаги носят звезды вперед на обеих руках, пришитые на расстоянии 1,27 см (1/2 дюйма) от верхнего шва или на нарукавных карманах в случае использования формы нового образца — АСУ.

Помимо основных символов государства имеются и дополнительные. К ним могут относиться цветы, деревья, животные, географические объекты. Добавление новых элементов символического ряда сопровождается процессом расширения зоны использования государственной символики. Но эти действия не всегда отражают корректное, уважительное отношение к символам. Например, не прекращаются попытки использовать государственную символику в качестве торговых марок. Особенно это касается символики бывших государств. Суд Европейского союза запретил использовать герб СССР в качестве торговой марки на территории Старого Света. В 2006 г. агентство OHIM, отвечающее за регистрацию торговых марок в Европе, отказалось утвердить запрос компании «Couture Tech» на регистрацию советского герба в качестве бренда. Компания подала апелляцию, однако, Суд Евросоюза подтвердил решение OHIM, поскольку законодательство ЕС не может защищать символы, которые «противоречат общественному порядку и общепринятым принципам морали». В заявлении суда в частности отмечалось, что «по законам Венгрии серп, молот и пятиконечная красная звезда считаются символами деспотизма и их использование противоречит государственной политике»¹⁴. В первоначальном решении OHIM говорилось об аналогичной законодательной и административной практике в Латвии и Чехии. Таким образом, изучение государственной символики имеет не только общеобразовательное, но и практическое значение.

И, конечно, одним из главных символов государства является название, то есть вербальная или словесная форма обозначения государства. Официальное название нашего

государства — Российская Федерация — закреплено статьей 1 Конституции Российской Федерации. Примечательно, что ст. 2 Конституции декларирует равнозначность наименований «Российская Федерация» и «Россия». В связи с этим нельзя не обратить внимания на то, что в стране повсеместно распространено использование при написании или в речи буквосочетания «РФ» для обозначения Российской Федерации. Несмотря на то, что оно понятно практически всем по существу, то по форме является ошибочным, так как такой официальной аббревиатуры не существует. Недопустимо употреблять такое сокращение в любых официальных документах. Но с точки зрения обычного восприятия письменной информации, такое буквосочетание приемлемо, не вызывает двоякого толкования в соответствующем контексте.

В истории многих государств известны их официальные переименования. До 1989 года Мьянма называлась Бирмой. Слово «Мьянма» по-бирмански означает «быстрый», «сильный» и перекликается со словом «Мья», имеющим значение «изумруд». В октябре 2010 г. власти этой страны смени название «Союз Мьянма» на «Республика Союз Мьянма». Иногда название государства меняется не в нем самом, а в переводе на иностранный язык. Например, в русском языке до середины XX века было распространено наименование Соединенных Штатов Америки (США) как Северо-Американские Соединенные Штаты (САСШ). В ноябре 2012 г. президент Мексики Ф. Кальдерон предложил убрать слова «Соединенные Штаты» из официального названия страны¹⁵. Мексиканскими Соединенными Штатами страна была названа в 1824 году после того, как добилась независимости от Испании. Официальное название встречается преимущественно в официальных документах, а также на денежных купюрах, а в повседневной жизни практически не используется. И эта инициатива мексиканского лидера только подчеркивает современную тенденцию сближения государственных символов с миром повседневности, миром простых людей, обычных граждан своего государства.

Умберто Эко в «Откровениях молодого романиста» вспоминает своего знакомого, чело-

века мягкого и чувствительного, который говорил: «Всякий раз, когда визу на экране развешивающийся флаг, плачу навзрыд. Независимо от того, флаг какой страны показывают»¹⁶. В мире не так много столь мягких и чувствительных людей, но при этом можно отметить, что подавляющее большинство населения во

всех странах испытывает особые чувства при виде любой государственной символики. А это может служить косвенным доказательством того, этим они отдают дань уважения традициям государств, их роли в развитии не только национальных и федеративных, но и международных отношений.

¹ Цит. по: Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. М.: Логос, 1999. С. 42.

² Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М.: Международные отношения, 1995. С. 106.

³ Автоматы и пулеметы Калашникова находятся на вооружении 55 стран мира. Причем сам автомат Калашникова изображен в национальных гербах шести держав. Этот вид оружия запечатлен не только в государственной символике иностранных государств, ему установлен тридцатиметровый памятник в Египте на Синайском полуострове. А к 60-летию легендарного автомата монетный двор Новой Зеландии отчеканил монеты с гравировкой АК-47, достоинством в два новозеландских доллара.

⁴ Белаш В. Перемещенные символы // Коммерсантъ-власть. 2007. № 48. С. 60–62.

⁵ Версек К. Дипломатический кризис: Венгры ведут с Румынией «войну за флаг» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.profile.ru/article/diplomaticeskii-krizis-vengry-vedut-s-rumyniei-voinu-za-flag-74724>

⁶ Там же.

⁷ Зубов Н. Вьетнамцам поменяли госсимволику // Коммерсантъ-власть. 2003. № 6. С. 39.

⁸ Подъемный круг // Коммерсантъ-власть. 2008. № 46. С. 42.

⁹ Коммерсантъ-власть. 2006. № 33. С. 15.

¹⁰ Новиков К. Годный для войск, годный для народа — от ученого до невежды // Коммерсантъ-власть. 2008. № 29. С. 54–60.

¹¹ Крель-опера — театр, работавший в Берлине как филиал Немецкой государственной оперы в течение четырех сезонов с 1927 по 1931 гг. Получил свое название по имени театра Й. Кроля. Крель-опера вошла в историю оперного искусства как экспериментальный театр, в котором осуществлялись поиски новых, преимущественно условных, выразительных средств сценического воплощения оперы. В ноябре 1943 г. здание Крель-оперы было повреждено во время атак ВВС Великобритании.

¹² Нехамкин Э. Эйнштейн музыки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestnik.com/issues/2000/0801/win/nehamkin.htm>

¹³ См.: Головинченко Д. Песня с последствиями // Коммерсантъ-власть. 2011. № 6. 14 февр.

¹⁴ В ЕС запретили превращать герб СССР в торговую марку // Известия. 2011. 20 сент.

¹⁵ Lenta.ru. 23.11.2012.

¹⁶ Эко У. Откровения молодого романиста. М.: АСТ; CORPUS, 2013. С. 305.

УДК 32

ФОНАРЁВ Михаил Алексеевич,

Президент Евразийского политологического экспертного клуба,
заместитель руководителя Центра политико-правовых
исследований Евразийского НИИ проблем права
e-mail: migelelantern@gmail.com

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: «ЦВЕТА» И «БАРХАТ»

За последние 10 лет целая волна «цветных революций» прокатилась по странам бывшего СССР и советского блока. Одни страны смогли устоять перед этими «волнами», другим повезло меньше. Как же эти революции все-таки возникают? В чем их причины? Именно на эти вопросы, и не только, будут даны ответы в данной статье. Основные причины революций кроются в самих государствах, где они происходят, во внутренних противоречиях и конфликтных ситуациях в обществе. И лучшая профилактика революций — принимать продуманные и взвешенные политические решения по управлению государством.

Ключевые слова: Советский Союз, «цветная революция», «оранжевая революция», «бархатная революция», интеграция, дезинтеграция, СНГ, кризис, молодежные движения, оппозиция, митинг.

Если углубиться в терминологию, то понятие революция происходит от позднелатинского слова *revolutio* (поворот, переворот, превращение, обращение) — радикальное, коренное, глубокое качественное изменение общества, сопряженное с открытым разрывом с предыдущим состоянием. У любого социального явления, в том числе у явления социального протеста, есть свои идентификационные признаки. Цветовое обозначение самое доходчивое, но есть и другие символы протеста, поэтому у социальных революций (особенно незавершенных) могут быть множество наименований — «цветные», «цветочные», «твиттер» и т. п.

Термин «цветная революция» появился лишь в начале 2000-х годов. До этого времени на постсоветском пространстве проходили «бархатные революции». «Бархатная революция» — процесс бескровного демонтажа коммунистического режима в постсоветских странах (например, в Чехословакии в ноябре-декабре 1989 года).

В настоящее время в научном мире отсутствует консенсус по вопросу о том, какое именно событие можно считать «цветной революцией». К примеру, «Бульдозерная революция» в Югославии, «Революция роз» в Грузии, «Оран-

жевая революция» на Украине и «Тюльпановая революция» в Киргизии — официально считаются цветными революциями¹.

Ряд исследователей идут дальше и возводят понятие цветной революции к португальской «Революции гвоздик», когда 25 апреля 1974 г. был совершен бескровный переворот левого толка, в Лиссабоне в Португалии, который изменил режим правления с фашистской диктатуры на либерально-демократический строй².

Однако последний пример не может быть отнесен к «цветным революциям», поскольку основными организаторами португальского переворота были военные, в то время как главными действующими лицами «цветных революций» являются гражданские лица и в первую очередь — активная оппозиционная молодежь. По этой же причине нельзя считать «цветной революцией» переворот в Иране 19 августа 1953 г., когда премьер-министр Мохаммед Мосаддык был свергнут в результате действий, санкционированных США. Хотя именно переворот в Иране 1953 года можно назвать прообразом будущих «цветных революций».

СМИ и другие авторитетные источники, включая президентов республик, еще более расширяют список цветных революций:

2000 г. — «Бульдозерная революция» в Югославии.

2003 г. — «Революция роз» в Грузии.

2004 г. — «Оранжевая революция» на Украине.

2005 г. — «Тюльпановая революция» в Киргизии.

2006 г. — Попытка «Васильковой революции» в Белоруссии³.

2008 г. — Попытка «цветной революции» в Армении⁴.

2009 г. — Попытка «цветной революции» в Молдавии⁵.

Более структурированное понятие «цветной революции» было сформировано относительно недавно. Одной из основополагающих работ по «цветным революциям» стала книга американского профессора политологии Джина Шарпа «От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения», которая была издана в 1993 году. Д. Шарп рассматривает борьбу с не западно-ориентированными государствами как борьбу с диктатурой. Его книга детально рассказывает о том, как осуществить революцию, используя самые простые методы. Она стала подлинной библией деятельности молодых революционеров. В ней искали практического вдохновения оппозиционные движения Югославии, Грузии, Украины, Киргизии и многих других стран. Эта книга представляет интерес как классическое руководство к действию, подробно раскрывающее тактику и стратегию деятельности внутри тоталитарных и авторитарных государств.

Но в чем же причина «цветных революций»? По словам директора института стран СНГ К.Ф. Затулина, «цветные революции» вызваны несколькими основными причинами: «Первая причина — глубокий кризис новых независимых государств, в которых эти революции произошли. Глубокий внутренний политический и экономический кризис. Вторая причина — неразделенное желание мировой сверхдержавы и других сил, заинтересованных в разделе и влиянии, продвинуть свои интересы. Третья причина — это кризис нашей собственной методики и методологии российской внешней политики. Четвертая причина — проблемы в сфере экономики. Основные проблемы лежат в сфере экономики: нищета больших

масс населения, а также отсутствие среднего класса, являющегося гарантом стабильности, приводит к дестабилизации в стране. Эффективная экономика — ключ к решению большинства сложных задач»⁶.

Как считают исследователи, никакие Соединенные Штаты, Китай, Россия вместе взятые, не смогли бы раскачать ситуацию, даже если бы они этого очень захотели в этих государствах, если бы не было внутренних причин, и что «хворост для костров оппозиции» все эти годы собирала сама власть⁷. На Украине, в Грузии и Киргизии (в Югославии ситуация была несколько иной) власть долго находилась у «руля». Аскар Акаев был у власти еще до момента предоставления независимости Киргизии. Эдуард Шеварднадзе в 1992 году вернулся в Грузию, Леонид Кучма два срока был президентом — предельное число раз по украинской конституции. Естественно, за такой долгий период накапливаются не только успехи, но и проблемы в жизни любого государства и растет не только число сторонников, но и противников.

Основная проблема многих стран заключается в том, что правительство не сотрудничает с оппозицией, а игнорирует, а порой и подавляет ее. Угроза революции в государстве — это как болезнь в человеке, «симптомы» которой говорят о том, что с организмом что-то не так. Если не обращать внимания на эти «симптомы» и жестко подавлять их, то руководство страны не излечит организм, а всего лишь загонит болезнь в глубину, где она будет прогрессировать и развиваться. И в один прекрасный момент она все-таки выберется наружу, но остановить ее будет уже гораздо сложнее.

Однако «цветные революции» могут быть осуществлены не только за счет того, что в государстве, где они проходят, есть проблемы (это само собой разумеющееся, ибо нет страны, у которой не было бы внутренних и внешних проблем), но и за счет того, что они были кому то нужны. И не только тем, кто их проводил, но и тем, кто их организовывал. Как правило, такие «организаторы» находятся далеко от площадей, улиц и бастующего народа — но при этом, они оказывают всяческую помощь, как политическую, так и финансовую всем революционно настроенным организациям.

Некоторые страны взяли на себя обязательства по построению миропорядка по своему собственному разумению. История учит нас, что любой, кто берет на себя ответственность за передел мира, в итоге платит очень высокую цену.

Страны, которые распространяют идеи о свободе (в их понимании), тоже не альтруисты. Они преследуют определенные цели. По словам директора «Института Альберта Эйнштейна» Джина Шарпа, есть несколько моментов, связанных с иностранным вмешательством во внутренние дела той или иной страны:

- Иностранные государства зачастую терпят или даже напрямую помогают диктатуре в целях обеспечить собственные экономические или политические интересы.

- Иностранные государства также могут предать народ страны, где готовится «цветная революция» и не сдержать свои обязательства по оказанию ему помощи ради достижения другой цели.

- Некоторые иностранные государства будут предпринимать действия против диктатуры лишь для того, чтобы добиться собственного экономического, политического или военного контроля над страной.

- Иностранные государства могут активно вмешаться в позитивных целях только тогда, когда и если внутреннее движение сопротивления уже начало расшатывать диктатуру, привлекая внимание международной общественности к жестокой природе режима⁸.

В настоящее время среди ученых нет единой точки зрения на то, что явилось основной причиной «бархатной революции» в СССР и как ее следствие — распад страны. Также, до сих пор спорят, и будут спорить на тему, возможно ли было предотвратить процесс распада СССР. Один из видных исследователей распада СССР Пихоя Р.Г. сводит основные причины к следующему:

- центробежные националистические тенденции, присущие каждой многонациональной стране и проявляющиеся в виде межнациональных противоречий, столкновений (Карабахский конфликт, «Ошская резня» и др.) и желания отдельных народов самостоятельно развивать свою культуру и экономику;

- авторитарный характер советского общества (гонения на церковь, преследование КГБ диссидентов, принудительный коллективизм);

- господство одной идеологии, запрет на общение с заграницей, цензура, отсутствие свободного обсуждения альтернатив (особенно важно для интеллигенции);

- растущее недовольство населения из-за перебоев с продовольствием и самыми необходимыми товарами (холодильники, телевизоры, туалетная бумага и т. д.), нелепые запреты и ограничения (на размер садового участка и т. д.), постоянное отставание в уровне жизни от развитых стран Запада;

- постоянная нехватка товаров народного потребления, растущее техническое отставание во всех сферах обрабатывающей промышленности;

- кризис доверия к экономической системе: в 1960–1970-е гг. главным способом борьбы с неизбежным при плановой экономике дефицитом товаров народного потребления была выбрана ставка на массовость, простоту и дешевизну материалов, большинство предприятий работали в три смены, производили сходную продукцию из материалов невысокого качества. Количественный план был единственным способом оценки эффективности предприятий, контроль качества был минимизирован. Результатом этого стало резкое падение качества производимых в СССР товаров народного потребления, как следствие, уже в начале 1980-х гг. термин «советское» в отношении товаров был синонимом термина «низкокачественное». Кризис доверия к качеству товаров становился кризисом доверия ко всей экономической системе в целом;

- ряд техногенных катастроф (авиакатастрофы, чернобыльская авария, крушение парохода «Адмирала Нахимова», взрывы газа и др.) и сокрытие информации о них;

- неудачные попытки реформирования советской системы, приведшие к стагнации, а затем развалу экономики, что повлекло за собой развал политической системы (экономическая реформа 1965 года);

- снижение мировых цен на нефть, пошатнувшее экономику СССР;

- моноцентризм принятия решений (только в Москве), что приводило к неэффективности и потере времени;

- поражение в гонке вооружений, победа «рейганомии» в этой гонке;

- Афганская война, холодная война, непрекращающаяся финансовая помощь странам социалистического лагеря, развитие ВПК в ущерб другим сферам экономики разоряли бюджет⁹.

Все это в сумме не могло не оказать губительного влияния на страну. Из перечисленных причин видно, что повлиять на ситуацию в 90-е годы было уже очень сложно, ибо основные проблемы, вызвавшие кризис, были заложены за годы, а порой и за десятилетия до событий 1991 года.

Главной предпосылкой к перевороту в Югославии была непрекращающаяся гражданская война, которая включала в себя ряд межнациональных конфликтов между сербами с одной стороны и хорватами, босняками и албанцами с другой, а также конфликты между босняками и хорватами в Боснии и Герцеговине и албанцами и македонцами в Македонии, вызванные религиозными и этническими противоречиями. Югославская война стала самой кровопролитной в Европе после Второй мировой войны.

В целом Югославская война подразделяется на три периода:

1. Конфликты в период распада СФРЮ:

- десятидневная война в Словении (1991);

- война за независимость Хорватии (1991–1995);

- Боснийская война (1992–1995).

- операция НАТО «Обдуманная сила» (Босния и Герцеговина, 1995);

2. Конфликты в албанских районах:

- Косовская война (1996–1999);

- война НАТО против Югославии (1999).

3. Окончательная потеря страной самостоятельности:

- конфликт в Прешевской долине (2000–2001);

- конфликт в Македонии (2001).

Из приведенной периодизации видно, что когда не хватало внутренних противоречий, заинтересованная сторона использовала прямое силовое воздействие. Отрадно, что самой

России удалось избежать подобного сценария. При этом, «цветной революцией» в Югославии можно назвать только сам переворот последовавший за последним периодом войны, а саму войну — поводом.

Классической «цветной революцией» можно считать смену элит на Украине, где предпосылки к перевороту носили совсем уже удивительный характер. Основной, послужившей к началу кампании протестов, митингов, пикетов, забастовок и иных акций гражданского неповиновения, послужило массовое недоверие к официальным итогам выборов. Толчком к протестам послужило объявление лидерами оппозиции о факте фальсификации выборов.

Объективно, украинская предпосылка революции — одна из самых надуманных. Строго говоря, все это можно было наблюдать в каждой стране, где отрабатывался «цветной сценарий», но на Украине мастерство его проведения достигло своего апогея.

Страна была разделена на два основных противоборствующих политических лагеря. Первый — значительная часть жителей западной Украины, которые и составили главную основу для революционной массы. Эта группа поддерживала западный вектор развития страны и искренне считает, что Россия будет препятствовать процветанию Украины.

Второй лагерь — основная часть жителей восточной Украины, где проживают русскоговорящие украинцы. Они выступают за тесное сотрудничество и дружбу с Россией. Противостояние двух политических лагерей и являлось главной кульминацией «Оранжевой революции» на Украине.

В России аналитики, изучив сценарии «цветных революций» после украинских событий, пришли к выводу, что необходимым элементом в технологии переворотов является создание сетевых молодежных движений, «зараженной» идеей революции и сменой власти». До тех пор значение молодежи в избирательных кампаниях в целом и участии в голосовании в частности недооценивались. Она считалась политически пассивной группой населения. Между тем в переворотах молодежные политические организации (в Югославии — «Отпор», в Грузии — «Кмара!», на Украине — «Пора») сыграли важнейшую роль. Во-первых, все массовые

акции с привлечением населения проводились с помощью именно молодежи, в большей части студентов. Во-вторых, молодежные организации выводили на улицы десятки тысяч человек, способных противостоять силовым подразделениям. В-третьих, именно массовое участие молодежи создавало вокруг происходивших событий ореол «подлинной революционности», позволяло выдавать движение за общенародное дело.

Переустройство постсоветского пространства происходит (или происходило) в результате плохо управляемого процесса, отражающего пересечение разных проектов: проекта интеграции и проекта дезинтеграции. У каждого из проектов имеются заинтересованные силы, которые и способны запускать в действие конкретные политические механизмы. Цветные революции — один из таких механизмов.

¹ Нарочницкая Н.А. Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. СПб.: Алетейя, 2008. С. 23.

² Суханов В. И. «Революция гвоздик» в Португалии: Страницы истории. М.: Мысль, 1983. С. 11.

³ Лурье С. «Васильковой революции» не будет // Спецназ России: общ-полит. изд. 2005. Авг. [Электронный ресурс]. URL <http://www.specnaz.ru/article/?753>

⁴ Юрьева Д. Шутки в сторону // Российская газета: ежедн. интернет-изд. 2008. 7 марта. URL <http://www.rg.ru/2008/03/07/sarkisyan.html>.

⁵ В Кишиневе пытались устроить цветную революцию // Корреспондент.net: ежедн. интернет-изд. 2009. 14 апр. URL <http://korrespondent.net/world/804755>

⁶ Затулин К.Ф. Цветные революции вызваны глубоким кризисом новых независимых государств // Ежедн. интернет изд-е. 2005, 5 июля. URL: <http://www.kreml.org>

⁷ Там же.

⁸ Шарп Д. От диктатуры к демократии. Концептуальные системы освобождения. М.: Новое изд-во. 2005. С. 6.

⁹ Пихоя Р.Г. Почему распался СССР? // Россия в XX веке: Реформы и революции: В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 121–145.

УДК 32.00(470.57)

ХОРОШАВЦЕВА Ольга Петровна,
кандидат культурологии, доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВПО «Академия труда и социальной защиты» (г. Уфа)
e-mail: olga.horoshavtseva@

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И ИХ РОЛЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (на примере Республики Башкортостан)

В данной статье характеризуется региональный уровень развития средств массовых коммуникаций и их роль в межкультурных взаимодействиях. Средства массовой коммуникации являются сегодня мощным средством воздействия на общество, в том числе и в Республике Башкортостан. Выявлена и обоснована необходимость активизации просветительской деятельности посредством масс-медиа, направленной на интеграцию представителей разных этнических и конфессиональных культур, как постоянно, так и временно проживающих на территории республики, а также городского и сельского населения.

Ключевые слова: средства массовых коммуникаций, масс-медиа, интеграция, межкультурное взаимодействие.

Межкультурная коммуникация может происходить на разных уровнях в сферах макро- и микрокультур, при этом первая проходит в горизонтальной плоскости, а вторая — в вертикальной.

Изучение межкультурных коммуникаций в макрокультурном пространстве является важным и ложится в основу многих исследований. Но не менее интересной и актуальной для России представляется ситуация в микрокультурной сфере. Прежде всего это связано с тем, что, с одной стороны, Россия полиэтническое, поконфессиональное государство (характеристики уровня больших социальных групп — макрокультура). С другой стороны, Российская Федерация состоит из 83 регионов, представители которых постоянно вступают во взаимодействие друг с другом.

В статье «Межкультурное взаимодействие после кризиса» Т.В. Панфилова говорит о целесообразности структурирования и подробного анализа уровневой организации процесса межкультурной коммуникации: «Кризис показал, что проблемы межкультурного общения... приобретают все большую остроту и но-

вые аспекты. Выделение различных уровней и субъектов межкультурного взаимодействия оправдало себя. С помощью такого выделения удастся более четко осмыслить социальную природу взаимодействия, представляемого как межкультурное общение. Межкультурное взаимодействие, связанное с миграцией, на практике расширяется и дополняется политическими и идеологическими моментами, тогда как гуманистический подход к решению этих проблем остается чисто теоретическим»¹.

Для обозначения данного феномена в межкультурной коммуникации существует специальное понятие «региональная коммуникация»². Региональная коммуникация возникает между жителями различных областей (местностей), поведение которых в одинаковой ситуации может значительно отличаться, но и внутри одного региона, зачастую, межкультурные практики имеют свои характерные особенности. Попробуем их выделить на примере Республики Башкортостан, так как это — один из самых полиэтничных регионов России, формирование которого началось в XVI в., с момента вхождения башкирских

племен в состав Российского государства, и продолжается до сих пор.

Республика Башкортостан — субъект Российской Федерации, названный по имени коренного народа — башкир. Республика расположена в южной части Уральских гор, на границе Европы и Азии, входит в Приволжский федеральный округ.

Республика — один из основных нефтеперерабатывающих районов страны, центр химической промышленности и машиностроения. Ведущими отраслями специализации являются топливная промышленность, химия и нефтехимия, электроэнергетика, металлургия, машиностроение, сельскохозяйственная, легкая и пищевая промышленности, биофармацевтика, индустрия здоровья, деревообработка, кожевенное производство.

Башкортостан — многонациональный край. По этническому составу 36,3% населения республики составляют русские, 29,8% — башкиры, 24,1% — татары. Коренное население республики — башкиры. В республике также проживают чуваша, марийцы, украинцы, мордва, немцы и представители около ста других национальностей. Государственными языками, согласно Конституции Республики Башкортостан, являются башкирский и русский языки.

Вышеперечисленные этнокультурные особенности региона определяют ряд ключевых вопросов межкультурных коммуникаций, связанных со взаимодействием представителей разных этнических и конфессиональных культур, как постоянно, так и временно проживающих на территории республики, а также городского и сельского населения.

В связи с тенденцией возрастания роли информационных процессов в государстве и обществе и развития средств массовой коммуникации для обеспечения эффективной деятельности органам власти необходима гибкая информационная политика. Она должна определять задачи, пути и средства по развитию и использованию информационного пространства и информационных ресурсов. Рассмотрим состояние средств массовой коммуникации в Республике Башкортостане их вклад в решение проблем межкультурных коммуникаций.

В Послании 2001 года ныне экс-президента Республики Башкортостан М.Г. Рахимова Го-

сударственному Собранию «К рубежам устойчивого развития»³ подчеркнуто, что в условиях глобализации общественных процессов информатика приобретает особое значение. Он отметил, что без внедрения новой техники и связи в сферы государственного управления, производства, науки и образования невозможно осуществить полноценную интеграцию Башкортостана в мировое информационное пространство. Развитие компьютеризации, внедрение современных информационных технологий становится неременным условием экономической конкурентоспособности республики.

Наряду с важнейшими преобразованиями в социально-экономической сфере встала задача определения приоритетов в области информационной политики. Необходимо было конкретизировать основные направления деятельности государственной власти по информатизации общества, развитию коммуникационной инфраструктуры. Это требовало принятия оптимальных решений для обеспечения нормативно-правовой базы, институционализации, а также создания информационных систем.

В республике данные направления политики были своевременно реализованы. Еще в декабре 1994 г. Президентом Республики Башкортостан был подписан Указ «О создании единой системы информационно-коммуникационного взаимодействия органов государственной власти и управления Республики Башкортостан». Был принят ряд других важнейших решений. При Кабинете Министров создан Координационный совет по внедрению информационных технологий. Одновременно решается задача внедрения единой автоматизированной системы делопроизводства и документооборота органов государственной власти. Она объединяет потоки электронных документов, обеспечивает оперативность и качество работы, автоматизированный контроль. Используя открытые общедоступные каналы связи, обеспечен защищенный информационный обмен на уровне самых высоких стандартов. Свыше 15 тыс. государственных и муниципальных организаций уже получили сертификаты открытых ключей с российскими криптографическими средствами и могут полноценно участвовать в электронном документообороте,

обмениваясь юридически значимыми документами с использованием электронной цифровой подписи⁴. В республике на сегодняшний день созданы все основные элементы, необходимые для построения электронного правительства и оказания услуг в электронном виде.

Для эффективного использования информационного пространства, ресурсов и технологий в Администрации Президента Республики Башкортостан были произведены структурные изменения — создано Информационное управление, включающее отдел по мониторингу и анализу информации и отдел по связям со СМИ. В администрациях районов и городов были образованы информационно-аналитические управления, службы и отделы, задачи которых в Послании Президента Республики Башкортостан были определены следующим образом: «Уверен, что государственные органы и далее будут развивать сотрудничество с такими важными институтами гражданского общества, как религиозные организации и конфессии. Это позволит сохранить атмосферу межнационального и межрелигиозного согласия, развивать благотворные исторические традиции и духовные ценности народов Башкортостана. Проведение системной информационно-разъяснительной работы с населением должно стать одним из приоритетных направлений деятельности Кабинета Министров, всех министерств и ведомств, местных органов государственной власти. Думаю, что создание в администрациях районов и городов информационно-аналитических служб позволит улучшить координацию деятельности в этой области, оживить массовую работу с людьми в трудовых коллективах, учебных заведениях и по месту жительства»⁵.

Информационно-аналитические службы в целом справляются с возложенными на них задачами. В большинстве администраций районов и городов улучшилось взаимодействие со средствами массовой информации, усилились связи с общественностью. Например, в Уфе и ее районах регулярно проводятся пресс-конференции, выступления руководителей в газете «Вечерняя Уфа» и на телеканале «ТВ-6-Уфа», выпускается информационный бюллетень, действует официальный сайт Уфы. Содержательно работают информационно-

аналитические службы в городах республиканского значения Стерлитамак, Агидель, Нефтекамск, Мелеуз, Салават, Давлеканово, а также Мечетлинском, Дюртюлинском, Татышлинском, Илишевском и других районах. В городе Агидель налажен выпуск бюллетеня «Агидель-информ», в местной газете создана рубрика «Спрашивали — отвечаем», активен выход республиканских изданий. В газетах Белебея и Илишевского района действуют рубрики «Информационно-аналитический отдел отвечает». В Стерлитамаке функционируют «Телефон доверия», «Прямой телефон», диспетчерская служба «05». В Давлеканово и районе в практику работы администрации вошла такая форма, как перемещаемый по предприятиям и организациям почтовый ящик «Ваше мнение».

В городе Октябрьском в рамках ТИАС наряду с подсистемами «СМИ», «Политические партии», «Общественные организации», ориентированными на активную гражданскую позицию, имеются подсистемы «Религиозные организации» (Приход Богородице-Смоленского храма, Религиозная организация «Поместная церковь Христиан-Адвентистов Седьмого дня», Церковь евангельских христиан баптистов «Спасение» города Октябрьского, Местная мусульманская религиозная организация «Аль-Кашшаф», местная мусульманская религиозная организация Махалля № 1684 пос. Нарышево и т. д.) и «Национальные движения», призванные удовлетворить информационные потребности представителей различных национальных и религиозных культур (башкиры, татары, славяне, чуваша, немцы). Подобные положительные примеры мирного взаимного сосуществования есть и в ряде других районов республики.

Все более значительными становятся информационные ресурсы республики и их активизация в мировой компьютерной сети. В 1997 году создан официальный информационный Интернет-сервер органов государственной власти Республики Башкортостан, где открыт официальный сайт Администрации Президента Республики Башкортостан со страницей Президента Республики Башкортостан (адрес: www.bashkortostan.ru). С 2002 года в республике реализуется Концепция информационной политики, координацию которой осуществля-

ет Межведомственная комиссия по развитию информационных и телекоммуникационных технологий. С этого момента действует официальный информационный портал органов государственной власти Республики Башкортостан. В частности, имеется официальный сайт Полномочного представительства Республики Башкортостан при Президенте Российской Федерации, созданы сайты ряда министерств и ведомств, предприятий, учреждений, городов республики. Сегодня использование информационных технологий в республике приобрело системный характер, пространство республики становится все более открытым для российского и мирового сообщества.

Кардинальным образом изменилось медиапространство с открытием в «Живом журнале» блога Президента Республики Башкортостан Рустэма Хамитова. Шквал обращений напрямую к первому лицу региона позволил выявить те проблемы, которые были присущи всей системе государственного управления, а традиционные СМИ получили реальную обратную связь с населением региона⁶. Попутно отметим, что главы городов и районов Башкирии по примеру Президента начали открывать свои блоги в «Живом журнале».

Блог представляет собой доступную, открытую форму общения, где каждый житель республики может напрямую обратиться к Президенту как с вопросами, так и с предложениями. На блоге царит «домашняя» атмосфера, больше напоминающая регулярное общение с близкими в социальных сетях: сообщения, постскрипты отличают неформальность, личная заинтересованность; описания значимых политических событий соседствует с субъективными переживаниями, размышлениями, обращениями к каждому жителю республики. Однако демократический дух блога не отменяет необходимости обсуждения злободневных вопросов, обозначенных в разделе «Актуальные темы», среди которых «Демократизация органов власти», «Экология и природопользование», «Развитие IT-сферы».

Обсуждение проблем межкультурного взаимодействия было активизировано в блоге по инициативе Президента, в связи с проведением в Уфе 11 февраля 2011 г. заседания Президиума Госсовета Российской Федерации «Укреп-

ление межнационального согласия и борьба с ксенофобией». Ход дискуссии представлен в Интернет, но основные идеи и предложения по гармонизации межкультурных коммуникаций, высказанные жителями республики, сводятся к следующим⁷:

- ...большинство за глобализацию, но если мы потеряем свои корни, идентичность, то мы потеряем свое Я! Политика не должна быть направлена на ассимиляцию народов России, тем более малых — это главное! причина в одном... высказывания в СМИ... нужно регулировать прежде всего СМИ. А так мы все за одну страну Россию, какой бы она не была — это наша РОДИНА!

- Необходима... пропаганда межнациональных отношений, расширение на массовом уровне знаний о основных национальностях, о традициях, истории, культуре народов России и мира...

- ...укрепление межнационального согласия является, на мой взгляд, темой более чем серьезной для обсуждения. Не важно, кто мы по национальности и какой у нас цвет кожи, важно то, что мы должны быть едины в своих целях, стремлениях, должны с чувством долга относиться к нашей Родине.

- ...обеспечить всеобщую занятость населения (совместный труд сплачивает очень хорошо) и вернуть общечеловеческие ценности, как то: жизнь каждого человека бесценна; дети — наше будущее... все люди — братья, независимо от вероисповедания....

- ...НКО «Толерантность» вот уже как полгода пытается привлечь внимание властей на проблемы ксенофобии и экстремизма. Но работа эта повторяюсь комплексная и долгая и связана с воспитанием в людях этих качеств. Начинать надо это делать «с молоком матери», ну хотя бы со школы...

- ...Необходимо создать на общероссийских телеканалах (1-й и Россия, на каждом) еженедельные минимум часовые программы, объективно рассказывающие о нынешнем состоянии культуры народов России...

- ...Нужен срочный(!) мониторинг проблем межнационального взаимодействия!...

- ...Если мы сегодня не прекратим обсуждения вопросов о национальном или религиозном превосходстве одних над другими —

и Россию развалим на «удельные княжества». Принимая решения, помните, что наше «будущее» должно стать «настоящим» уже для наших детей...

– ...Нужно провести в Уфе Международный форум «Ислам против терроризма». В этих условиях в мире формируется искаженное представление об исламе как о религии агрессивной, оправдывающей экстремизм и насилие... точно знаю, что террор и ислам не совместимы...

– Нужны фильмы по типу «Мимино»... Этот фильм объединяет народы. Культура и кинематограф могут донести то, что жить в дружбе выгоднее... Почему не снимать фильмы о башкире, татарине и русском, которые, к примеру, в Великой Отечественной войне вместе защищали Родину от фашистов. Надо не только чтобы профессионалы об этом снимали, но и поощрять любительские фильмы о своем роде или крае...

Характер сообщений показывает осознание необходимости и готовность народа к интеграции, диалогу, активному участию в жизни республики по решению сложных проблем межкультурного взаимодействия, с которыми может столкнуться практически каждая 5-я семья (город — 24%, сельская местность — 15,2%). Это связано, прежде всего, с высокой долей этнически смешанных семей. В.Тишков, анализируя этнически смешанные семьи Республики Башкортостан, делает следующий вывод: «Наиболее наглядно показывает уровень распространенности этнически смешанных семей статистические сведения о численности родившихся по национальности матери... Так, у 33% родившихся в республике в 1994 году детей родители принадлежали к разным этническим группам... Большую долю составляют смешанные семьи близкородственных по языку и культуре народов — башкирско-татарские»⁸.

А.Р. Хабибуллина в диссертационном исследовании «Историко-культурные центры как форма оптимизации этнической идентичности и межэтнических коммуникаций в Республике Башкортостан»⁹ приводит данные исследования этнической идентичности, этноинтегрирующих и этнодифференцирующих факторов, проведенного при содействии Министерства культуры и национальной политики Республики Башкортостан Академией наук Республики

Башкортостан. Оно показало, что подавляющее большинство респондентов считают основными этноинтегрирующими признаками, во-первых, происхождение и историю (67,3%), во-вторых, культуру, обычаи и традиции (63,3%). Третьим по значимости этноинтегрирующим признаком более чем половиной респондентов (56,8%) признан язык. Далее следуют религия (48,2%), родная земля, природа, территория (43,5%). Менее популярными оказались такие этноопределители, как традиционная материальная культура (национальная кухня, одежда), внешность и свойства национального характера, особенности поведения.

При этом ситуация применительно к третьему этноинтегрирующему признаку Республики Башкортостан такова, что по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года были получены данные о владении языками в Республике Башкортостан. Каждый четвертый житель республики указал на владение башкирским языком, татарским — каждый третий. Почти все население (96,4%) указало знание русского языка. Кроме того, по данным переписи населения 1989 года, в республике считали родным язык своей национальности 99,9% русских, 92,9% татар и 74,7% башкир. Русский язык считают родным 6,6% татар и 4,6% башкир, башкирский язык — 0,5% татар и 0,02% русских, татарский — 0,1% русских и 20,7% башкир¹⁰. За истекший период в результате внутриреспубликанской миграции сельского населения в города и смешанных браков эти показатели увеличились, что привело к появлению людей со смешанной или нечеткой этнической идентичностью. В результате, основная масса жителей Башкирии на генетическом уровне понимает необходимость мирного этнокультурного взаимодействия.

С учетом полиэтничности региона на законодательном уровне был принят ряд нормативно-правовых документов, предусматривающих «конкретные механизмы реализации конституционных прав граждан по сохранению и свободному развитию языков и национальных культур»¹¹: Закон «О языках народов Республики Башкортостан» (1999), гарантирующий равные права на сохранение и развитие языков всех национальных групп, проживающих на территории Республики Башкортостан; Концепция на-

ционального образования и принципов изучения родных языков в Республике Башкортостан (2005), отражающая устойчивое понимание места и роли национальной школы в поликультурном открытом мире и направленная на формирование толерантной личности и т. д.

Однако в Интернете с заметной частотой появляются сайты различных национальных движений и публикуются материалы, обсуждающие в открытой и достаточно жесткой форме характер взаимоотношений «башкиры-татары-русские», фальсификацию данных переписи населения и др. Например, «Татары никогда не согласятся с махинациями властей при переписи»; «Башкирская статистика как вид жижи»; «О шакалах среди русских»; «Башкирский патриот о демографическом кризисе русских»).

Данные исследования информированности о существовании или деятельности национальных движений отдельных национальностей в Республике Башкортостан и принадлежность к культурной или этнополитической организации своей национальности, проведенного Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии Российской академии наук, показывают, что среди башкир, знающих о подобных организациях, в 6,1 раз больше, чем принадлежащих к данной организации; среди татар и русских соответственно в 6,8 и в 7,5 раза. «Серьезные отличия обнаружились и в мерах информированности граждан о «своих» и «не своих» национальных движениях. Менее всего информированы о «своем» национальном движении русские, среди которых удельный вес знающих в два раза меньше, чем среди татар. Даже городские башкиры больше осведомлены о движении русских, чем сами русские о себе»¹².

Историк и антрополог, директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая В.А. Тишков, анализируя вопросы терроризма, экстремизма, национализма, сепаратизма, диаспор, национальных меньшинств, приходит к выводу о том, что в основе региональных противоречий лежат не исторические или этнические причины, а «современные конфликты современных участников социального пространства по поводу современных проблем, при этом национальная рознь и агрессия подогреваются искусственно и намеренно»¹³.

В 2009 году районный суд г. Уфы признал экстремистским один из порталов, в 2010 году впервые в Республике Башкортостан был вынесен приговор за размещение комментариев на сайте и заведено уголовное дело по факту экстремистских публикаций за публикацию почти 460 отзывов оскорбительного толка в адрес представителей другой национальности. В данном комментарии речь идет только об одном из порталов националистического толка, однако анализ заголовков и отрывков новостей некоторых местных СМИ, который будет приведен ниже, тоже весьма не утешительный.

Перейдем к анализу состояния СМИ в Республике Башкортостан, так как СМИ являются одним из главных объектов информационного пространства, осуществляют массовое информационное воздействие на общество.

На сегодняшний день в Республике Башкортостан практически сформирован рынок средств массовой информации, на первый взгляд, способный удовлетворить спрос потребителя информации в любой социальной или профессиональной сфере. Успешно развиваются не только печатные, но и электронные средства массовой информации. Серьезным достижением республиканской информационной политики является развитие, как общереспубликанского телерадиовещания, так и муниципальных телевизионных каналов.

Несмотря на это у республиканских средств массовой коммуникации существует ряд проблем: единодушие в освящении событий, отсутствие конкуренции между телеканалами, радиостанциями, газетами; ориентация на центральные республиканские СМИ Республики Башкортостан — «Башкирское спутниковое телевидение», газету «Республика Башкортостан»; отсутствие качественной аналитики происходящих событий и, наконец, использование блога Президента в качестве основного источника для будущих публикаций и репортажей. Что касается ориентации на данный блог, то здесь срабатывает психологический эффект — «эффект ореола», механизм которого основан на характерной для восточных культур знаковости фигуры первого руководителя, способной повлиять на сигнификативную и коннотативную информацию.

В результате деятельность республиканских СМИ перестала удовлетворять все ин-

формационные запросы аудитории («эффект бумеранга»), которая в поисках информации все чаще стала обращаться к Интернету. Так, в частности, по инициативе Президента Р.З. Хамитова 10 марта 2011 г. стартовал интернет-проект «Общественная электронная газета», представляющий собой интеграцию интернет-газеты и социальной сети, где каждый может стать автором новостей, которые увидит вся республика. Возможно ведение блогов и личных форм коммуникации между участниками проекта. На «страницах» газеты обсуждались создание в г. Екатеринбурге Центра гражданской журналистики и острая необходимость открытия подобного центра в Республике Башкортостан. В первую очередь это связано с уходом официальных СМИ от актуальных проблем межкультурного взаимодействия. В семиотике значимое отсутствие чего-либо называется нулевым знаком, в данном случае замалчивание проблем явно имеет значение, но не ясно, какое — страх спровоцировать конфликты или непонимание важности вопросов, что привело к их активнейшему обсуждению в Интернете, созданию социально-деструктивных националистических сайтов, публикаций, идущих в разрез с культурной политикой Республики, направленной на гармоничное общение представителей разных культур. В этом отношении показательны заголовки и отрывки новостей из некоторых республиканских СМИ, представленных в сети Интернет:

- «В Башкирии гражданин Азербайджана устроил стрельбу прямо на улице»;
- «В Башкирии гастарбайтеры из Азербайджана устроили разборки в ночном клубе»;
- «Так, в Орджоникидзевском районе Уфы сотрудники УФС России по РБ задержали гражданина Азербайджана, который пытался получить разрешение на временное проживание и работу. Как выяснилось в ходе тщательной проверки данных, азербайджанец разыскивался Интерполом за изнасилования»;
- «В то же время в уфимском торгово-сервисном комплексе «Центральный» сотрудники миграционной службы задержали гражданина Армении. Он также находился в международном розыске — за торговлю людьми»;
- «На днях прокурор Башкирии утвердил обвинительное заключение в отношении чле-

нов «Шотовской банды». Преступная группировка состояла из десяти человек, среди которых были русские, грузины и азербайджанцы в возрасте от 21 до 40 лет. Главарь банды — Шота Квирквия. Преступники действовали в Благовещенске и Ленинском районе Уфы»;

- «В Башкирии уроженец Таджикистана убил сторожа оптового центра»;
- «Так, на днях Учалинской межрайонной прокуратурой было предъявлено обвинение 18-летнему гражданину Таджикистана»;
- «Гастарбайтеры из Азербайджана затеяли драку в уфимском баре»;
- «Следственным комитетом по Республике Башкортостан возбуждено уголовное дело в отношении 43-летнего гражданина Республики Азербайджан по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 291 УК РФ (дача взятки), сообщает пресс-служба следственного комитета при Прокуратуре Республики Башкортостан»;
- «Жители Узбекистана приехали в Башкирию по поддельным паспортам»;
- «1 января в Иглинском районе наркополицейские задержали 55-летнего гражданина Узбекистана: он закладывал в тайник более килограмма марихуаны»;
- «29 октября 29-летний сотрудник патрулировал утром проспект Октября и задержал гражданина Узбекистана — тот не смог предъявить документ, разрешающий пребывание в стране»;
- «В столице Башкирии уроженец Узбекистана грабил девушек и детей, угрожая им монтировкой. 36-летний мужчина находился в России без каких-либо документов»;
- «Граждане Узбекистана полгода грабили уфимцев»;
- «В городе Октябрьском задержан подозреваемый в убийстве сторожа Универсального оптового центра. Им оказался 23-летний безработный уроженец Таджикистана»;
- «В Уфе задержан цыган, «занявший» у пенсионера 400 тысяч рублей»;
- «В Уфе задержаны цыгане, организовавшие детский наркосиндикат»;
- «Прокуратура Иглинского района опротестовала приговор суда в отношении цыганских наркодельцов»;

– «В Уфе задержали цыган, которые поставляли в город крупные партии наркотиков» и т. д.

Этот список может быть пополнен и заголовками нереспубликанских СМИ, поскольку перед нами общероссийская тенденция. Известно, что стереотипы могут быть как положительными, так и отрицательными. В данном случае перед нами заголовки, способствующие формированию негативных этнических стереотипов, которые, в свою очередь, выполняют функцию искажения реальности. Это достигается за счет того, что в заголовке содержится чрезмерное количество информации, не являющейся важной в раскрытии данной темы. В частности, информация о правонарушениях уходит на второй план на фоне информации об этнической, государственной и т. д. принадлежности преступника. Усиливается эффект посредством утверждения и многократного повторения одних и тех же вербальных знаков, которые постепенно перестают восприниматься в своем прямом значении, получая дополнительную коннотативную (чаще негативную) нагрузку. Аналогичный подход телевидения подкрепляет и визуализирует сформированный негативный образ.

В качестве результатов подобной политики СМИ хотелось бы привести данные исследования уровня толерантности населения Республики Башкортостан по отношению к мигрантам. По итогам социологического исследования 58% респондентов испытывают антипатию по отношению к мигрантам. «Несмотря на то, что государственная миграционная политика Республики Башкортостан направлена в сторону либерализации, среди наиболее заметных последствий миграционных процессов в республике наблюдается снижение уровня толерантности местного населения по отношению к мигрантам. Ситуация в большинстве случаев может быть оценена как не критическая, но нестабильная, требующая принятия мер, направленных на повышение уровня толерантности местного населения к мигрантам. Здесь следует особо подчеркнуть, что формировать этническую толерантность следует не только у местного населения. Параллельно необходимо культивировать этническую толерантность у самих мигрантов. Ведь этническая толерант-

ность, как и толерантность вообще, основана на взаимном уважении, и подчинении неким общим моральным и правовым нормам. Зачастую, антипатия местного населения обуславливается именно тем, что мигранты не соблюдают законы, действующие на территории республики»¹⁴. То есть необходима интеграция мигрантов в уже сложившуюся на территории РБ этнокультурную общность.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что в Республике Башкортостан рынок масс-медиа находится еще на стадии формирования, СМИ нужна здоровая конкуренция, способная, действительно, заинтересовать аудиторию. А. Фазлыев, основатель и менеджер ряда медиа-проектов в Республике Башкортостан, таких как «Радио «Ретро», «Радио «Хит ФМ», портал «Башныйс», газет «Регион 02», «Халык ихтияры» и «Халык тэлег» в интервью для «Медиакорсеть» обвиняет региональные СМИ в шаблонности, безразличии по отношению к аудитории, оглядке на блог Президента, отсутствии аналитики и т. д.: «Где конкуренция? Рынок без конкуренции не возможен <...> наши местные СМИ неконкурентоспособны, не говоря уже о самоокупаемости. Поэтому их подпитывают из бюджета, применяют меры административного характера. Насколько вообще эффективна подобная государственная политика в области масс-медиа? У меня давно сложилось впечатление, что наши СМИ работают ради процесса, а не результата, ради одного зрителя/читателя. Речи об управлении общественным мнением даже не ведется»¹⁵.

Хотя анализ факторов, формирующих политические взгляды в Башкортостане, показывает, что влияние СМИ и в первую очередь — телевидения, безоговорочно занимает лидирующее положение по сравнению со всеми остальными (см. табл. 1)¹⁶. Следовательно, республиканским СМИ безотлагательно необходимо пересмотреть свои задачи в общественной жизни Башкортостана, в частности, открыто обсуждать проблемы межэтнического взаимодействия, что снизит популярность оппозиционных, националистических сайтов. Необходимо активизировать просветительскую деятельность, направленную на интеграцию представителей разных культур, проживающих на территории республики.

Таблица 1 — Факторы, формирующие политические взгляды
(в %, по данным опроса)

	Башкиры	Татары	Русские
Телевидение	67,0	63,3	70,5
Радио	19,0	17,1	17,6
Периодическая печать	36,4	27,7	33,0
Участие в политической деятельности	3,4	2,3	2,3
Мнение ближайшего окружения	18,7	18,4	17,6

В сфере образования на всех уровнях необходимо формирование межкультурной и информационной компетентностей личности.

На уровне законодательства актуальным становится совершенствование существующего и разработка новой нормативно-правовой базы информационных отношений в Республике Башкортостан, а также осуществление контроля над безусловным исполнением законодательства в области культурной политики, направленного на сохранение и свободное развитие языков и национальных культур, в том числе и средствами массовой информации.

Таким образом, развитие политических, экономических, научно-технических и культурных связей привело к интенсификации межкультурных взаимодействий на государственном уровне и на уровне межличностных взаимоотношений. В связи с этим возникает множество проблем, обусловленных несовпадением норм, ценностей, особенностей миропонимания партнеров. Межкультурная коммуникация сегодня является одним из прогрессивно развивающихся направлений взаимодействия между культурами как за рубежом, так и в современной России.

Средства массовой информации — основной инструмент распространения сообщений, воздействующих на общественное сознание. Они знакомят индивида с огромным массивом информации, на которую впоследствии человек ориентируется. Такая информация не всегда достоверна, однако способна воздействовать гораздо сильнее. В результате для людей с низким уровнем информационной культуры, то, что не попало в каналы массовой коммуни-

кации, в современном мире почти не оказывает влияния на развитие индивида и общества в целом.

Научно-технические достижения последних десятилетий вывели средства массовой информации на глобальный уровень. Распространение одинаковых культурных образцов по всему миру, открытость границ для культурного влияния и расширяющееся культурное общение заставляют говорить о процессе глобализации современной культуры, транскulturации. СМК стали инструментом этих процессов, мощным средством воздействия на общество с целью оптимизации его деятельности, социализации индивида и интеграции общества.

Сосуществование людей в современной цивилизации невозможно без стремления к согласию между культурами, которое может быть достигнуто только путем диалога между ними. В этом диалоге ни одна культура не должна претендовать на исключительные права, это доказывает опыт межкультурных коммуникаций Республики Башкортостан да и мировой опыт в целом. Поэтому задача средств массовой коммуникации, особенно в поликультурных регионах, способствовать равноправному и добровольному взаимодействию представителей разных культур, направленному как на достижение общих целей, так и на сохранение уникальности, самобытности каждой культуры. Отношения между культурами должны строиться на принципах консенсуса и плюрализма. Реальным основанием для такого типа отношений служит наличие в каждой культуре позитивных общечеловеческих ценностей, которые можно использовать для межкультурного консенсуса.

¹ *Панфилова Т.В.* Межкультурное взаимодействие после кризиса // Россия и мир после мирового кризиса: новые вызовы, новые возможности. VI Конвент РАМИ Москва, 24–25 сентября 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://convention2010.risa.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=10&Itemid=13&lang=ru

² *Фалькова Е.Г.* МКК в основных понятиях и определениях. СПб., 2007. [Электронный ресурс]. URL: http://itah.phil.spbu.ru/edu/edu_mat/falkova/falkova_comm_web.pdf

³ URL: <http://ufa.regionz.ru/index.php?ds=45910>

⁴ Выступление первого заместителя Премьер-министра Правительства Республики Башкортостан — министра финансов Республики Башкортостан А.Р. Гаскарова на Второй межбанковской конференции «Информационная безопасность банков» [Электронный ресурс]. URL: http://minfinrb.bashkortostan.ru/17/4/1_vistuplenie_ibb.htm

⁵ URL: <http://ufa.regionz.ru/index.php?ds=45910>

⁶ URL: http://community.livejournal.com/blog_rkhamitov

⁷ URL: http://community.livejournal.com/blog_rkhamitov

⁸ *Тишков В.А.* Республика Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bash-portal.ru/news/newshistory/page,4,140-valerijj-tishkov.-respublika-bashkortostan.html>

⁹ *Хабибуллина А.Р.* Историко-культурные центры как форма оптимизации этнической идентичности и межэтнических коммуникаций в Республике Башкортостан (04.10.2010) [Электронный ресурс]. URL: http://dibase.ru/article/04102010_khabibullinaar/4

¹⁰ *Тишков В.А.* Республика Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bashportal.ru/news/newshistory/page,4,140-valerijj-tishkov.-respublika-bashkortostan.html>

¹¹ *Хабибуллина А.Р.* Историко-культурные центры как форма оптимизации этнической идентичности и межэтнических коммуникаций в Республике Башкортостан (04.10.2010) [Электронный ресурс]. URL: http://dibase.ru/article/04102010_khabibullinaar/4

¹² *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк I. Плоды суверенизации. Вып. 77. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 41.

¹³ *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. С. 10.

¹⁴ *Гимаев И.* Толерантность как необходимость // Уфимские ведомости. 2008. № 10. С. 17.

¹⁵ URL: <http://www.mkset.ru/news/person/12670>

¹⁶ *Губогло М.Н.* Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк I. Плоды суверенизации. Вып. 77. М.: ИЭА РАН, 1994.

УДК 32

ШМИДТ Вильям Владимирович,

доктор философских наук, профессор кафедры национальных
и федеративных отношений ФГБОУ ВПО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: kafedra-nifo@yandex.ru

ДАННЕНБЕРГ Антон Николаевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры
государственно-конфессиональных отношений ФГБОУ ВПО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: kafedra-nifo@yandex.ru

РЕЛИГИОЗНО-ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ЕВРАЗИИ: ВОСТОК И ЗАПАД В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В статье на обширном материале рассматривается современное состояние основных религиозных традиций евразийского континента, делаются прогнозы относительно возможного генезиса мировых и национальных религий в ближайшей и отдаленной перспективе. Авторами анализируются основные подходы к проблеме выстраивания межрелигиозного диалога, формулируются рекомендации по формированию будущего вектора взаимодействия между различными религиями в условиях глобализации, секуляризации, плюрализма.

Ключевые слова: религия, межрелигиозный диалог, христианство, ислам, буддизм, даосизм, конфуцианство, индуизм, Евразия.

Евразийское религиозно-этнополитическое пространство представляет собой уникальный конгломерат духовных традиций, выработанных народами, населяющими континент в течение тысячелетий. Именно Евразия стала родиной всех крупных мировых религий, которые затем, выйдя за ее цивилизационные и географические пределы, распространились по всему миру. Иудаизм, христианство, ислам, буддизм, индуизм, синтоизм, конфуцианство — все они стали продуктом духовной деятельности людей евразийского континента.

Современный мир, раздираемый противоречиями, но стремящийся к единству, продолжает оставаться ареной для развертывания все новых витков борьбы между различными этнокультурными религиозными традициями, которые, казалось бы, уже давно могли найти общий язык, точки соприкосновения, пути взаимопонимания, но так и не сделали этого. Напротив, религиозное противостояние становится все более очевидным фактом повсе-

дневности, а сам мир, по выражению известного социолога П. Бергера, «еще более религиозным, чем был до этого»¹.

Территория, на которой проживает почти 3/4 населения планеты, безусловно, заслуживает пристального внимания с точки зрения анализа религиозной ситуации и ее развития. При этом ввиду обширности объекта исследования следует определить те направления, которые требуют особо пристального внимания. Как представляется, среди основных проблем можно выделить следующие:

1. Положение основных религиозных систем на современном этапе.
2. Межрелигиозный диалог.
3. Этнические религии и этнорелигиозные конфликты.
4. Нетрадиционные религии.
5. Религиозная ситуация на постсоветском пространстве.

Именно эти вопросы мы и постараемся осветить в данной статье.

Христианство в контексте секуляризации

Христианская религия на Западе за две тысячи лет существования переживала самые разные исторические этапы: гонения первых веков, главенство в духовно-политическом пространстве Средневековья, снижение влияния в Новое время и, наконец, перманентный кризис Новейшего времени. Именно этот последний этап будет в центре нашего внимания с учетом контекста евразийского пространства².

Современное Западное христианство, оказавшись в условиях секулярного мира последние десятилетия мучительно ищет новое место как в рамках национальных обществ, так и в общегуманитарном пространстве, стремительно отказывающемся от религии, как мировоззренческой концепции. А, ведь, религия — это, как верно замечает Ю. Хабермас, в первую очередь — определенная картина мира³. Технический и экономический прогресс, формирование общества потребления, становление новой европейской морали, основанной на общечеловеческих ценностях — все это сыграло свою роковую роль для некогда непоколебимой веры западного человека. Жесткое разграничение пространства надуховное и светское, сакральное и профанное стало, начиная с эпохи Просвещения, европейской реальностью. Если на первых этапах формирования этой новой парадигмы развития Церковь еще сопротивлялась Модерну, основываясь на историческом багаже своего морального авторитета, то XX в. поставил под сомнение и его. Двусмысленные отношения Католицизма с фашизмом, поддержка диктаторских режимов (в противовес левым) по всему миру, отсутствие внятной позиции по социальным вопросам — вот те основные причины, которые во многом скомпрометировали институциональное христианство, поставив под вопрос сам факт его существования в том виде, в котором оно пребывало столетиями.

Новым вызовом христианству стала глобализация, предложившая новую универсальную альтернативу мирового развития. Наиболее ясно эту мысль выразил американский политолог Ф. Фукуяма: «Идеологический прогресс подошел к своему логическому завершению, вы-

работав наиболее адекватную и универсальную свою форму: «То, чему мы, вероятно, свидетели, — не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления»⁴.

Ультрамодернистские концепты представляют христианство как отживший себя анахронизм, полностью выполнивший свою историческую миссию. С этой точки зрения оно абсолютно не подходит современному западному миру, переросшему свои христианские корни. Все тот же Ф. Фукуяма без всякого сомнения констатирует: «Христианство в некотором смысле должно путем секуляризации своих целей отменить себя»⁵.

Как отмечает В.С. Малахов, «рисуемая Фукуямой картина есть не что иное, как *атеистическая эсхатология, вульгаризированный христианский финализм* (добрую половину своих читателей Фукуяма приобрел за счет активизации ассоциаций этого ряда)», но, при этом, «фукуямовская философия истории, в отличие от христианской, начисто лишена трансцендентного плана. Все, что происходит, происходит по ее сторону существования. Страшного суда не будет — он уже состоялся»⁶.

Итак, какова же позиция самого западного христианства относительно его подобных трактовок? Западная Церковь последние десятилетия активно позиционирует себя как полноценного участника гражданского общества, провозгласив на II Ватиканском Соборе политику сотрудничества с секулярным обществом, признав, таким образом, сам факт его существования. По сути, Католицизм принял установки Модерна (что еще раньше сделал протестантизм, развивая в своих недрах весь XX в. так называемую «либеральную теологию»), согласившись со своей ограниченной ролью в современном мире. Секулярная же реальность с благодарностью приняла позицию Ватикана. И вот, в не так давно принятой Конституции Европейского Союза уже не находится места для упоминания о роли христианства в деле становления и формирования

единого европейского пространства. С самого начала обсуждения единой европейской Конституции началась дискуссия о возможности обратить в ней внимание на христианское наследие Европы и обращение к имени Бога. Однако реализация этих намерений становилась все более призрачной, а в июне 2004 г. мечты о внесении *Invocatio Dei* в Преамбулу конституционного договора совсем исчезли. При этом, попытка обратить внимание на христианское наследие Европы не удалась дважды. Впервые это произошло во время предыдущего Конвента, который дискутировал о форме Хартии основных прав в 1999 и 2000 гг. Тогда решение этого вопроса заблокировала Франция и другие религиозно индифферентные государства, которые не согласились поместить упоминание о христианском наследии⁷. Но что еще более важно, что после принятия 10 новых государств в Европейский Союз (2004 г.) за вписание *Invocatio Dei* было семь государств (Польша, Италия, Литва, Мальта, Испания, Португалия, Словакия и Чехия), которые составили обращение с соответствующей просьбой. Но эта попытка включения *Invocatio Dei* в Европейскую Конституцию оказалась неудачной⁸.

Религия оказывается лишней в этом процессе. Но почему? Очевидно, что политические лидеры ЕС могли бы напомнить себе и всей Европе, что именно христианство структурировало и выстроило ту цивилизационную общность, которую мы именуем Западной Европой. Но этого сделано не было. Как представляется, причина подобного шага заключается в политике мультикультурности, множественности, в которой нет места только одной, какой-либо доминирующей религиозной традиции. Увеличение числа выходцев из традиционно исламских государств не позволяет сегодня европейцам идентифицировать себя лишь как христианское общество.

В этих условиях Ватикану остается критиковать светскую власть со стороны. Так, Папа Бенедикт XVI многократно неодобрительно высказывался об игнорировании политиками христианских ценностей, что подобные действия следует рассматривать как попытки «построения единого европейского дома без учета традиций жителей континента»⁹.

Его предшественник, Иоанн Павел II так же настаивал, что образование новой Европы должно осуществляться на основе фундаментальных ценностей, главной из которых для нее самой является именно христианство, вне зависимости от того, какая социально-философская парадигма является доминантной в данный исторический период. Иными словами, Папа пытался донести мысль, что европейцам не стоит так безрассудно отказываться от своих корней, тем более на столь высоком официальном уровне.

И вот уже влиятельные европейские издания на полном серьезе задаются вопросом: будет ли будущая Европа христианской или эта религия окончательно ушла в прошлое?¹⁰ Американский же специалист Э. Салливан пишет: «Многие христиане сейчас сменили аскетическое самоотречение на материалистический эгоизм и что многие католики, даже регулярно ходящие в церковь, сейчас со стыдом или отвращением игнорируют иерархию»¹¹.

Индифферентность европейского населения к христианству действительно, уже не в столь отдаленном будущем может обернуться тем, что иные ценностные ориентиры, в первую очередь исламские, займут его место. Так, мусульман в странах Европы, где они сейчас составляют меньшинство, станет больше с 44,1 млн человек в 2010 году до 58,2 млн в 2030 году. Тенденция увеличения числа мусульман особенно отчетливо наблюдается в Великобритании. Здесь доля мусульман вырастет с четырех до восьми процентов¹².

Очевидно, что проблема не в увеличении мусульманского населения в европейских государствах, а в потере интереса самих европейцев к своим историко-культурным ценностям. И в этом контексте разговоры экспертов об исламизации Европы не выглядят столь уж шаткими.

Пришедший на смену Модерну Постмодерн с его идеями разнообразия и онтологической множественности, культурной контекстуальности, абсолютным плюрализмом крайне негативно сказывается на положении христианской религии в западном обществе. Если Модерн стремился лишь ограничить религиозное влияние на социально-политические процессы, но не отказывал религии в праве на мо-

ральное участие (при том, что сама идея Модерна, безусловно, антирелигиозна по своей направленности), то Постмодерн выбивает из под ног христианства именно моральную основу — христианская мораль становится лишь одной из возможных, а традиционные религии перестают отличаться от социальных групп, позиционирующихся в социо-культурно-политическом пространстве посредством идеологем и мировоззренчески окрашенных акций. Очевидно, что подобный подход полностью противоречит самой идее христианства, как религиозной концепции, базирующейся на понимании своей миссии как единственно верной и приводящей ко Спасению. Европейское же общество, активно разделившее принципы полионтологизма — принявшее постмодернистскую множественность бытия, его оснований, активно работает над формированием новых универсалий — оснований для нового порядка социокультурной общности как надцивилизационной общности. (В этих целях зачастую отвергаются ценности, имевшие в прошлом фундаментальное значение, что приводит к утрате этнокультурного разнообразия и растворению его в плюралистическом транскультурном небытии)¹³.

В этих условиях коллективные формы верования все больше принимают архаический характер. Свою роль здесь играет и ускорение ритма жизни современного западного человека, который не находит времени для совершения ритуальных действий, связанных с посещением церкви. На этом фоне все чаще звучат слова об индивидуализации веры, переход ее из публичной сферы в частную, интимную. Вера становится личным делом каждого отдельного индивида, причем со всеми вытекающими из этого последствиями. Индивидуализация религии приводит к индивидуализации форм проявления религиозности. Если раньше необходимым условием являлась сопричастность с Церковью, участие в качестве ее элемента в церковной жизни, то с распространением секуляризации произошла и десакрализация социального пространства. До этого Церковь и была миром, теперь же она стала лишь частью мира. В результате же ритуальная сторона религиозной жизни все больше теряет смысл для жителей Запада. Но, как

представляется, отказ от этого элемента влечет за собой и потерю религиозной самоидентификации. Оказываясь вне церковной традиции, индивид довольно быстро (тем более, в условиях общества потребления) переходит на «либеральные» позиции в вопросах веры и, если и продолжает верить, то не в конкретного Бога, связанного с той или иной религиозной традицией, но, в лучшем случае, в некую «высшую силу» не имеющую конфессиональной окрашенности. И вот уже, согласно Евробарометру, только 52% населения Европейского Союза верят в одного единственного бога. 27% верят в некие другие сверхъестественные силы, 18% не верят ни в бога, ни в другие сверхъестественные силы¹⁴.

Следует отметить, что на процесс индивидуализации религиозной жизни европейцев существует и иная точка зрения, согласно которой данная тенденция имеет, скорее, положительную характеристику. Такая оценка делается с помощью метода исторической (религиоведческой) аналогии. Так, как известно, иудаизму как религии удалось самосохраниться в условиях рассеянности, в том числе, благодаря такому феномену как «индивидуальная синагога». В христианской традиции аналогом данного понятия может служить традиция рассмотрения человека как «храма Божьего», а семьи — как «малой Церкви». Исходя из данного сопоставления мы можем предположить, что индивидуализация западного христианства, напротив, поможет сохранить его в условиях секуляризации публичного пространства. Но так ли это? Следует иметь в виду, что опыт иудаизма был связан не столько с индивидуализацией веры (в условиях враждебного окружения), сколько с ее мистицизацией, переходом ряда иудейских богословов на мистические, гностицистические позиции. То есть, за отказом (вынужденным) от открытого исповедования своей религии стояла серьезная внутренняя духовная работа. Можно ли говорить сегодня о подобной тенденции среди европейцев, отказывающихся от внешних проявлений своей религиозности? Как представляется, пока что — нет.

Если Западная Европа на сегодняшний день демонстрирует кризисные явления в христианстве, которые все больше захватывают

и традиционно глубоко верующую Восточную Европу (в Польше, считающейся наиболее религиозной страной в лоне Католической Церкви в Восточной Европе, процент верующих католиков за последние 20 лет снизился на 9%, с 89,9 до 80,9%)¹⁵, то территории Восточного христианства (и, в первую очередь, Россия) демонстрируют, как может показаться, в последние годы заметный рост интереса населения к религиозной сфере — православными называют себя более 70% населения Российской Федерации, из чего можно было бы сделать вывод о скачкообразном воцерковлении подавляющего большинства россиян (данные

показатели все же не отражают качественные характеристики — реальный уровень религиозности).

Как представляется, данная проблема носит методологический характер, а от ее корректного понимания будет зависеть и дальнейшая интерпретация ситуации в религиозном пространстве Российской Федерации. Итак, вместо того, чтобы перечислять количественные показатели, обратимся к экспертизе качественных параметров, которые в данном контексте являются первичными и определяющими.

* * *

Как известно, любая религия предполагает наличие комплекса догм, правил, моделей поведения, ритуальных и обрядовых характеристик. Как представляется, именно приверженность им — их соблюдение и выполнение — позволяет говорить об уровне религиозности индивида/группы.

Зачастую можно слышать, что соблюдение установленных в той или иной религиозной традиции (религии) правил далеко не обязательно. Некоторые наблюдатели, а так же представители самих религиозных организаций (традиций) говорят о том, что достаточно «только веры». Применительно к православию в религиоведческо-философском дискурсе все чаще фигурируют такое понятие, как «православие лайт», означающее облегченную форму вероисповедания. К примеру, игумен Нектарий (Морозов) пишет о том, что масса людей, придерживающихся такой формы веры «достигла критического объема»¹⁶. Ряд экспертов говорят о еще более неприятной тенденции — превращении облегченного православия в «православный лубок».

Православная Церковь сообщает о лавинообразном росте верующих, включая в их число, вероятно, и тех самых «православных», которые либо слишком вольно трактуют каноны веры, либо вообще не подозревают об их существовании, а составляют население территорий, которые исторически входят в зону канонической ответственности Русской Православной Церкви.

Может быть и неплохо, с точки зрения институциональных религиозных конфессий, если бы эта, согласно Г.В.Ф. Гегелю «субъективная религия» была реальностью или, говоря другими словами, отражалась в «чувствах и поступках», т. е. если бы определяющие себя православными, хотя и с изъятиями (относительно догматики), были бы в лоне Церкви. Но так ли это на деле?

Постараемся провести анализ.

Итак, во всех без исключения религиях есть набор правил/требований, от выполнения которых зависит возможность спасения/искупления/перевоплощения/преображения и так далее. Придерживаясь их, можно рассчитывать на то, что вера приведет к достижению необходимого результата. Но если вспомнить классическое «вера без дел мертва» апостола Иакова (Иак. 2,17), становится очевидным, что не достаточно лишь внутренней веры индивида Божеству (или — в Бога) — вера должна быть «правильной» и активно насыщенной, деятельной. Если правильность ее определяется приверженностью «божественным установлениям», трактуемым учителями/отцами/пророками/гуру — зафиксирована в священном Предании, то деятельность — творческая активность, организуемая по личному усмотрению с различными целями и объемами продуктов в итоге, которые могут ка-то быть распределены.

Так же любая развитая религия имеет свое институциональное оформление, репрезенти-

руемое организационной структурой, иерархией и моделью управления. Религиозная организация не является чем-то абстрактным — она всегда исключительна, конкретна. А любая конкретность требует своего обоснования, иначе ее реальное бытие может быть подвергнуто сомнению. То есть, любая религиозная организация (как институционно оформленная религия/религиозная или этнокультурная традиция) жизненно заинтересована в наличии адептов, уверенных, что без нее их убеждения потеряют смысл, а достижение высшей религиозной цели станет невозможным. Отсюда появляются догматические установления, требующие беспрекословного признания верующими необходимости существования религиозных институтов и сопричастности им. В христианстве это требование нашло свое воплощение в постулате о том, что «спасение вне Церкви невозможно», ибо Церковь «есть тело Христово»¹⁷.

Признание необходимости бытия институционализированной формы, структурированной и организуемой на принципе иерархического начала, соподчинения и взаимообусловленности, автоматически ведет к принятию как должного, а главное — обязательного для всех, требований и установлений, исходящих в рамках этой системы от иерархии. Не признание их означает отказ со стороны организации в исполнении по отношению к индивиду возложенных на нее (как правило, Богом) функций. Другими словами, переиначивая Л. Фейербаха, основу современной религии «составляет чувство зависимости человека», но не от природы, а от религиозных организаций. В результате, с точки зрения религии, истинно верующим может считаться лишь тот, кто во всей полноте соотносит себя с тем или иным вероучением, находится «в лоне Церкви»¹⁸.

Как представляется, современное общество далеко от того, чтобы принимать подобные «правила игры». Гуманитаризация общественного бытия в аспектах его индивидуализации/атомизации способствовала развитию процессов секуляризации в советском обществе, что в итоге привело к категорическому отчуждению сакрального в профанном, индивидуального в коллективном, частного в общем и обострила проблему начал/первичности —

онтологического и (или) социального, человека/индивида и (или) религии/полиса (религиозной и политической систем). При этом даже на примере Российской Федерации мы видим, что в качестве православных себя определяют более 70% населения. Но православны ли они, религиозны ли эти субъекты социо-культурно-религиозно-политических отношений?

Как представляется, методологически принципиальным в данном случае является определение еще одной позиции/положения, без которого дальнейшие рассуждения могут быть не в полной мере очевидными. А именно: православный и христианин в современном прочтении этих определений — одно и то же ли это? На наш взгляд — нет. Поясним данную позицию.

В контексте социокультурной неопределенности как мировоззренческо-идеологического плюрализма, «православие/православность» выступает своего рода общественной социокультурной характеристикой индивида, в то время как «христианство/христоцентричность» — личностно-индивидуализирующей. В данном контексте вспоминаются мысли испанского мыслителя М. де Унамуну в эссе «Агония Христианства»: «И тогда я подумал, что для истинного христианина — *если только истинный христианин возможен в сфере гражданской жизни* [выделено нами — авт.] — всякий вопрос, будь то политический или какой бы то ни было другой, должен ставиться, обсуждаться и решаться в соответствии с интересом вечного спасения, с точки зрения вечности»¹⁹.

Быть православным — значит разделить основные установки общественной парадигмы, бытующей в конкретных месте и времени; быть христианином — значит быть верящим согласно религиозному канону. Поэтому, когда социологические опросы говорят о десятках миллионов православных в современной России, они ни сколько не лукавят. Иное дело, что отвечающие на вопросы респонденты находятся в глубоком заблуждении, не отдавая себе в полной мере отчет, что именно они вкладывают в свой ответ. «Ложное православие», на наш взгляд, является сегодня основной проблемой развития и поиска идеологических ориентиров в российских обществе и государстве. Обозначая себя как православных,

люди, тем самым, сами того не осознавая, задают дальнейшие векторы общественного бытия. Реально же в ней готовы пребывать не более 3–5% населения²⁰.

Итак, проблема взаимосвязи понятий «я верящий»/«я считаю себя верующим в рамках конкретной религиозной традиции (юрисдикции)» является одной из ключевых для определения общества (и не только российского) по критериям религиозности. Формирующиеся сегодня философские концепты постсекулярного общества, включая религиозно-теологические, в случае с Россией должны рассматриваться и разрабатываться с учетом фактора ложной религиозной самоидентификации населения. В противном случае мы получим превратную картину реальности²¹.

Большинство людей в условиях демократического плюрализме готовы жить в соответствии с требованиями, предъявляемыми им религиозными организациями, что, в свою очередь, ведет к исключению огромного процента «псевдоверующих» из конкретного культурно-религиозного контекста, так как вряд ли можно считать православным христианином человека, заходившего в Церковь несколько раз в жизни и не имеющего представления о содержании священных книг и догматов.

В связи с этим крайне актуальным представляется определение дальнейших путей развития складывающейся ситуации.

Очевидно, что здесь может быть два варианта: либо «псевдоверующие» превратятся в «истинно верующих», либо религиозные организации будут вынуждены пересмотреть свои требования, предъявляемым потенциальным адептам, в сторону снижения, поскольку вера в бога «вообще» не может устроить ни одну из религий.

Практика показывает, что религиозность в западном мире продолжает демонстрировать нестабильную динамику. На этом фоне Россия (речь идет о ее христианской составляющей) больше схожа с теми странами, где степень религиозности постепенно снижается от и без того изначального (относительно XX в.) невысокого уровня: по данным Левада-центр только 7% верующих в 2012 году принимали участие в церковных таинствах (на фоне 74%, заявивших о себе как о православных)²².

Таким образом, говоря о христианской цивилизации в начале XXI в., мы можем с определенной долей уверенности констатировать, что, как на Западе, так и на Востоке, Христианство переживает период серьезного «кризиса веры» как *кризиса институциональных начал вероисповедной системы*, связанного с продолжающейся секуляризацией общественного сознания и сопряженного с ней отхода населения от Церкви, от институционально определенной религии.

Различные конфессиональные направления Христианства пытаются найти пути выхода из этого кризиса. Так, Протестантизм активно развивается в рамках либеральной парадигмы, пытаясь определить свое место в секулярном западном обществе. Как отмечает Р. Лункин, «либеральный протестантизм пассивно течет по течению: стремясь приспособиться к меняющемуся обществу в экономике, он не предлагает собственного оригинального “проекта”»²³. И с этим трудно не согласиться. Классическим примером здесь может служить Англиканство, все еще остающееся государственной религией Великобритании.

Официальная Англиканская Церковь настроена реформаторски, прекрасно понимая, что догматика и реальность не только не согласуются, но и вступают в явное противоречие, полагая, очевидно, что это грозит еще большим сужением социо-культурно-политического пространства для религии. Вскоре после того, как в ноябре 2012 г. Генеральный синод Англиканской Церкви проголосовал против рукоположения женщин, архиепископ Кентерберийский Джастин Уэлби, пытаясь объяснить, что Церковь должна приспосабливаться к переменам в обществе, заявил: «Невозможно делать вид, что ничего не изменилось. Во времена революции в Англиканской Церкви тоже должна быть революция»²⁴. При этом важно помнить, что в ходе голосования за законопроект 20 ноября 2012 г. «свои голоса за женский епископат отдали Палата епископов и Палата духовенства, однако большинство из Палаты мирян высказалось против этой инициативы»²⁵. Таким образом, духовенство полностью готово к принятию перемен, в полной мере осознавая, в каком мире оно живет. Дело остается за мирянами. Впрочем, как хорошо известно,

в Англиканской Церкви рукоположение женщин практикуется уже с 1992 года.

Альтернативой либеральному протестантизму выступают в той же Великобритании некоторые группы, наиболее известной из которых является так называемая «радикальная ортодоксия». Развиваясь в академической среде, она представляет собой попытку возрождения «живой» веры на основе возврата к домодерновой парадигме, к синтезу философии с богословием, как фундаментальной основе осмысления бытия. Лидер «радикальной ортодоксии» Д. Милбанк полагает, что только путем тотального возрождения к религиозному мировоззрению можно сохранить и возродить христианство.

Если либеральный протестантизм в Европе принимает глобализацию и связанные с ней изменения, то движение «ортодоксов» оказывается на антиглобалистских позициях, что автоматически маргинализирует его. К примеру, тот же Д. Милбанк называя себя «христианским социалистом», обращается к марксистскому наследию, полагая, что именно К. Марксом была разработана наиболее действенная критическая теория капитализма, что именно Маркс «дает критический анализ политической экономики и современной „политической науки“, оба из которых... помогают определить и построить светскую власть, что позволяет читать Маркса как деконструктора секулярного»²⁶, а потому активно использует марксистский анализ для критики того, что он именуют «тоталитарным капитализмом», «двухголовой гидрой»²⁷. При этом Милбанк подчеркивает, что отнюдь не является сторонником революционных преобразований, но считает, что «реальные демократические свободы берут свое начало от идеи органического развития Берка, но не от революционных традиций»²⁸.

О попытках примирения философии с богословием пытается говорить и Римско-Католическая Церковь, но несколько в ином ключе.

В этом аспекте крайне интересной является работа Й. Ратцингера (Бенедикта XVI) «Сущность и задачи богословия» (1993 г.). Анализируя историю взаимоотношений между философией и теологией, Й. Ратцингер приходит к выводу, что основное разногласие между ними состоит в конечном ответе на основной мета-

физический вопрос Бытия: если у теологии он есть, то философия же находится в постоянном его поиске. Вспоминая мнение М. Хайдеггера о том, что тот, кто полагает, что у него уже есть ответ, больше не может заниматься философией, приходим к выводу: философия и религия есть антагонисты по определению. Й. Ратцингер не согласен с подобным формальным логическим выводом, поскольку именно это различие, по сути, является основой для фундаментального схождения: «По-настоящему основательный философ никогда не сможет обойтись без вопроса о Боге, основании и цели бытия вообще»²⁹. Полагаем, что к этому можно добавить следующее: именно в этом фундаментальном различии между философией и теологией кроется их общественная польза и значимость — именно это различие является основой жизнеутверждающего диалога, в рамках которого и должны проходить основные дискуссии по важнейшим проблемам социально-политического прогнозирования и строительства жизни завтрашнего дня и перспективного будущего. При этом, одно не должно подменяться другим, так как теологизация философского дискурса повлечет за собой его универсализацию, и наоборот — в современном же демократическом обществе, стоящем на плюралистических позициях, подобные обобщения неприемлемы.

Современный католицизм, так же как и либеральный протестантизм, полностью принимает (если не учитывать интегривистов [М. Лефевр] и некоторые другие течения внутри Католической Церкви) современный секулярный мир. Так, в еще одной работе «Что держит мир: дополитические моральные основы либерального государства» Бенедикт XVI пишет о фактической не универсальности «обеих великих культур Запада — культуры христианской веры и культуры секулярной рациональности, хотя и та, и другая, каждая по-своему, приобрели большое значение во всем мире и для всех культур»³⁰. Очевидно, что римский первосвященник не говорит о секуляризации, как о главной беде современности, но, напротив, заявляет, что и само христианство не является универсальной культурой (sic!).

Корни этой позиции уходят ко II Ватиканскому собору, определившему новое место Церк-

ви в мире. Именно в принятой на Соборе Пастырской конституции «О Церкви в современном мире» было заявлено буквально следующее: «Церкви известно, сколь многое позаимствовала она из истории и развития человеческого рода» (GS44). Таким образом, было фактически признано право профанного, как полноценного субъекта Бытия, способного влиять и на сакральное, т. е. на саму Церковь.

Полагаем, что можно уверенно утверждать, что религиозный догматизм, свойственный общественному и индивидуальному мышлению, давно перестал быть явлением традиционной культуры и определяющим в картине мира Запада; это факт четко осознается и религиозными институтами Западного мира. Как отмечает Ф. Гайда, по мнению западных христианских Церквей, современный человек может быть «настоящим христианином» и без нее: «Например, среднестатистический современный католик не видит ровным счетом никакого значения в Филиокве и считает спор о нем неким средневековым схоластическим пережитком. В лучшем случае разговоры на эту тему вызывают улыбку сочувствия, с которой обычно смотришь на человека безнадежно отсталого»³¹.

Иной позиции придерживается современное Православие, продолжающее отстаивать трансцендентное всеобъемлющее мировосприятие, жестко противостоящее любой светской (= секулярной) реальности. Особенно ярко это проявляется в позиции Православия по отношению к так называемым общечеловеческим ценностям. Так, если Православная Церковь полагает, что «Права человека не могут быть выше ценностей духовного мира»³², то Католическая Церковь считает, что «уважение к человеческой личности требует уважения к правам, вытекающим из ее достоинства как творения Божия. Эти права предшествуют обществу и должны быть им признаны»³³.

Между современным Католицизмом и Православием в их отношении к индивиду, обществу и государству существует одно крайне важно, фундаментальное различие, которое определяет и самоидентификацию Церкви как социального института. Православие настаивает: «Нельзя понимать принцип светскости государства как означающий радикальное вытеснение религии из всех сфер жизни народа, отстранение религиозных объединений от участия в решении общественно значимых задач, лишение их права давать оценку действиям властей», поскольку «этот принцип предполагает лишь известное разделение сфер компетенции Церкви и власти, невмешательство их во внутренние дела друг друга»³⁴. Казалось бы схожей позиции придерживается и Католическая Церковь: «В сферах своей деятельности политическое сообщество и Церковь автономны и независимы друг от друга»³⁵. В чем же состоит принципиальное различие этих позиций, а как следствие — место и роль Церкви с социально-политической роли общества?

Если РПЦ отстаивает лишь невмешательство государства в дела Церкви, то Римско-Католическая Церковь имеет в виду иное: Церковь становится автономной участницей общественно-политического процесса, одним из акторов, занимающих свое место в секулярной реальности³⁶.

Как представляется, это отличие будет и дальше оказывать влияние не только на положение обеих Церквей в аспектах геополитических процессов и их институционального обеспечения на евразийском пространстве, но и в аспектах процессов, связанных со способом позиционного участия общественно значимых акторов — уровнем их довленья как собственно акторам, так и базовым этнокультурным представлениям, актуализированным в рамках национально-государственных образований, входящих в сферу канонической ответственности Церквей.

Ислам в поисках самоидентификации

Ислам, начиная с последней четверти XX в. стал одним из основных участников общественно-политических процессов в Евразии, преодолев традиционные границы своей ой-

кумены и выйдя в общемировое духовное пространство. Еще в середине XIX — начале XX вв. мусульмане представляли собой экзотический элемент Востока, заявляя о себе, по

большей части, лишь в социокультурном контексте. Ситуация начала меняться, когда в условиях мирового противостояния двух идеологических систем (Запада и Восточного блока) традиционные исламские регионы оказались вовлечены в данный процесс. Как представляется, своего рода рубежным этапом здесь стало создание государства Израиль, которое уже несколько десятилетий является форпостом-«маркером» Западной цивилизации на Востоке.

«Вторжение» в исламский мир повлекло за собой практически непредсказуемые последствия. Казалось бы подзабытые воинственные элементы этой религии вновь оказались востребованными представителями некоторой части исламского мира. Как отмечает А. Игнатенко, «во второй половине XX в., особенно в его последней четверти, стало очевидно, что внутри Ислама как системы религиозных представлений, отношений и институтов некие существенные изменения»³⁷. Эти изменения были связаны, в первую очередь, с тем, что все более широкое распространение стали получать политические группировки, определяющие себя в качестве религиозных³⁸. В результате, в политическом дискурсе современности даже оформилось такое новое понятие, как «политический ислам», являющийся самостоятельным направлением в рамках этой мировой религии.

Таким образом, говоря об Исламе, можно сделать вывод, что он довольно четко подразделен на два основных направления, борющихся друг с другом и жестко противостоящих: ислам как вероучение/религия и политический ислам (исламизм)³⁹.

Прежде чем говорить об исламе и исламизме следует дать краткую количественную характеристику этой религии.

Итак, на сегодняшний день мусульманские общины присутствуют более чем в 120 странах мира, насчитывая до 1,5 млрд последователей. Мусульмане проживают на всех пяти континентах, но более чем 60% из них живут в Азии, а порядка 20% — на Ближнем Востоке и в Северной Африке. При этом именно на Ближнем Востоке и в Северной Африке находятся страны (около 10), где численность исламского населения составляет 95%.

Более 300 млн мусульман (или 1/5 мусульманского населения мира) проживает в странах, в которых Ислам не является доминирующей религией; при этом, их количество в ряде случаев в общем исчислении может быть выше, чем в традиционно исламских странах. Так, Индия, например, занимает третье место в мире по количеству исламского населения. В Китае проживает больше мусульман, чем в Сирии, а в одной только России — больше, чем в Иордании и Ливии вместе взятыми.

В 28 странах ислам признан государственной или официальной религией.

Около 10–13% мусульман — шииты, остальные — сунниты. Большинство шиитов проживает в четырех государствах мира — Иране, Пакистане, Индии и Ираке. 2/3 мусульман (от общего количества в мире) проживают в десяти странах, шесть из которых располагаются в Евразии — Индонезия, Пакистан, Индия, Бангладеш, Иран и Турция. Вместе они составляют 62% исламского населения планеты.

В то время как 80% мусульман в мире живут в странах, где мусульмане составляют большинство населения, значительное количество — около части мирового мусульманского населения являются религиозными меньшинствами на территориях государств своего проживания. Из порядка 320 млн мусульман, находящихся в качестве национальных меньшинств, около 240 млн (или 3/4) проживают в пяти государствах, три из которых располагаются на континенте Евразия: Индия (около 160 млн человек), Китай (около 22 млн человек), Россия (около 16 млн человек)⁴⁰.

В настоящее время Ислам является наиболее динамично распространяющейся в мире религией: быстрыми темпами растет мусульманское население традиционно христианских регионов. Так, с 1950 по 2000 гг. доля мусульман в населении Западной Европы увеличилась в три раза. Сейчас в Западной Европе, по разным данным, насчитывается от 14 млн до 20 млн мусульман, т.е. от 4 до 6% населения.

Приходится констатировать: взаимное проживание мусульман и христиан в Европе все больше имеет характер не мирного сотрудничества в рамках межкультурной коммуникации, но столкновения Цивилизаций. Два мира — Христианский и Исламский — пред-

ставляя собой два различных мировоззренческих типа и культурно-хозяйственного уклада, пытаются найти точки соприкосновения. Главная задача текущего момента — избежать крушения в процессе этого столкновения одной из цивилизационных моделей.

Уже очевидно, что именно Ислам, как более молодая религия, ведет активную экспансионистскую политику на евразийском пространстве. Как представляется, во многом это связано со специфической картиной мира, которую сформировал Ислам за века своего существования. Когда мы говорим о христианстве, то подразумеваем наличие основы христианского мировидения, отраженного в символе веры этой религии, начинающегося словами: «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого. (Верую) и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, рожденного от Отца прежде всех веков». Исламский символ веры звучит схоже: «Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Его». Бескомпромиссный монизм обеих религий привел их к ригоризму по отношению практически ко всем вопросам социального бытия и индивидуального существования. Именно это делает их столь схожими на определенном этапе развития, отдаляя, при этом, друг от друга. Но если западная христианская цивилизация в силу особенностей исторического развития преодолела тотальность религиозного догматизма, отведя ему роль одного из мировоззрений, то мусульманский мир стран традиционного Ислама и сегодня еще далек от эпохи своего «Просвещения». Именно исходя из этого и следует оценивать современный ислам, как религию, все еще не знающую ограничений со стороны государства и общества. Напротив, его понимание мира базируется на своей исключительной роли в мире, который оказался настолько слаб, что отрекся (и продолжает отекаться) от веры предков, заменяя ее демократической абстракцией, вытесняющей Бога за пределы мироздания, загоняя Его в самый дальний угол секулярного пространства. Традиция — не пустое слово в Исламе, но повседневность. То, что для западного человека всего лишь пережиток прошлого, для мусульманина — реальность, не имеющая альтернативы.

Бог для мусульманина — единственная онтологическая реальность. Человек же — всего лишь творение, должное жить по установленным Аллахом законам. Понимание воли Бога, как строгое следование его установлениям сближает Ислам, скорее, с Иудаизмом, нежели с Христианством. То есть, Ислам не подразумевает никакой вариативности, потенциальной либерализации, так как переписать божий закон не представляется возможным. Именно этот аспект, с нашей точки зрения, делает Ислам столь жестко настроенным по отношению к неисламскому миру, заставляя его носителей болезненно реагировать на стремительно развивающийся процесс глобализации.

Распад СССР и последовавшие за этим событием геополитическое перераспределение центров силы привели к тому, что мы можем определить как «новое переселение народов»: потоки законных и незаконных мигрантов двинулись с бедного глобального Востока и Юга в более обеспеченную европейскую часть континента. Очевидно, что обратного процесса в ближайшей перспективе не будет.

Проникновение Ислама в нетрадиционные для него регионы сопряжено с рядом проблем, многие из которых остаются нерешенными (и более того — не имеющие принципиальной модели решения). Одним из механизмов, направленных на улучшение социокультурного (духовного) климата на европейском пространстве стала так называемая политика мультикультурализма, которая сегодня, по мнению многих экспертов, потерпела крах.

Как представляется, необходимо хотя бы кратко остановиться на анализе данного явления, поскольку без него дальнейший поиск путей определения вектора построения стабильного полирелигиозного общества представляется крайне трудным, если вообще возможным.

Итак, недавно практически все европейские лидеры признали провал политики мультикультурализма в своих государствах. Одной из первых это сделала канцлер Германии А. Меркель в 2010 году: «Наш подход состоял в мультикультурализме, в том, что мы будем жить рядом и ценить друг друга. Этот подход провалился, совершенно провалился»⁴¹. Уже в следующем, 2011 году, о провале политики

мультикультурализма в Британии заявил премьер-министр Д. Кэмерон. Тогда же о мультикультурном подходе во Франции Н. Саркози сказал: «Да, это провал. Правда заключается в том, что во всех наших демократиях слишком пекутся об идентичности тех, кто прибывает, и слишком мало — об идентичности принимающей стороны»⁴².

Итак, провал данной политики был связан, в первую очередь, с особенностями современной европейской демократии, основанной на либеральных ценностях.

К концу XX в. свое философско-идеологическое обоснование эти ценности нашли в постмодернизме, который в течение крайне небольшого промежутка времени из эстетско-литературной формы постструктуралистской деконструкции превратился в чуть ли не доминирующую форму сознания европейского интеллектуального сообщества. Культурная контекстуальность и следующая за ней относительность «истины» привели к пониманию общества, не как единства, стремящегося к эсхатологической цели (религиозной или светской), но как множественности, разбитой различным пониманием самой этой истины. Плюрализм оказался возведенным в абсолют, а неприятие иного стало трактоваться как нецивилизованность и бескультурие.

В результате, за несколько десятилетий европейцы оказались в новой реальности, в которой они уже не способны отстаивать свои цивилизационно-культурные ценности, так как их отстаивание автоматически превращается

в нарушение прав и свобод человека. Именно осознание этого факта и стало причиной свертывания политики мультикультурализма, как комплекса мер, связанного с формированием постмодерной модели общества. Как отмечает В. Малахов, «идеология мультикультурализма — скорее препятствие на пути формирования мультикультурного общества, чем средство такого формирования... мультикультурализм, возведенный в идеологию, блокирует демократический плюрализм, подменяя гражданское общество совокупностью автономных и конкурирующих друг с другом «культурных сообществ»»⁴³. Заметим: С. Хантингтон также отмечает, что мультикультурализм не способствует интеграции меньшинств, так как легитимизирует возможность сохранения ими собственной социокультурной идентичности⁴⁴.

Именно эти «культурные сообщества» *defacto* стали основными участниками развернувшейся в Европе борьбы между двумя цивилизационными форматами. Мы говорим двумя, поскольку очевидно, что подавляющее большинство «новых европейцев» — выходцы из государств традиционного ислама. Так же, как и в России, большая часть мигрантов — мусульмане. Ярким символом этого пока еще находящегося под контролем властей противостояния стали события 2011 года в Норвегии, где А. Брейвиком, провозгласившим так называемую «Декларацию независимости Европы», направленную против «исламской колонизации» и призывающую европейцев к «новому крестовому походу», был совершен масштабный теракт.

* * *

Итак, Ислам, как «молодая» (относительно Христианства) религия, долгое время находилась за пределами европейской ойкумены, раздираемой собственными противоречиями. В VIII в., в результате арабского завоевания, европейцы впервые всерьез столкнулись с Исламом, как религиозной традицией. С этого момента начинается история непростых взаимоотношений между Христианством и Исламом на всем евразийском пространстве: сперва она связана с борьбой с арабами, затем — с борьбой с могущественной Османской

империей; в итоге в Европе сформировались регионы проживания мусульман — в Македонии, Болгарии, Греции, Боснии и Герцеговине, в Крыму, на Северном Кавказе и Предкавказье. Как известно, именно в этих регионах в конце XX в. произошли наиболее трагические события, связанные с вооруженным противостоянием и гибелью тысяч людей.

Как отмечает С. Хантингтон, согласно статистике, за период с 1757 по 1919 гг. произошло 92 приобретения мусульманских территорий немусульманскими правительствами. К 1995 году

69 из этих территорий вновь оказались под властью мусульман и примерно в 45 независимых государствах преобладает мусульманское население. Насильственный характер этих перемен отражается в том факте, что среди войн, которые в период с 1820 по 1929 гг. вели между собой государства с различным «религиозным профилем», 50% составляли войны между мусульманами и христианами⁴⁵.

Постепенно мир узнал, что исламский восток — это не только сладости, пряности и поражающие искусностью ковры, но еще и джихад — священная война с неверными, которыми объявлялись все представители Западного мира. В своем стремлении создания Исламского мира фундаменталисты пошли на открытое вооруженное противостояние с христианской цивилизацией, понимая ее как враждебную в двух аспектах: с точки зрения ее экспансионистских устремлений за пределами Западной ойкумены (глобализация) и с точки зрения ее прошлой «колониальной» политики, подчинившей христианам исламские территории (в первую очередь, здесь — речь идет о России). Таким образом, нет ничего удивительного в том, что Ислам так болезненно реагирует на Запад.

Хотя физически европейцы массово и не присутствуют в мусульманских странах, духовно-идеологическое влияние Западной цивилизации в условиях глобализации проникает в них и ощущается ни как не слабее физического проникновения. Как отмечает В. Смирнов, «мусульманские страны в глобализованном мире испытывают мощное разрушительное давление Запада. Культурная экспансия и пропаганда идеи „общества потребления“ оказывают разлагающее влияние, прежде всего, на молодежь. Это приводит к эрозии идентичности, деформации национальных черт характера, в особенности языка и религии»⁴⁶.

Сложно не согласиться с приведенным выше высказыванием. Если прибавить к этому и последовавшее, начиная с Ирака, тотальное военное проникновение США, поддержанное европейскими государствами, в исламские регионы, то становится очевидно, что напряжение в самой Европе будет только нарастать.

Безусловно, европейское пространство испытывает сегодня цивилизационный страх перед исламской волной, которая набирает обороты. Так, к примеру, согласно докладу Европейской комиссии по правам человека, количество просителей убежища в странах Европейского Союза в 2011 году возросло на 16,2%, по сравнению с 2010 годом. В 2011 году более 302 тыс. человек подали заявки на получение убежища (в 2001 году, для сравнения, было подано 425 тыс. просьб)⁴⁷. Такой рост связан с восстаниями, прокатившимися по странам Северной Африки и Ближнему Востоку (так называемой «арабской весной»).

При этом не стоит забывать о конфликтах внутри самого Исламского мира, который отнюдь не столь однороден, как зачастую его представляют⁴⁸.

Современный Ислам многолик и разнообразен. К сожалению, общественность, как правило, видит лишь его «темную» сторону, которая активно тиражируется средствами массовой информации, навязывая обывателю искаженный образ этой религии. Виною тому, как это обычно и бывает, — человеческий фактор. Никакая религия изначально не имеет политического окраса, политизирует ее человек. И, как правило, во имя отнюдь не религиозных целей. Конструктивной части мусульманского сообщества в современных условиях приходится прилагать много сил, чтобы выправить скомпрометированный в глазах, в первую очередь, христиан имидж своей религии. Только тотальное отрицание экстремистских методов религиозной деятельности, полное отстранение от радикалов всех мастей, разъяснительная работа с населением (особенно в отдаленных районах — и здесь Исламу есть чему поучить, например, у такой же активной, как и он сам религиозной традиции, как Протестантизм) способны переломить ситуацию в лучшую сторону. Остается лишь надеяться, что здравый смысл возобладает, и столь пагубное явление, как исламский радикализм когда-нибудь, если не исчезнет полностью (это вряд ли возможно), то станет чем-то из ряда вон выходящим, абсолютно неприемлемым внутри мирной религии — Ислама.

Религии Азии: между Востоком и Западом

Говоря о религии на евразийском пространстве континента, нельзя обойти вниманием и столь важный компонент этнорелигиозной палитры, как традиционные вероучения Азии, поскольку именно они и послужили толчком для зарождения в мировом масштабе того, что в научной литературе принято назы-

вать НРД — новыми религиозными движениями⁴⁹.

Итак, данный раздел будет посвящен таким мощным религиозным учениям как Буддизм и Индуизм, объединяющий миллионы верующих в самых разных государствах региона, а также иным, менее многочисленным религиозным и этнокультурным традициям.

* * *

По состоянию на конец первого 10-летия XXI в. количество последователей Буддизма колеблется на уровне 7–8% (от 350 до 500 млн человек) населения Земли. Есть и более оптимистические оценки, которые говорят о более чем 1 млрд буддистов в мире⁵⁰.

Основное число буддистов живет в странах Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии: Бутане, Вьетнаме, Индии, Камбодже, Китае (а также китайское население Сингапура и Малайзии), Корее, Лаосе, Монголии, Мьянме, Непале, Таиланде, Тибете, Шри-Ланке, Японии. В России буддизм традиционно исповедуют жители Бурятии, Калмыкии, Тувы.

Различают три основных волны распространения буддизма. Первая прошла по Юго-Восточной Азии — это так называемый буддизм тхеравады. Он популярен в Шри-Ланке, Бирме, Таиланде, Лаосе и Камбодже и немного во Вьетнаме. Вторая волна распространялась через Центральную Азию в Китай, а из Китая в Японию, Корею и Вьетнам. И еще одна волна, с которой позже буддизм пришел из Индии в Тибет и из Тибета в Монголию, а также в Центральную Азию и к различным монгольским народностям, пришедшим в Россию, — к бурятам, калмыкам, а также к тюркской группе — тувинцам⁵¹.

В Буддизме, как правило, по его отношению к миру различают два направления — ортодоксальный (архаичный) и традиционный. Первый вариант этой религиозно-философской, мировоззренческой системы больше направлен на внутренне созерцание, нежели на активное включение в окружающую реальность. Исходя из этого, его представители — буддисты — меньшее значение придают вовлечению в ми-

ровые проблемы, фактически отказываясь от каких-либо социальных действий, хотя социальное учение Буддизма детально разработано.

Течения традиционного Буддизма, напротив — оказывают сопротивление глобализму, но, разумеется, в иной форме, нежели это делают представители, например, христианства. По мнению А. Агаджаняна, в силу целого ряда вероучительных особенностей (отсутствие понятия догмы, резкого дуализма праведности и греха, понятия священной войны, «ослабленная» идея избранничества и жесткой связи со светской властью) словосочетание «буддийский фундаментализм» является, по меньшей мере, неуместным. Тем не менее, Буддизм все же оказывает сопротивление глобализму в форме этнонациональной реакции, критики глобализма как секулярной идеологии, а западной культуры — как воплощения вульгарного материализма и рационализма⁵².

Современный Буддизм все больше оказывается втянутым в социально-политический контекст, как бы представителям данной мировоззренческой системы не хотелось избегать этого факта: религиозный плюрализм проникает в самые отдаленные регионы, внося свои коррективы в традиционные верования населения. Так, к глобализации в «буддистских» регионах сформировалось определенное отношение, имеющее два существенных аспекта. С одной стороны, глобализм вызывает отторжение у Буддизма с точки зрения его ярко выраженной западной направленности, несущей опасность для многовекового уклада жизни народов. С другой — с позиции смешения культур, — нивелирования традиции в угоду унификации и обобщению.

Так, на территории России сегодня отмечается все большее размывание взглядов в среде буддистов на свою религиозную как этнокультурную традицию. П. Варнавский, например, отмечает, что плюрализм и даже эклектизм религиозных воззрений распространяется, например, в Бурятии не только на уровне обществ, но и на уровне индивидуального сознания верующих. Массовое распространение получает эклектическое мировоззрение, сочетающее логически и генетически не связанные между собой элементы, почерпнутые из различных религиозных культур⁵³.

Большую роль в современном Буддизме имеет изменение социального статуса фигуры Далай-Ламы, который из духовного лидера все больше превращается в публичную фигуру, причем имеющую большую популярность в западном мире. В результате Буддизм входит в глобальное религиозное пространство, но уже не только как самобытная вероучительная традиция, но и как некая социально-политическая сила, способная влиять на мировой процесс, участвовать в нем.

Медийность Далай-Ламы позволяет делать вывод о том, что буддийская традиция продолжает оставаться актуальной для Запада, который, как представляется, сегодня находится в активном поиске новой духовности, взамен все более уступающему свои позиции христианству. В этой связи крайне важной является позиция буддийского лидера относительно процесса секуляризации, который, как мы уже отмечали, продолжает активно развиваться в странах Западной Европы. Пожалуй, наиболее известным из последних из них является следующее, облетевшее все мировые СМИ и вызвавшее активную дискуссию: «Все мировые религии, придавая особое значение любви, состраданию, терпимости и прощению, могут способствовать развитию духовных ценностей, и делают это. Но реальность... такова, что привязывание этики к религии более не имеет смысла. Поэтому я все больше убеждаюсь в том, что пришло время найти способ в вопросах духовности и этики обходиться без религий вообще»⁵⁴. Отказ от религиозной трактовки духовности — это именно то направление, в котором неумолимо движется западный мир, выстраивающий свою мораль на прин-

ципах светского гуманизма. Если И. Кант еще оставлял за религией право на роль морального арбитра, утверждая, что «мораль отнюдь не нуждается в религии», хотя и «неизбежно ведет к религии»⁵⁵, то Далай-Лама, входящий в топ современных влиятельных философов, предлагает проделать обратный путь — от религии к чистой морали. Очевидно, что подобного рода предложения целиком и полностью соответствуют духу секуляризации. Более того, нынешний Далай-Лама сам называет себя атеистом, подчеркивая, что Буддизм — система, не подразумевающая бога. В связи с этим следует привести еще одну мысль главы буддистов: «Моя уверенность в том, что мы должны сделать ставку на науку, опирается на понимание одной основополагающей вещи: и в науке, и в буддизме постижение природы реальности достигается посредством критического исследования. И если научный анализ опровергнет какие-то положения буддизма, мы должны принять это открытие и отказаться от ложных постулатов»⁵⁶.

Очевидно, в связи с вышесказанным встает острый вопрос: как коррелируется подобная открытость с явной закрытостью самой буддийской системы в Азии. Достаточно вспомнить недоступную Лхасу и удаленные аскетичные монастыри, в которые «никакой транспорт специально не идет»⁵⁷.

Как отмечает в связи с этим А. Агаджанян, «необходимо отличать „глобальный буддизм“, или „буддизм в процессе диалога“ от остального пространства современного Буддизма. Новые формы составляют небольшой сегмент этого пространства, тем не менее, именно они, в силу их новизны, оказывают наибольшее влияние на мировую культуру и глобальное восприятие того, что есть Буддизм сегодня, именно они определяют динамичный имидж Буддизма в „символической вселенной“ современной жизни»⁵⁸. При этом следует помнить, что оказываясь в нетрадиционных для себя условиях, буддизм, как и любая другая религиозная традиция, меняется, причем иногда весьма кардинально. Как отмечает Д.В. Аюшева, «на Западе сформировался собственный корпус адептов, возглавивших созданные учителями-тибетцами школы и направления, внедряющие в ранее не присутствующие в запад-

ной традиции тибетского буддизма институты, например, институт тулку и т. д.»⁵⁹.

Именно по этому мы и можем говорить фактически о существовании на сегодняшний день двух параллельных направлений Буддизма — западном (обновленном) и восточном (аутентичным). При этом, как представляется, нынешний Далай Лама, являясь главой всех буддистов, все же больше, на сегодняшний день, является представителем именно обновленного направления, замыкающегося на более мирском ламаизме. Более того, следует иметь в виду, что еще в 1970-е годы ряд специалистов по буддизму считали, что монастырский буддизм вскоре полностью исчезнет, тогда как мирской сохранится⁶⁰.

Транснационализация Буддизма имеет и обратную сторону. Выше мы указывали, что именно восточные религии часто становятся основой для всевозможных синкретических культов, получающих широкое распространение в небуддистском мире. Ярким примером тому, в том числе и в России, может служить секта «Аум Сенрике» (контакты ее лидера с Далай-Ламой лишь усугубили ситуацию с повышением уровня популярности).

Облегченные версии Буддизма (как и индуизма, о котором речь пойдет ниже) получают сегодня широкое распространение среди европейского населения. Окутанная завесой

таинственности, полумифическими рассказами о Шамбале, «подогреваемыми» в СМИ, буддистская традиция становится крайне притягательной, особенно в том случае, если предлагается в виде доступного комплекса незамысловатых практик, не требующих от человека особых усилий. Всевозможные гуру, учителя и наставники, прошедшие краткий курсприобщения к традиции, готовы за умеренную плату приоткрыть перед наивными неопитами глубины Тибетской мудрости. Очевидно, что настоящий Буддизм в подобной ситуации лишь несет моральные издержки.

Возвращаясь к вопросу об антисистемном потенциале Буддизма, следует отметить, что идеологическое эксплуатирование именно буддистской традиции является крайне выгодной с точки зрения нахождения иного модуса бытия, противоположного глобальному западному: Буддизм выступает своего рода альтернативной духовностью, предлагающей другие решения мировых проблем. Важно понять, что под воздействием глобализации в Буддизме также возникли новые институциональные формы — транснациональные «сети», разбросанные по всему миру. Другой не менее важной тенденцией современного буддизма в «глобальную эпоху» стало возникновение так называемого нового буддийского миссионерства⁶¹.

* * *

Еще одной великой восточной религиозной традицией, объединяющей сотни миллионов людей на евразийском пространстве является Индуизм⁶².

Индуизм — третья после Христианства и Ислама религия в мире, насчитывающая более 1 млрд последователей, из которых почти миллиард проживает в Индии и Непале.

Как и любое масштабное религиозное учение, Индуизм не однороден. В нем выделяют, по крайней мере, четыре крупных направления: Вайшнавизм, Шиваизм, Смартизм и Шактизм. Как отмечает известный отечественный исследователь Востока М.Ф. Альбидель, в настоящее время индуизм сохраняет прочные позиции, несмотря на упрощение ритуала и культовой практики, на изменения роли и статуса

жреческого сословия и разрушение некоторых традиционных религиозных ценностей; а современные индуистские богословы пытаются создать новую универсальную религию, которая бы примиряла противоречия и отвечала требованиям современной жизни⁶³.

Крайне не простоскладываются отношения у Индуизма с Христианством. Проблема заключается в многолетнем колониальном статусе Индии, ее зависимости от христианской Британии. Ничего удивительного в том нет. (Похожее неоднозначное отношение к христианству, правда, в данном случае с ярко выраженным католическим окрасом мы можем наблюдать, например, в странах Латинской Америки)⁶⁴. В современной Индии действует целый ряд индуистских фундаменталистских органи-

заций [«Шив Сена» («Армия Шивы») и др.], которые пытаются насильственно обращать христиан в индуизм. Более того, иногда в СМИ появляется информация чуть ли не о гонениях на христиан, сопряженных со смертельными исходами⁶⁵. С конца XIX в. нападения на христиан-далитов и их церкви участились в самых разных частях Индии, в особенности в Ориссе и Гуджарат⁶⁶.

Индуизм является, пожалуй, первой из восточных религий по популярности на Западе. Со второй половины XX в. он, благодаря своим популяризаторам, многие из которых, правда, считаются шарлатанами, перешагнул границы своего исторического распространения. Этому во многом способствовали звезды шоу-бизнеса той эпохи, которые увлеченно ездили в Индию, надеясь обрести там новый духовный опыт, а привозили квазирелигиозные интерпретации того, с чем познакомились. Достаточно

но привести пример лишь «The Beatles», попавших под влияние неоиндуистской секты Махараши. Другим известным и одиозным лидером неоиндуизма является не так давно скончавшийся Сатья Саи Баба, сыскавший славу чудотворца и чуть ли не святого.

Таким образом, можно говорить о своего рода феномене, который заключается в том, что восточные религии практически не попадают на Запад в своем аутентичном виде. Классическим примером, который является частью нашей современной жизни, может служить ситуация, сложившаяся вокруг Международного общества сознания Кришны (МОСК), активно действующем на всем постсоветском пространстве. (Индуизм на европейской части континента сегодня, как правило, ассоциируется именно с этой организацией; более того, на территории России МОСК является крупнейшей организацией индуистского толка.)

* * *

Своеобразная религиозная ситуация сложилась и в Китае. Специфичность религиозной ситуации в этой стране заключается в том, что, как отмечает А.А. Маслов, «говорить о „религии Китая“ можно лишь с очень большой долей условности... никаких классических черт религии, характерных для западной традиции, мы здесь не встречаем или видим их в бесконечно искаженной форме»⁶⁷.

Как известно, древняя китайская поговорка гласит: «Даосизм — это сердце, буддизм — кости, конфуцианство — плоть». Таким образом, триединство китайской религиозной традиции является отличительной ее чертой⁶⁸.

Официальная коммунистическая идеология в Китае продолжает порицать религиозные убеждения населения. Известны случаи преследования по религиозным убеждениям, но модернизационные процессы, которые сегодня активно идут в китайском обществе, выход Китая из изоляции, превращение его в один из экономических центров мира, безусловно влияют на религиозную обстановку в стране. Как отмечает М. Хорнеман, в 2003 году группой аппаратчиков КПК было проведено социологическое исследование среди студентов старших курсов пекинских вузов. Оно выявило, что

среди верующих 35% составляют члены КПК, т.е. от 4 до 5 тыс. студентов пекинских университетов «совмещают» религиозную практику с партбилетом⁶⁹.

Тот же автор констатирует, что сегодня партийно-государственное руководство КНР уже не поддерживает идею о том, что верующие — это естественные противники коммунистического режима, а даже наоборот — что сотрудничество с ними необходимо для строительства «гармоничного общества»⁷⁰.

Действительно, постепенная демократизация (естественно в восточном понимании) вносит свои коррективы в религиозную жизнь Китая. Как отмечают А.П. Забияко и М.А. Хаймурзина, в Китае «религия в рамках переосмысления марксистского наследия по-прежнему квалифицируется как „опиум народа“, однако частично меняется смысл этой характеристики. Однозначно негативная смысловая нагрузка трансформируется в нейтральную констатацию того очевидного факта, что религия в обществе выполняет социальную функцию, включающую управление обществом, социализацию индивидов и другие задачи»⁷¹.

Говоря о религиозной ситуации в современном Китае крайне важно помнить тот факт, что,

как отмечают сами китайские авторы, в этой стране не так много верующих, но не так много и не верующих — подавляющая часть населения находится «посередине и придерживается рационально-прагматических подходов к жизни»⁷².

В настоящее время в КНР заметно значительное повышение интереса к традиционному культурному наследию, в том числе и в сфере идеологии. В 80–90-е гг. в Китае также отмечается подъем интереса государства к вопросам изучения религий (и даосизма в частности)⁷³. Особенно следует отметить расширение изучения неоконфуцианства, причем пристальное внимание ученых и представителей китайской интеллигенции вызывают не только средневековые корифеи неоконфуцианской философии, но и учение современных философов неоконфуцианской ориентации⁷⁴.

После разгула «Культурной революции» и «болезни» вульгарного марксистского атеизма, Китай сегодня постепенно возвращается на свой многотысячелетний путь духовного развития, который, как ни странно, не особенно противоречит существующей ныне в этой стране идеологии. Нерелигиозность, а, скорее, изначальная философичность китайских духовных систем (как конфуцианства, так и даосизма) сегодня получает новое прочтение, открывается с иных позиций.

И, действительно, Лао Цзы говорил: «Когда будут устранены мудрствование и ученость, народ будет счастливее во сто крат; когда будут устранены человеколюбие и „справедливость“, народ возвратится к сыновней почтительности и отцовской любви; когда будут уничтожены хитрость и нажива, исчезнут воры и разбойники»⁷⁵. Даже поверхностный анализ данной философской сентенции позволяет сделать вывод, что она крайне удачно «ложится» на актуальные потребности современного Китая, которому нужны сотни миллионов рабочих рук, а не сотни миллионы «ученых» (чтобы обеспечивать мировую экономику); почтительное отношение в высшим властям, а не «коммунистическое» равенство, основанное на справедливости; принятие населением принципов «социализма», а не капиталистических установок на «наживу». Как верно отмечает А.В. Гайсина, «конфуцианство, даосизм и буддизм — три основных составляющих китайской культуры, формиро-

вавшейся тысячелетия. В XX в. к ним добавился марксизм, который хорошо коррелировал с традиционными ценностями Поднебесной»⁷⁶.

Выше мы указали на созвучность современному Китаю даосского учения. Но тоже самое утверждение можно в полной мере применить и к конфуцианству, которое в условиях глобального мира демонстрирует открытость и актуальность для китайского общества. Крайне важно отметить, что такой основополагающий принцип Конфуция, как рассмотрение государства в качестве большой патриархальной семьи продолжает быть востребованным и современным китайским государством. Большую роль сегодня играют и выработанные еще в древности конфуцианские принципы солидарной ответственности, которые сегодня с успехом сопрягаются с принципами социалистического коллективизма, общей ответственности перед партией и государством.

Показательно, что, как отмечает О.М. Долгих, «все страны конфуцианской цивилизации — Китай, Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Вьетнам — при бесспорных различиях в уровне своего нынешнего развития — объединены тем, что переживают сейчас либо пережили в недавнем прошлом беспрецедентный экономический бум, позволивший им покончить с отсталостью, догнать развитые страны Запада»⁷⁷. С О.М. Долгих согласен и китайский исследователь Х. Гэн, указывающий, что современное конфуцианство оказывает непосредственное влияние не только на население Китая, но и на мировое сообщество, особенно на страны азиатско-тихоокеанского ареала: Японию, Корею, Вьетнам и Сингапур. Как поясняет Х. Гэн, в качестве альтернативы западному индивидуализму Китай предлагает свой путь развития внешнеполитических отношений, основанный на социально-политическом коллективизме, который предполагает мир, дружбу и гармонию между странами. В результате же, по мнению китайского автора, именно такое взаимовыгодное и взаимообогащающее сотрудничество способно привести к решению первоочередных задач и глобальных проблем, которые стоят перед мировым сообществом, а сама конфуцианская идеология оказывает благоприятное влияние на будущее развитие всего мирового социума⁷⁸.

* * *

Краткий обзор азиатских религий показывает, что и в этой части Евразии существуют свои религиозные проблемы, но отличные от европейских. Если в западной части континента актуальным является вопрос о том, будет ли будущее этого региона вообще в дальнейшем связано с религией, то на Востоке религиозная традиция продолжает оставаться устойчивой и демонстрировать положительную динамику. Во многом это связано с низким уровнем жизни во многих странах Азии и низким уровнем образования населения. Если, говоря о Европе, мы рассуждаем о наступлении эпохи Постмодерна, то в азиатском регионе есть места, где еще не наступил даже Модерн. Контрасты Азии порождают и религиозные контрасты⁷⁹.

Главное, что следует отметить в контексте рассмотрения религиозной ситуации в азиатской части Евразии, это сохранение национальных культурных ценностей, многовековых традиций, не тронутых «цивилизацией». Это касается и многих этнических религиозных традиций, языческих культов малых народов, в том числе проживающих и на территории Российской Федерации (Сибирь, Дальний Восток), о которых у нас нет возможности сказать отдельно в рамках данной статьи. Отметим лишь, что в виду убывания численности населения внутри малых этнических групп, в начале XXI в. в виде острой проблемы встает задача по сохранению и изучению их духовного наследия⁸⁰.

Возможен ли диалог?

Выше мы говорили о тех религиозных процессах, которые заметны и обращают на себя внимание на просторах Евразии, так или иначе влияя на формирование современности в том виде, в котором мы ее знаем. Очевидно, что складывающаяся ситуация во многих аспектах может быть определена как конфликтогенная. При этом мы можем выделить несколько наиболее опасных направлений, по которым она может развиваться в дальнейшем:

- 1) противостояние Запада (иудео-христианской цивилизации, включая Израиль) с исламом;
- 2) противостояние между Православием и Католицизмом;
- 3) противостояние между мировыми религиями и локальными религиозными традициями;
- 4) противостояние между мировыми религиями и новыми религиозными движениями.

Не следует забывать, что все перечисленные точки напряжения развиваются в рамках набирающей силу секуляризации западных обществ и растущей религиозности обществ Востока. Таким образом, мы можем выделить еще один уровень конфликта, который проходит по линии противостояния светского/религиозного (в европейском контексте) и светского/духовно-религиозного (в общеевразийском контексте), и формализовать в качестве базовой

идеократической проблемы для Евразийского континента проблему учета качественных параметров / характеристик религиозного фактора в части:

- усиления / ослабления с его стороны (посредством идеологической и социокультурной активности религиозных институтов как акторов социально-политических отношений) атомарно-монистических тенденций в типе индивидуалистского или коллективистского начал в хозяйственном укладе и воспроизводстве в аспектах довлениия бытующим этнокультурным традициям/представлениям и национально-государственным образованиям, что получит реализацию в нормативно-правовых актах национального и регионального уровней с учетом определения специфики вызовов и угроз на региональном уровне;
- политического самоопределения национально-государственных элит, участвующих в выработке региональной политики в аспектах создания региональных центров силы, с учетом формирования новых условий (отдаленное будущее и прогноз его качественных параметров) и положения/статуса в них национальных государств-экономик как уникального актора, определяющегося типом хозяйственного уклада и профилем национальной культуры (онто-аксиологической моделью эт-

нокультурной традиций), что получит реализацию в нормативно-правовых актах, регулирующих сферу государственно-религиозных и эт-

нокультурных отношений как стратегии/политики национально-государственного строительства/развития.

* * *

Так, некоторое время назад С. Хантингтон полагал, что взаимоотношения между христианским западом и мусульманским востоком следует определять как квази-войну. Он выделял три причины, по которым ее можно определять: 1) далеко не весь исламский мир воюет со всем западным миром (в противостоянии участвуют отдельные государства с обеих сторон); 2) противостояние носит не всегда характер прямого военного столкновения; 3) конфликт носит перманентный характер — то затухая, то разгораясь вновь⁸¹.

С момента выхода книги «Столкновение цивилизаций», ситуация в мире несколько изменилась. Если Хантингтон анализировал ситуацию, когда фактом было лишь вторжение США в Ирак, то есть война в Персидском Заливе, то спустя 20 лет мы можем говорить уже не о псевдо-военных действиях: вторая война в Ираке, в Афганистане, в Югославии, в Ливии, готовящееся вторжение в Сирию — все это признаки широкомасштабной войны, ведущаяся при поддержке европейских государств. Произошли серьезные изменения и в перераспределении миграционных потоков, приведшие к увеличению регионов со смешанным в этнорелигиозном этнокультурном планах населением.

Очевидно, что ситуация усугубляется, чтобы надеяться на ее разрешение изнутри, собственными ресурсами. Очевидна потребность конкретных мер по стабилизации этнорелигиозного профиля евразийского пространства, направленных на выработку решений, не загоняющих проблему «вглубь», но разрешающих ее на качественно новом уровне.

Евразия, с нашей точки зрения, — это «континент-мир», вобравший в себя всю палитру бытия во всей множественности цивилизационных картин мира⁸². Являясь колыбелью всех мировых религий, Евразия, тем не менее, испытывает на себе и все актуальные для мира в целом проблемы.

Констатация того факта, что Евразия вбирает в себя элементы «европейских» и «азиат-

ских» культур, мало что объясняет. Существуют близкие культуры, которые не могут найти общий язык, например, нет взаимопонимания среди христиан, особенно между православными и католиками, в то же время православные уживаются с мусульманами⁸³.

Эти проблемы связаны с самыми разными аспектами социального бытия религий. Например, невысокий уровень жизни и активная деятельность радикальных проповедников продолжает оставлять Кавказ очагом нестабильности и регионом распространения социально-политического экстремизма под религиозными или этнокультурными лозунгами. Тревожные новости приходят из Татарстана, где так же наблюдается всплеск радикализма под лозунгами исламского вероучения (исламского толка). Напряженная ситуация складывается и за пределами России. Как отмечает А. Козэн, «...мы не должны с подозрением относиться ко всем без исключения мусульманским общинам из Евразии, но воинственный исламизм явно начинает пускать там свои ядовитые корни»⁸⁴.

Сложной остается ситуация с внутрехристианским — межконфессиональным — диалогом, который наталкивается на взаимное непонимание со стороны его участников. Одним из наиболее болезненных в этом отношении является вопрос экуменизма: Русская Православная Церковь продолжает видеть в Католицизме опасного соперника, а в протестантизме — сектантство.

Буддизм, оказавшись выведенным историей за пределы своей Ойкумены, так же находится в двойственном положении, пытаясь, с одной стороны, сохранить свою закрытость и отчужденность, а с другой — активно участвовать в жизни секулярного общества.

Проблемой остается и религиозно-мировоззренческая неопределенность миллионов людей, в первую очередь в Российской Федерации и на постсоветском пространстве. Имея поверхностные представления о Правосла-

вии, население все чаще обращается к сомнительным эзотерическим практикам и псевдонародным традициям, зачастую своей целью имеющим лишь получение материальной выгоды. Все это не способствует стабилизации духовно-мировоззренческих явлений в национальных культурах и, как следствие, напрямую влияет на политико-идеологические процессы и обстановку в странах региона.

Говоря о возможных путях гармонизации всего спектра отношений на евразийском пространстве, хочется напомнить слова католического священника и теолога Х. Кюнга, автора идеи так называемого «мирового этоса»: «Нет мира между народами без мира между религиями. Нет мира между религиями без диалога между религиями. Нет диалога между религиями без изучения основ религий». С учетом этого верного замечания, можно сделать следующие выводы:

1) Народам — обществам и государствам — необходим межрелигиозный мир⁸⁵.

2) Религии должны находиться в активном диалоге между собой и с общественно-политическими институтами⁸⁶.

3) Необходимо изучать различные религиозные традиции — развивать теолого-религиоведческие и философско-религиоведческие компетенции у населения с учетом региональных особенностей Евразийского континента⁸⁷.

Казалось бы, вполне очевидные вещи. Но как в реальной жизни достичь эти цели? И возможно ли это вообще?

Так, Х. Кюнг заявляет, что объединение различных компонентов социального бытия возможно лишь на основе всеобщего принятия как фундаментальной ценности идеи «Мирового Этоса». При этом философ поясняет: «Под мировым этосом мы понимаем не новую мировую идеологию, не унифицированную мировую религию и тем более не господство какой-либо одной религии над другими. Под мировым этосом мы понимаем базовый консенсус относительно существующих общих ценностей, неизменных стандартов и личных поведенческих позиций»⁸⁸.

Признание общей ответственности за будущее евразийского цивилизационного пространства — вот, пожалуй, то, что могло бы фундировать возможную общность разбитой

сегодня на этнорелигиозные кластеры Евразии. Крайне важным представляется в данном вопросе провозглашенный Х. Кюнгом опыт объединения/взаимодействия различных религиозных традиций на одной площадке — Парламент мировых религий, — который, впрочем, не следует путать с экуменизмом, нашел отклик (хотя, возможно, и бессознательный) и на постсоветском пространстве. Так, в Казахстане, в 1995 г. был создан уникальный общественный институт — Ассамблея народа Казахстана⁸⁹, а в России, в 1998 г., — Ассамблея народов России⁹⁰, которые стали авторитетными площадками диалога для согласования и поддержания интересов различных этнических групп и религиозных традиций. Как отмечается в презентующих Ассамблею народов Казахстана материалах, «в основу этой успешной отечественной модели толерантности легли принципы и традиции, характерные для коренного казахского народа — гостеприимство, почитание старших, уважение к другим нациям, культурам и религиям»⁹¹.

Говоря о Российском опыте выстраивания межрелигиозного диалога нельзя не сказать о Межрелигиозном совете России, образованном 23 декабря 1998 г. на встрече глав и представителей Московской патриархии, Совета муфтиев России, Центрального духовного управления мусульман России и европейских стран СНГ, Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений в России и Буддийской традиционной сангхи России. Целью деятельности Совета является «координация совместных действий и противодействие использованию религиозных чувств для разжигания межэтнических конфликтов, утверждение в обществе традиционных духовных ценностей, согласия и стабильности, диалог с государственной властью России и других стран»⁹².

Позже, в 2004 году в Москве на заседании II Межрелигиозного миротворческого форума состоялось учреждение Межрелигиозного совета СНГ при поддержке президентов России, Азербайджана, Грузии и Армении. В работе форума приняли участие 23 духовных лидера, представляющих все страны Содружества и ведущие религиозные традиции.

Важным по развитию данных инициатив стало учреждение интерактивного Форума религиозных деятелей — Съезда лидеров мировых и традиционных религий. Основой этой по своему уникальной коммуникативной интернет-площадки, стала интеллектуальная сеть в формате G-Global⁹³, созданная 12 января 2012 г. Ассоциацией «Евразийский экономический клуб ученых» по инициативы Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева.

Отдельно следует упомянуть и деятельность такой международной структуры, как Альянс цивилизаций. Инициатива создания Альянса цивилизаций была выдвинута Испанией в 2004 году и поддержана Турцией в 2005 году. Ее также поддержал Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, а сама инициатива нашла отражение в Итоговом документе Саммита мировых лидеров в Нью-Йорке (сентябрь 2005 г.) и в резолюции 60-й сессии ГА ООН «Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями». В 2006 году была сформирована Группа друзей Альянса цивилизаций, в которую вошла и Россия. Своего рода программным документом Альянса цивилизаций стал доклад Группы высокого уровня, опубликованный 13 ноября 2006 года. В докладе, в частности, говорилось: «Среди культур нет иерархии, поскольку каждая вносит вклад в развитие человечества. История цивилизаций фактически является историей взаимного заимствования и постоянного перекрестного оплодотворения»⁹⁴. Таким образом, в качестве фундаментальной основы разработчики документа указывали принцип равенства абсолютно всех культур, вне зависимости от их масштаба, что вполне укладывается в современную плюралистическую парадигму западного общества. Определяя демократию как оптимальную форму социо-политического бытия, авторы документа полагали, что лишь в ее рамках возможно позитивное разрешение конфликтных ситуаций. Указывая на возрастание роли религии в современном мире, доклад констатировал: «Во многих обществах растет поддержка в пользу усиления роли религии в общественной жизни»⁹⁵.

Рецепты по нормализации ситуации в межрелигиозной среде, которые давали авторы доклады, представляют большой интерес. В докладе отмечалось, что современная неприязнь

между западным и исламским миром коренится не в неразрешимых противоречиях этнорелигиозного характера, но в политике Запада на Востоке: продолжающийся израильско-палестинский конфликт, насилие в Афганистане и возрастающее насилие в ходе конфликта в Ираке⁹⁶. Таким образом, в первую очередь необходимо решить глобальные проблемы, которые и порождают напряжение: бороться же со следствием (например, с терроризмом), не устранив причину — бессмысленно. Среди же других важных проблем, которые необходимо соблюдать для нивелирования религиозной напряженности, Группа высокого уровня определяла бедность, несоблюдение прав человека, отсутствие религиозных свобод, низкую активность гражданского общества и так далее. В целом же документ рекомендовал усилить просветительскую работу по религиозной терпимости в рамках усиления демократической политической традиции в мире.

В «Национальном плане по развитию взаимоотношений с Альянсом цивилизаций» одной из своих задач Россия ставила налаживание межрелигиозного диалога на евразийском пространстве с помощью широкого спектра мер: конференций, форумов, а также задействования «образовательных учреждений РПЦ и Московского исламского университета для развития соответствующих учебных обменов по религиозной линии» и популяризации «опыта Межрелигиозного совета России как форума конструктивного взаимодействия представителей различных конфессий»⁹⁷.

В том же документе в качестве одной из приоритетных задач выделялась разработка «междисциплинарного модуля для примерных образовательных программ общего образования в области изучения истории и культуры религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России»⁹⁸.

Свой вклад в налаживание межрелигиозного взаимопонимания вносит и еще одна организация европейского уровня — Европейский совет религиозных лидеров, который так же предлагает искать выход из сложившейся конфликтной ситуации в сфере межрелигиозных отношений с помощью толерантного отношения ко всем традициям, уживания их в едином общеевропейском «доме»: «В межрелигиозном

диалоге необходимо уважать общие ценности, имеющиеся во всех великих религиозных традициях и записанные во Всеобщей декларации прав человека. Приверженность правам человека не исключает разнообразие мировоззрений или нравственных систем и интерпретаций»⁹⁹. Таким образом, в качестве базовой ценности провозглашается толерантность, основанная на гуманистических общечеловеческих ценностях, сопряженных с соответствующими моральными нормами различных религиозных традиций.

Как представляется, создание подобных площадок на всем евразийском пространстве является крайне перспективным направлением в деле развития межрелигиозного и межнационального диалога, выстраивания мирных отношений между различными этногосударственными образованиями как этнокультурными и религиозными традициями в цивилизационном масштабе. При этом в будущем вполне реально говорить о формировании евразийского межрелигиозного «парламента», в рамках которого абсолютно все традиции могли бы получить право голоса и быть услышанными, а основой может послужить опыт Межрелигиозных Советов России и СНГ, Европейского совета религиозных лидеров и национальных (региональных) Ассамблей народов.

Отсутствие или слабая развитость подобных площадок на региональных/национально-государственных уровнях ощущается крайне остро. Как отмечают исламские аналитики, в частности, культуролог-мусульманин Дж. С. Маркус «у ведущих религий России, у православных и мусульман, все еще не выстроены институты, не разработаны стратегия и проекты, и нет специалистов по межрелигиозному диалогу. Что уж говорить о менее крупных религиозных группах?»¹⁰⁰.

Существуют и иные рецепты оптимизации этнорелигиозного пространства. Так, В.И. Павлов предлагает ретроспективную схему обращения к национальной традиции, полагая, что «оптимистичные ожидания относительно создания социального, в том числе правового порядка по западному образцу посредством перенесения западноевропейских правовых стандартов постепенно сменились более глубокой рефлексией относительно собствен-

ного цивилизационно-культурного устройства и уникальности»¹⁰¹. Автор делает вывод, что «практики правовой субъективации (а они... являются решающим фактором в реальной социо- и юридической эффективности права) в евразийском регионе сформированы под воздействием цивилизационно-культурной специфики данного пространства»¹⁰². Следовательно, именно к ним следует вернуться, отторгнув либеральную правовую модель, как не подходящую для евразийского цивилизационного пространства.

Таким образом мы видим, что в данном случае предлагается де-/реконструкция исконных цивилизационных смыслов, гражданско-государственно-правовое строительство в соответствии с особенностями мировосприятия того или иного народа(ов). Продуктивно ли это?

Безусловно, необходимо учитывать национальную специфику, но, как представляется, структурировать общество по «неправовым», традиционным нормам — все же бесперспективно. Современный мир строится по иным шаблонам, включающим в себя, в первую очередь, понимание множественности как частей целого, но не разрозненных компонентов бытия. Отвергать это — значит сознательно маргинализировать свою позицию в контексте общемирового вектора развития. Более того — толкать общество к витку новых и новых конфликтов этно-религиозного характера в случае сведения правовых норм к нормам укладной, традиции этики и морали.

Страх перед унификацией, нивелированием национально-культурных и, в том числе, религиозных ценностей, свойственен сегодня многим субъектам мирового процесса, как на индивидуальном, так и на общественно-государственном уровнях. Стремление защитить себя от всепроникающей глобализации с ярко выраженной западной цивилизационной направленностью ведет к формированию, в том числе, и на государственном уровне, концептов самосохранения. Хорошим примером здесь могут служить «Рекомендации по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь», одобренные решением ученого совета Национального центра законодательства и правовых исследований Беларуси 23 апре-

ля 2013 года. В Рекомендациях, в частности, говорится: «Право призвано отражать подвижный баланс социальной справедливости, заключающийся в оптимальном на данный исторический момент соотношении индивидуальных и общественных интересов, прав и обязанностей с учетом национальных традиций и социальных ценностей белорусского народа»¹⁰³. Признавая необходимость построения правового государства, разработчики Рекомендаций настаивают, что автоматическое перенесение иностранного опыта на национально-государственную «почву» не является верным, так как «перенос этих ценностей на другую среду зачастую не влечет должного позитивного эффекта, выступая средством разрушения государства, снижения его субъектности»¹⁰⁴.

Итак, здесь представлен кардинально отличный от предлагаемого универсалистами (вроде Г. Кюнга) подход к решению вопроса о формировании оптимального социокультурного пространства, основанный на приоритете национального над наднациональным. Показательно, что данные инициативы исходят из Беларуси — государства, продолжающего оставаться в положении «осажденной крепости» по отношению к Западу. Возможно, в рамках небольшой по территории республики и имеет смысл говорить о некоторой самобытности, но насколько подходит этот путь «государствам-континентам», таким как Российская Федерация? Думается, что здесь не все так однозначно¹⁰⁵; отдельные проекты по формированию цивилизационного евразийского единства воспринимаются даже как «радикальные», с претензией на создание некой новой «евразийской» религии (так, А.Г. Дугин, например, оппонирует: «Я никогда не претендовал на создание какого-то собственного учения, и тем более не представлял себя „вероучителем“. Я поступал как философ, мыслитель, стремящийся постичь определенные духовные истины с опорой на традиционализм. При этом я все это время оставался прихожанином Русской Православной Церкви»)¹⁰⁶.

По мнению евразийцев, разнообразие природно-климатических зон с соответствующими ими хозяйственно-бытовыми и религиозными укладами народов, проживающих

на евразийском пространстве, обеспечивают возможности для широкого политического сотрудничества и государственного объединения евразийских народов, где каждый не теряет своей самостоятельности и культурного своеобразия¹⁰⁷. Так, П.Н. Савицкий, В.Н. Ильин, П.П. Сувчинский, Н.К. Рерих — проводили линию терпимости, братства и равноправия всех религий. Эти начала были приняты евразийством в качестве необходимых. Из них можно усмотреть, что ни о какой организуемой государством борьбе с иудеями, язычниками и христианами других церквей, с евразийской точки зрения, просто не может быть речи. Государство и Православная Церковь должны относиться к ним благожелательно и содействовать каждой вере, исповедуемой народами России — Евразии¹⁰⁸. Но в этом контексте несколько неоднозначно звучат слова одного из идейных основателей евразийства П.Н. Савицкого, который писал: «Евразийцы — православные люди. И Православная Церковь есть тот светильник, который им светит; к Ней, к Ее Дарам и Ее Благодати зовут они своих соотечественников; и не смущает их страшная смута, по наущению атеистов и богоборцев поднявшаяся в недрах Православной Церкви Российской. Верят они, что хватит духовных сил и что борение ведет к просветлению...»¹⁰⁹.

Как представляется, именно эта позиция является ключевой и в современном евразийстве, которое рассматривает все евразийское пространство как мультирелигиозное, но находящееся под неким духовным контролем Православия. Как отмечает академик, доктор исторических наук Р.С. Хакимов, «сегодня потенциально объединяющим началом Евразии выступает Россия, поскольку она занимает основное ее пространство. Не только два континента — Европа и Азия — географически объединяются именно благодаря России, но и ядром евразийской цивилизации выступает русская культура, на что и делали особый акцент евразийцы»¹¹⁰.

В условиях демократической плюралистической парадигмы с учетом динамично меняющихся геополитических интересов у большинства акторов, данный подход вызывает много вопросов и не может быть признан как наиболее приемлемый, поскольку на региональном

уровне нет доминирования какой-то одной религиозной традиции. Подобный подход будет лишь накалять обстановку и формировать негативное мнение о носителях православной вероисповедной традиции, в первую очередь со стороны исламского и католического населения, обладающего не меньшими миссионерско-прозелетистскими амбициями. Именно по этой причине и не представляется возможным окончательное принятие концепта «смерти Просвещения» с его приоритетами атомизации и индивидуализации. «Теологический», «конфессиональный» дискурс невозможен в обществе, в котором значительная часть населения абстрагирована от религиозной проблематики. Желание «теологизировать» межрелигиозный диалог не учитывает интересы многих участников общества, незаинтересованных в подобном разрешении проблемы. Кроме этого, вызывает серьезные сомнения и сама попытка найти точки соприкосновения на богословском уровне. Это же относится и к «культурному» варианту разрешения ситуации.

Конечно, русская культура и христианство, как часть культурной традиции, носила системообразующий характер на определенном, довольно долгом этапе истории развития сначала Российской империи, а затем и СССР. Но события прошлого показали, что отчасти именно ее доминирование стало причиной возрождения национального самосознания имперских окраин и, как следствие, выход их из состава единого государственного образования. Не умоляя величия русской культурной традиции мы все же вынуждены отметить, что Евразия (в том числе и постсоветское пространство) — это мультирелигиозный регион, в котором присутствуют и другие, не менее значимые традиции, например, Ислам и Буддизм.

Таким образом, нам представляется, что одной из важнейших задач является не движение назад, не запираание себя в рамки национальной этно-культурно-религиозной традиции, но поступательное движение вперед в условиях новых реалий мира, озадаченного проблемами модернизации, гуманизации и эффективного использования ресурсов.

Духовный кризис современности, основанный на апатии социума, усталости от неопределенностей идеологического плюрализма, не

означает, что развитие Мира перестает иметь некую заданность и направленность. «Конец истории» был провозглашен слишком поспешно. Существуют различные точки зрения на цель этой заданности: одни рекомендуют вернуть в мир его телеологическое содержание¹¹¹, другие полагают, что основой развития является идея прогресса, скрепленная постулатами светского гуманизма¹¹². В этом и заключается множественность реальности. Ясно одно: евразийское пространство должно найти средство для гармонизации межрелигиозных, этнокультурных и межнациональных отношений для выстраивания конструктивного диалога в целях стабильности и мирного сосуществования, поскольку в противном случае последствия разобщенности и накопление в недрах общественно-государственных образований конфликтогенных потенциалов может привести к известным, но не предсказуемым в своих масштабах последствиям.

Крайне важно и решение такой задачи, как построение истинно демократических обществ, как на постсоветском пространстве, так и в масштабе всего евразийского континента. В этом аспекте следует отметить, что демократия, основанная на светской гуманистической традиции, отнюдь не является противницей религии. Сегодня же мы часто видим неадекватную реакцию со стороны так называемой либеральной демократической общности, стремящейся полностью изолировать религиозную составляющую общественного бытия. Критика религии переходит в прямое действие, направленное на очернение религиозных традиций, оскорбление чувств верующего населения. Как верно отметил Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев на IV Съезде лидеров мировых и традиционных религий (Астана, 30.05.2012), «мы решительно осуждаем такие выходы и выражаем поддержку всем религиозным лидерам, всем религиям в их противостоянии всплеску воинствующего безбожничества»¹¹³.

Сила демократического государства заключается именно в гарантиях сожительства верующих и не верующих, и верующих, принадлежащих к самым разным религиозным традициям. Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл ясно выразил эту мысль на одном из своих недав-

них выступлений: «Сегодня мы, религиозные лидеры, призваны ясно говорить о пагубности попыток строить мир без Бога — мир господства страстей и эгоизма. В этом нашем свидетельстве мы будем иметь множество союзников, в том числе среди неверующих людей. По своему опыту знаю, какую большую поддержку многим программам Русской Православной Церкви сегодня оказывают люди, которые не являются верующими»¹¹⁴.

И последнее: полярные концепты структурирования евразийского пространства, безусловно, представляют определенную культурологическую ценность, но, как представляется, не могут быть восприняты в качестве базовых. Обратить всех в Православие или же наоборот — собрать под знаменами Халифата, заставить поклоняться неоязыческим божествам или вообще принудить отказаться от

каких-либо религиозных предпочтений и позиции — все это крайности, причем тающие в себе огромные опасности. Современные религиозные объединения, транслирующие системы религиозных ценностей, в современных условиях приобретают особую роль и значимость — они призываются к активной позиции в социально-политической жизни региона(ов) и мира в целом, поскольку удерживают и воспроизводят онто-аксиологическое ядро этнокультурных как национально-государственных картин мира в масштабах цивилизационного единства мира с конкретным образом базового в нем актора — человека, а потому и выступают одним из важнейших средств/инструментов взаимодействия, точкой соприкосновения этнокультурных традиций в масштабе локальной цивилизации и межкультурного диалога.

¹ Berger P.L. The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics. Washington and Grand Rapids: EPPC and Eerdmans. 1999. P. 2.

² См.: Евразия: страны, народы, культуры, религии / отв. ред. Э.А. Баграмов [не периодич. изд.] 1996; Народы России: Атлас культур и религий / отв. ред. В.А. Тишков, А.В. Журавский, О.Е. Казьмина. М., 2008; Платонов О.А. Русская цивилизация. М., 1995; Экономцев И.Н. Православие: Византия, Россия. М., 1992; и др.

³ Хабермас Ю. Дополитические основы демократического правового государства? // Диалектика секуляризации: о разуме и религии. М., 2006. С. 71.

⁴ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134.

⁵ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004 С. 329.

⁶ Малахов В.С. Еще раз о конце истории // Вопросы философии. 1994. № 7–8. С. 48–50.

⁷ Белявска А. Европейская Конституция: Спор об *Invocatio Dei* и акцентировании христианских корней Европы / А. Белявска, Я. Вишневецки // История и современность. 2005. Март. № 1. С. 33.

⁸ Подробнее см.: Шмидт В.В. Религиозный фактор как инструмент политики стран Европейского Союза / В.В. Шмидт, В.Н. Телегин, С.В. Телегина // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 2. С. 92–107.

⁹ Богомазов В.М. Понтификат Бенедикта XVI и основа социальных воззрений католицизма в начале XXI в. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2011. № 1. С. 45–56.

¹⁰ Is Europe's future Christian? // Theguardian.com. 2009. June, 1 (Monday).

¹¹ Andrew Sullivan. Christianity in Crisis // The Daily Beast. 2012. Apr. 2.

¹² Число мусульман к 2030 г. превысит четверть населения мира // gazeta.kz. 2011. 2 февр. [Электронный ресурс]. URL: <http://articles.gazeta.kz/art.asp?aid=333104>

¹³ См.: Свобода религии и убеждений: основные принципы (философия, законодательство, защита свободы совести) / под ред. Т. Линдхольма, К. Дурэма, Б. Тахзиб-ли. М., 2012; Султанов А.Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. М., 2012; Серуляризм и религиозная свобода — противостояние или партнерство / под ред. О.Ю. Гончаровой, И.А. Шалобиной. М., 2013; Данненберг А.Н. Тупики «постсекулярного». Новейшие философско-теологические концепции как выражение кризиса западного христианства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/3430693.html>

¹⁴ Численность верующих на территории Европы // Статистика: религиозность и атеизм в Европейском Союзе. Статистика: отношение к различным духовным и человеческим ценностям [Электронный ресурс]. URL: <http://oangem.wordpress.com>

¹⁵ В Польше наблюдается заметное снижение числа верующих // Седмица.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/3552500.html>

¹⁶ См.: Игумен Нектарий (Морозов). Между колебаниями маятника, или В поисках верного пути // Православие и современность. 2007. № 3.

¹⁷ Заметим: так индивидуальное становится соборно/коллективно определенным и обусловленным в рамках историко-культурной правопреемственности, т. е. так устанавливается принцип родо-видовой обусловленности социо-культурно-политической идентичности актора международных отношений как отношений национально-государственных, как отношений суверенов/суверенных.

¹⁸ Если учесть, что этот же принцип организации лежит в основе и общественно-государственного устройства этно-национальных образований, то гражданином-патриотом может быть/считаться лишь тот, кто во всей полноте соотносит себя с той или иной формой организации власти, разделяя ее идеологические установки на форму управления/распределения коллективных/национальных благ.

¹⁹ М. де Унамуньо. О трагическом чувстве жизни. Серия «Книги века»: Киев. Символ. 1996. С. 43.

²⁰ Примерно в этом интервале колеблется, согласно социологическим опросам, количество верующих, истинно находящихся в лоне Православной традиции, с точки зрения соблюдения догматических требований.

²¹ Напр.: Шмидт В.В. Выступление на «круглом столе» [2: 12:45–21:33], посвященном презентации всероссийского исследования социологической службы «СПЕДА» на тему «Образ Церкви: что имеем, что хотим?» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/kak-issledovat-obraz-cerkvi-video>

²² В России 74% православных и 7% мусульман. 17.12.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/17-12-2012/v-rossii-74-pravoslavnykh-i-7-musulman>

²³ Лункин Р. Протестантизм и глобализация на просторах Евразии // Религия и глобализация на просторах Евразии. М., 2005. С. 94.

²⁴ Англиканская Церковь готова рукополагать женщин-епископов [Электронный ресурс]. URL: <http://tbn-tv.ru/vera/anglikanskaya-cerkov-gotova-rukopolagat-zhenshhin-episkopov>

²⁵ Миряне Англиканской Церкви против рукоположения женщин в епископы, духовенство — за [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/57587.htm>

²⁶ Milbank J. Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason. Oxford, 1990. P. 177.

²⁷ Milbank J. Against Human Rights: Liberty in the Western Tradition // Oxford Journal of Law and Religion. 2012. Vol. 1. № 1. P. 204.

²⁸ Ibid. P. 234.

²⁹ Ратцингер Й. Сущность и задачи богословия. Попытки определения в диспуте современности. М., 2007. С. 32.

³⁰ Ратцингер Й. Что держит мир: Дополитические моральные основы либерального государства // Диалектика секуляризации: о разуме и религии [Электронный ресурс]. URL: http://gendocs.ru/v7129/юрген_хабермас,_йозеф_ратцингер_бenedикт_xvi._диалектика_секуляризации._o_разуме_и_религии

³¹ Гайда Ф. Изменился ли Католицизм // Интернет-журнал Православие.ru. 26.12.2012. URL: <http://www.pravoslavie.ru/analit/58223.htm>

³² Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>

³³ Катехизис Католической Церкви. М., 2007.

³⁴ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>

³⁵ Пастырская конституция «О Церкви в современном мире» // Документы Второго Ватиканского собора. М., 1998. С. 451

³⁶ Эта позиция *de jure* получила свое закрепление в нормах Вестфальского мирного договора 1648 г., и с того периода имеет последовательное историко-культурное и политико-правовое развитие.

³⁷ Игнатенко А. Эпистемология исламского радикализма // Религия и глобализация на просторах Евразии. М., 2005. С. 182.

³⁸ О проблеме дефиниций, как и аспектах определения и уточнения религиозных явлений в политической сфере см.: Козлов М.В. Религиозный фактор в политическом радикализме на Ближнем Востоке: дис. ... канд. полит. наук. М.: РАХИГС, 2013.

³⁹ См., напр.: Баширов Л.А. Ислам: вероучительные направления и течения, правовые и философские школы: учеб. пособие. М., 2011; Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. М., 1978, Он же. Шариат: закон жизни мусульман: Ответы шариата на проблемы современности. М., 2009; Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. СПб., 2004; Ислам: энциклопедический словарь. М., 1991.

⁴⁰ Mapping the Global Muslim Population (Pew Research Center) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pewforum.org>

⁴¹ Меркель заявила о провале мультикультурализма // Русская служба BBC. 17.10.2010 [Электронный ресурс]. URL: www.bbc.co.uk/russian/.../101016_merkel_multiculturalism_failed.shtml

- ⁴² Sarkozy N. Le multiculturalisme, "un échec" // LeFigaro. 2011. Fevr., 10.
- ⁴³ Малахов В. Культурный плюрализм versus мультикультурализм // Логос. 2000. № 5/6. С. 4–8.
- ⁴⁴ Хантингтон С. Кто мы? М., 2004. С. 226.
- ⁴⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. С. 329; также см.: Талаль, Аль Хассан Бин. Христианство в арабском мире. М., 2002.
- ⁴⁶ Смирнов В.А. Исламский радикализм: вызов современному миру (выступление на III Всероссийской научно-практической конференции. М., 18–19 окт. 2012 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://nac.gov.ru/content/4271.html>
- ⁴⁷ «Арабская весна» увеличила поток мигрантов в ЕС // Информационный портал «Правый мир». URL: <http://www.right-world.net/news/2396>
- ⁴⁸ Важно помнить, что для Ислама исторически было привычно делиться на многочисленные группы (фирак), несогласные между собой по тем или иным моментам религиозного учения. Но если для традиционно исламских регионов данный факт был нормой жизни, то с распространением Ислама в мире с ним пришлось познакомиться и населению других, далеких от Ислама государств (в первую очередь — европейских). См.: Климович Л.И. Книга о Коране, его происхождении и мифологии. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1986; Аш-Шахрастани. Книга о религиях и сектах. Ч. 1: Ислам. М., 1984.
- ⁴⁹ См.: Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России. Ч. 1. М., 1999; Баркер А. Новые религиозные движения. СПб., 1997; Григорьева Л.И. Религии «нового века» в современной России: социально-философский анализ: дисс. ... канд. филос. наук. М., 2000; Гуревич П.С. Нетрадиционные религии на Западе и Восточные религиозные культы. М., 1985; Митрохин Л.Н. Религии «Нового века». М. 1985.
- ⁵⁰ Терентьев А.А. Буддизм // Энциклопедия религий / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М., 2008. С. 208
- ⁵¹ Берзин А. Буддизм в XXI веке: задачи и проблемы [Электронный ресурс]. URL: http://www.berzinarchives.com/web/ru/archives/approaching_buddhism/world_today/challenges_buddhism_21_century/challenges_buddhism_21_century.html; см., напр.: Агаджанян А.С. Буддийский путь в XX веке: Религиозные ценности и современная история стран тхеравады. М., 1993; Корнев В.И. Буддизм и его роль в общественной жизни стран Азии. М., 1983; Минаев И.П. Буддизм: исследования и материалы: в 2 т. СПб., 1887; Розенберг О.О. Труды по буддизму. М., 1991; Сафронова Е.С. Буддизм в странах Западной и России: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999; Уланов М.С. Буддизм в социокультурном пространстве России. Элиста, 2009; Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму. М., 1988.
- ⁵² В Московском центре Карнеги обсуждали проблемы буддизма в контексте глобализации [Благовест-инфо. 20.11.2003] [Электронный ресурс]. URL: <http://newsru.com/religy/20nov2003/globbuddism.html>; также см.: Категории буддийской культуры. СПб., 2000.
- ⁵³ Варнаровский П. «Национальная» религия в контексте глобализации: традиционный буддизм в современной Бурятии // Антропологический форум. 2009. № 14. С. 196.
- ⁵⁴ Неожиданное заявление Далай-Ламы [Электронный ресурс]. URL: <http://shkolamudrosti.ru/news/neozhidannoe-zayavlenie-dalaj-lamy>
- ⁵⁵ Кант И. Тракаты и письма. М., 1980. С. 81.
- ⁵⁶ Цит. по: 12 живых атеистов // Русский Репортер. 2013. 11 июля. № 27 (305).
- ⁵⁷ Гарри И.Р. Монастыри Восточного Тибета школы Ньингмапа // Религиоведение. 2013. № 3. С. 56.
- ⁵⁸ URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=15308>
- ⁵⁹ Аюшеева Д.В. Тибетский буддизм в Северной Америке // Религиоведение. 2013. № 3. С. 68.
- ⁶⁰ См. напр.: Welch H.H. The Bellagio Conference on Taoist Studies. History of Religions. 1969/1970. Vol. 9. No. 2–3.
- ⁶¹ Агаджанян А. Буддизм в современном мире: мягкая альтернатива глобализму // Религия и глобализация на просторах Евразии. М., 2005. С. 227–235.
- ⁶² См., напр.: Андросов В.П. Будда Шакьямуни и индийский буддизм: современное истолкование древних текстов. М., 2001; Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. М., 2007; Грачев Г.Д. Образы Индии (опыт экзистенциальной культурологии). М., 1993; Шохин В.К. Древняя Индия и культура Руси (XI – середина XV в.). М., 1988.
- ⁶³ См.: Альбидель М.Ф. Протоиндийское «колесо времени» // Календарь в культуре народов мира. М., 1993; Альбидель М.Ф. Забытая цивилизация в долине Инда. СПб., 1991.
- ⁶⁴ См., напр.: Данненберг А.Н. Религия на Кубе: философско-религиоведческий анализ. М.: Дело, 2013; Данненберг А.Н. Кризис Католицизма в Латинской Америке: причины и последствия // Человеческий капитал. 2013. № 2 (50).
- ⁶⁵ Христиане в Индии подвергаются жестокому гонению, которые к настоящему времени стали причиной восьми тысяч смертей и тысячи беженцев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.religare.ru>
- ⁶⁶ Halbfass W. India and Europe: An Essay in Understanding. State University of New York Press, 1988.
- ⁶⁷ Маслов А.А. Китай: Укрощение драконов: духовные поиски и сакральный экстаз. М., 2003. С. 17.

⁶⁸ См.: Долгов К.М. Духовная культура Китая: критический анализ и краткое изложение Энциклопедии «Духовная культура Китая»: В 5 т. М., 2010; Янгутов Л.Е. Единство, тождество и гармония в философии китайского буддизма. Новосибирск, 1995.

⁶⁹ Хорнеман М. Религиозный коммунизм и религиозные свободы в Китае [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-credo.ru>

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Забияко А.П. Интерпретация религии китайскими мыслителями в контексте развития религиоведения в КНР (вторая половина XX — начало XXI в.) / А.П. Забияко, М.А. Хаймурзина // Религиоведение. 2013. № 3. С. 83.

⁷² Там же. С. 84.

⁷³ Цзянь В. Даосизм: состояние и место в современном Китае: дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2000. С. 7.

⁷⁴ Торчинов Е.А. Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. Изд-во: Андреев и сыновья. 1993. С. 215.

⁷⁵ Цит по: Чуев Н. Ранние даосы о проблемах войны и мира // Вестник Челябинского университета. Сер. 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2004. № 1. С. 48.

⁷⁶ Гайсина А.В. Социально-политические аспекты конфуцианства, даосизма и буддизма в Китае /// Известия Уральского государственного университета. 2010. № 4. С. 155.

⁷⁷ Долгих О.М. Конфуцианство: традиции и современность // Вестник Челябинского университета. Сер. 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2003. № 1 (2). С. 107.

⁷⁸ См.: Гэн Х. Конфуцианство и его влияние на социально-политическую жизнь современного Китая: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Уссурийск, 2011. 199 с.

⁷⁹ См.: Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке (очерки общей теории). М., 1990; Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997; Сорокин П.А. Человек: Общество: Цивилизация. М., 1992; Религия и глобализация на просторах Евразии. М., 2005.

⁸⁰ См.: Религии России: учебное, справочно-аналитическое пособие по вопросам государственно-конфессиональных отношений и религиоведению / под общ.ред. О.Ю. Васильевой, В.В. Шмидта. М., 2009. С. 4–5, 96–98.

⁸¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. С. 340.

⁸² О проблемах типологии картин мира и подходах к их анализу см.: Родзинский Д.Л. Антропологические аспекты бытия и небытия: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2014; Лейбин В.М. Модели мира и образ человека: критический анализ идей Римского клуба. М., 1982; Харитонов А.С. Практикующая философия: к обоснованию телеологического подхода / А.С. Харитонов, В.В. Шмидт // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 3. С. 15–38; Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2003.

⁸³ Медведев Д.М. Стабилизационный и конфликтогенный потенциал религии в современном политическом процессе: дис. ... канд. полит. наук. Тула, 2009. С. 185.

⁸⁴ Cohen A. Challenges of the Eurasian Muslim Diaspora // The National Interest. 21.05.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://nationalinterest.org/commentary/challenges-the-eurasian-muslim-diaspora-8493>

⁸⁵ О проблемах межинституционального взаимодействия и управления в сфере государственно-религиозных отношений см.: Мировой опыт государственно-церковных отношений / под ред. Н.А. Трофимчука. М., 1999; Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние) / сост. Ф.Г. Овсиенко, М.И. Одинцов, Н.А. Трофимчук и др. М., 1996; Религия и общество: очерки современной жизни современной России / отв. ред. и сост. С.Б. Филатов. М.; СПб., 2002; Кравчук В.В. Государственно-церковные отношения в странах западной Европы: философско-правовой аспект: дис. ... канд. филос. наук. М., 1999; Мирошникова Е.М. Модели государственно-церковных отношений в современном мире: хрестоматия. Тула, 2009; Она же. Кооперационная модель государственно-церковных отношений: опыт и проблемы. М.; Тула, 2007; Шахов М.О. Конституционно-правовые основы государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации. М., 2005; Он же. Реализация принципа светскости государственной гражданской службы в Российской Федерации. М., 2006.

⁸⁶ См.: Будущее религии: проблемы и перспективы /под ред. А.С. Панарина, П.С. Гуревича, Н.З. Ярошука. Вып. 1. М., 1991; вып. 2. 1992; Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век. М., 2001; Мельник С.В. Съезд лидеров мировых и традиционных религий в Астане: от 10-летия свидетельства к 10-летию действия / С.В. Мельник, В.В. Шмидт // Евразия: духовные традиции народов. 2013. № 1–2; также см. мат-лы: Межрелигиозный совет России [Электронный ресурс]. URL: <http://interreligious.ru/mezhreligioznyy-sovet-rossii>; Межрелигиозный совет СНГ [Электронный ресурс]. URL: <http://interreligious.ru/mezhreligioznyy-sovet-sng>

⁸⁷ См.: Шмидт В.В. Модель религиоведческого и теологического образования в системе образования России / В.В. Шмидт, Ю.А. Кимелев, игумен Петр (Еремеев). // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 3. С. 39–46; Мирошникова Е.М. Особенности применения международного опыта в области религиозного образования в российских условиях // Историческая наука и историческое образование на Дальнем Востоке. Владивосток, 2009, С. 294–300; The Routledge international Handbook of Religious Education // ed. by D.H. Davis & E. Miroshnikova. L. N.Y., 2012.

- ⁸⁸ Декларация мирового этоса (Парламент религий мира. 4 сент. 1993, Чикаго, США) [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/documents/weltethos.html>
- ⁸⁹ URL: <http://www.assembly.kz/50/>
- ⁹⁰ URL: <http://аппр.пф/>
- ⁹¹ Межконфессиональное согласие — высшая ценность казахской государственности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gumilev-center.ru>
- ⁹² URL: <http://interreligious.ru/mezhreligioznyy-sovet-rossii/obshchaya-informaciya>
- ⁹³ URL: www.group-global.org
- ⁹⁴ Доклад Группы высокого уровня. 13 ноября 2006 г. С. 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unaoc.org/>
- ⁹⁵ Там же. С. 9.
- ⁹⁶ Там же. С. 18.
- ⁹⁷ Национальный план по развитию взаимоотношений с Альянсом цивилизаций. С. 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unaoc.org>
- ⁹⁸ Там же. С. 6.
- ⁹⁹ Берлинская декларация о межрелигиозном диалоге Европейского совета религиозных лидеров. 05.03.2008 г. [Электронный ресурс]. URL: www.rfp-europe.eu/doc//Berlin-Rus.pdf
- ¹⁰⁰ Маркус Дж.-С. Межрелигиозный диалог в России: проблемы и динамика // Ислам.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://www.islam.ru/content/analytics/1963>
- ¹⁰¹ Павлов В.И. Евразийское цивилизационно-культурное пространство как поле уникальных юридико-антропологических практик // Беларусь и Россия в европейском контексте: проблемы государственного управления процессом модернизации: мат-лы Междунар. науч.-практич. конф. (Минск, 20–21 окт. 2011 г.). Мн., 2012. С. 253.
- ¹⁰² Там же. С. 254.
- ¹⁰³ Рекомендации по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь (Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 23.04.2013) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=11851>
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ См.: Россия между Европой и Азией: хрестоматия: в 2 ч. / сост. Н.Г. Федоровский. М. 1994; Атрощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск, 2003; Горяев А.Т. Евразийство: «научный замысел» и практические реалии. М., 2001; он же. Евразийская идея и проблемы самоидентификации России. М., 2003; Дугин А.Г. Проект «Евразия». М., 2004; Ерасов Б.С. Социокультурные и геополитические принципы евразийства // Полис. 2001. № 5. С. 65–74; Жданов М.В. Евразийство: история и современность. Калуга, 2004; Ким В.Н. Философия культуры евразийства и наследие художественной культуры Центральной Азии: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2004; Назарбаев Н.А. Стратегия трансформации общества и возрождения евразийской цивилизации. М., 2002; Орлова И.Б. Евразийская цивилизация: социально-историческая перспектива. М., 1998; Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1995; Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994; Соколов С.М. Философия русского зарубежья: евразийство. Улан-Удэ, 2003; Троицкая Н.Е. Русская цивилизация между Востоком, Западом и Югом. М., 1995; Трубецкой Н.С. История, культура, язык. М., 1995; Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 1997; и др.
- ¹⁰⁶ Дугин А. О моем отношении к религии: вынужденные пояснения // Евразия.инфо. 27.11.2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://evrazia.info/article/4335>
- ¹⁰⁷ Романова Е.В. Религиозные основания этнополитического пространства в концепции основоположников евразийства // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5 (60). С. 265.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 226.
- ¹⁰⁹ Савицкий П.Н. Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993. С. 105.
- ¹¹⁰ Хакимов Р.С. Евразия: история будущего (отрывки) // Научный Татарстан. 2011. № 2. С. 9–10.
- ¹¹¹ Харитонов А.С. Практикующая философия: religio и математический аппарат холизма (о необходимости восстановления телеологического подхода) / А.С. Харитонов, В.В. Шмидт // Вопросы религии и Религиоведение. 2010. Вып. 2. Т. 1. С. 209–240.
- ¹¹² Наиболее последовательно точку зрения о самодостаточности либеральной демократической идеи, о ее способности черпать ресурсы для устранения возможных конфликтных ситуаций из себя самой (не обращаясь к иным источникам, например, к религии) — «позитивный модернизм» — проводит немецкий философ Ю. Хабермас (см., напр.: Хабермас Ю. Дополнительные основы демократического правового государства? // Диалектика секуляризации: о разуме и религии. М., 2006).
- ¹¹³ Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева // Право и безопасность. 2012. № 2 (42). С. 5
- ¹¹⁴ Выступление Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла на IV Съезде лидеров мировых и традиционных религий (Астана, 30.05.2012) // Право и безопасность. 2012. № 2 (42). С. 9.

УДК 32:314.7(470.57)

ЮСУПОВ Марсель Харисович,
депутат Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации VI созыва
e-mail: Kulsarina.g@mail.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТРАНЗИТ

В данной статье оцениваются региональные особенности субъектов Российской Федерации, определяющие миграционные потоки в стране. В частности, исследуется миграционный потенциал Республики Башкортостан.

Ключевые слова: миграция, политика, регион, привлекательность, республика, труд, нелегалы, муниципалитет, город, деревня, инфраструктура.

Миграционная ситуация в регионах России контрастна. Ряд территорий, таких, как например, Дальний Восток или Сибирь имеет отрицательный механический прирост населения. В то время как миграционно привлекательными становятся: Москва, Санкт-Петербург, Центральный, Приволжский и Южный федеральные округа. Приволжский федеральный округ относится к числу регионов со значительным миграционным ростом населения, в том числе — нелегальным.

Нелегальная миграция несет в себе угрозу распространения преступности. Влияние на рост преступности, на формирование и пополнение этнических организованных преступных групп может оказать массовое увольнение иностранцев, происходящее в результате последствий мирового финансового кризиса. На совершение преступлений мигрантов толкает, в том числе отсутствие у многих из них финансовой возможности вернуться на родину. Другой опасностью, которую таит в себе нелегальная миграция, является распространение инфекционных заболеваний. Как известно, для получения разрешения на трудовую деятельность мигранты должны представить документы, удостоверяющие их состояние здоровья. Администрации и правоохранительные органы российских регионов обратили внимание на то, что среди соискателей трудоустройства получили широкое рас-

пространение поддельные медицинские документы¹.

По мнению В.В. Бобылева данная тенденция приводит к противоречивым последствиям. Позитивными можно считать восполнение естественной убыли населения, взаимную адаптацию культур мигрантов и принимающих сообществ. Негативными последствиями являются риски этноконфессиональных конфликтов, преступности, сепаратизма².

Миграция в современной России имеет устойчивые особенности. Важнейшие из них таковы:

- преобладание в миграционном потоке внутренней (межрегиональной) миграции над внешней;

- доминирование в составе внешней миграции переселенцев из «ближнего зарубежья» — стран СНГ и Балтии, причем количественно преобладают иммигранты из стран Центральной Азии и Закавказья;

- нерациональное с точки зрения национальных интересов направление миграционных потоков: отток постоянных жителей с Дальнего Востока и из Сибири, Европейского Севера и Нечерноземья сочетается с чрезмерным притоком мигрантов в Москву и Санкт-Петербург, города — «миллионники», Южный и Приволжский федеральный округа;

- преобладание в реальном миграционном потоке нелегальных переселенцев;

– образование во многих миграционно привлекательных регионах этнически однородных анклавов диаспор, что обостряет конфликт между старожилами и переселенцами.

В 1990-х годах миграция носила малоуправляемый характер, ее весомую часть составляли беженцы и вынужденные переселенцы. Объем миграционного потока позволял компенсировать естественную убыль постоянного населения Российской Федерации и ее регионов. С начала 2000-х гг. демографические процессы трансформировались. Снижение естественного прироста в Российской Федерации, упорядочивание миграционного законодательства, определенная стабилизация постсоветских обществ привели к спаду миграционного потока. В его составе преобладают ныне трудовые мигранты. Близки к исчерпанию «резервы» добровольной иммиграции соотечественников в Россию, по крайней мере, при нынешнем уровне ресурсного обеспечения³.

Исследователь Е. Щербакова: «Изменение правил учета мигрантов приведет, по всей видимости, к увеличению как числа мигрантов, прибывающих в Россию из бывших союзных республик, так и к увеличению миграционного прироста в результате миграционного обмена населением с этими странами»⁴.

Очевидно, что вследствие различий миграционной ситуации перед регионами России стоят контрастные задачи миграционного регулирования. Регионы миграционного оттока со значительным экономическим потенциалом (Дальний Восток, Сибирь, Европейский Север, Нечерноземье) должны добиваться целевого заселения за счет внутренней миграции, дозированного привлечения иммигрантов. Регионы миграционного оттока с низким социально-экономическим уровнем (республики Северного Кавказа и Сибири) ориентированы на развитие собственной инфраструктуры, создание привлекательных рабочих мест, сдерживание оттока квалифицированной рабочей силы, преодоление этнократизма. Регионы высокой миграционной привлекательности со средним или высоким уровнем социально-экономического развития (столичные агломерации, края и области Юга России, Поволжье) должны создавать

механизмы селективной миграции, обеспечивать баланс законных интересов мигрантов и постоянных жителей, достигать интеграции мигрантов в принимающее сообщество на основе российской гражданской идентичности.

Следует подчеркнуть, что приоритеты миграционной политики различаются не только на уровне регионов, но подчас и на уровне местных сообществ. Объективно существует противоречие интересов между политическими сообществами сельского и городского, столичного и провинциального типа, моно- и полиэтническими, трудодефицитными и трудоизбыточными, транзитными и периферийными в системе коммуникаций. Так, привлекательными для мигрантов являются крупные города, курортные местности, в которых рынок труда уже насыщен и повышена возможность этнополитических конфликтов. И напротив, депрессивные местности мало привлекательны для мигрантов, хотя именно эти местности нуждаются в притоке трудовых ресурсов.

Основные три отрасли, где трудятся мигранты в Республике Башкортостан — это строительство, сельское хозяйство и торговля. По географии: на первом месте Уфа, далее идут города Туймазы, Октябрьский, Стерлитамак, Белорецк. То есть село не слишком востребовано. В качестве положительного примера следует привести Туймазы и Туймазинский район, где развито тепличное хозяйство⁵.

С учетом асимметричности миграционных потоков в субъектах Российской Федерации очевидна сложность выработки единой миграционной политики на региональном и макрорегиональном уровнях (федеральных округов).

На протяжении 1990–2002 гг. органы власти центрального и регионального уровней проводили конкурирующие, а подчас и противоречащие друг другу меры политики. Принятая в 2003 году Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, а также Концепция демографической политики России на период до 2025 года (принята в 2007 году) признают дифференцированную миграционную политику одной из стратегически важных задач органов власти. Вместе с тем политическая практика доказывает

несогласованность принципов и направлений миграционного регулирования на уровне регионов⁶.

Сегодня необходим программно-целевой подход к совершенствованию миграционной политики регионов. Каждая из категорий мигрантов нуждается в специфическом регулировании. Так, в отношении временных трудовых мигрантов целесообразны акценты на соблюдении норм трудового права, санитарном контроле, эффективном паспортно-визовом контроле въезда в РФ и возвращения в свои страны. В отношении переселенцев приоритетны задачи их натурализации и адаптации к принимающему сообществу, повышения профессионального и культурного уровня, улучшения демографической ситуации. Соотечественники — категория мигрантов, в отношении которых ставится задача их возвращения в Россию, преодоления их дискриминации в странах «исхода». Целевого освоения стратегически важных регионов.

Республика Башкортостан — является приоритетно — привлекательным регионом для мигрантов. Среди башкирских специалистов, работающих в области миграционных процессов, бытуют две противоположные точки зрения. Согласно одной точке зрения, необходимо стимулировать миграцию в Башкирию, так как благодаря ей, возможно, происходит улучшение демографической и социально-экономической ситуации в Башкортостане. Этой точки зрения придерживаются Р.А. Галин, И.М. Габдрафиков, З.М. Давлетшина, А.Б. Юнусова и др.⁷

Сторонники другой точки зрения полагают, что беженцы усугубляют и без того сложную социально-психологическую ситуацию в местах их вселения, обостряют социальную конкуренцию на рынках труда и жилья. А поэтому основной стратегической линией республиканской миграционной политики должно быть сдерживание миграционных потоков всеми возможными способами.

Так, д.и.н., профессор М.М. Кульшарипов подчеркнул, что «есть фактор, который отрицательно влияет на этнографическое состояние башкир в республике — это массовый приток мигрантов из регионов бывшего СССР, так как среди них башкиры составляют меньшинство... В связи с этим в Республике Башкорто-

стан следует принять закон или постановление о регулировании потока мигрантов».

Для Республики Башкортостан и в еще большей степени для России в целом приезд мигрантов объективно необходим и экономически выгоден. Во-первых, в определенной мере смягчается демографический кризис и улучшается демографическая ситуация. Во-вторых, это выгодно и экономически, так как облегчает решение проблем трудовых ресурсов. Приехавшие на постоянное место жительства вливаются в состав населения России, активно участвуют во всех сферах социально-экономического и социокультурного развития. Трудовые мигранты, заполняют бреши в трудовых ресурсах, способствуют экономическому развитию России. Несмотря на все затруднения, недоразумения, несправедливости, все-таки приезд трудовых мигрантов способствует улучшению отношений народов России и стран СНГ и их государств. Сиюминутные трудности изживутся. В среднесрочной и долгосрочной перспективе привлечение трудовых мигрантов экономически целесообразно и выгодно для России.

Предприниматели Башкортостана отмечают, что им экономически выгодно использовать рабочую силу приезжих людей. На заседании межведомственной комиссии по миграционной политике председатель Союза работодателей Башкортостана В. Шолом отметил: «Строительный сектор сегодня просто немыслим без труда выходцев из Ближнего Зарубежья, хотя в республике хватает своих каменщиков и плотников. Чем же все-таки так привлекательны для работодателей мигранты? Мало того, что иностранная рабочая сила на порядок дешевле, да к тому же мигранты не требуют никаких социальных гарантий»⁸.

Общая объективная социально-экономическая ситуация сейчас такова, что жители стран СНГ вынуждены ехать на заработки в Россию, а Россия вынуждена принимать их и давать возможность работать и получать скромную заработную плату, в которой нуждаются их семьи. Россия делает это с учетом экономической целесообразности и выгоды для нашей страны.

Для Республики Башкортостан миграционные проблемы имеют многоплановое значе-

ние. В экономическом отношении возрастают трудовые ресурсы. Если учесть, что значительная часть приехавших на постоянное место жительства находятся в трудоспособном возрасте и перспективы роста детей, подростков и молодежи, то их приезд увеличивает постоянный трудовой потенциал, так как они стали жителями Башкортостана.

В республике ежегодно работают легальные, нелегальные трудовые мигранты. Они составляют маятниковый трудовой потенциал республики. Увеличивая трудовой потенциал, мигранты, приезжающие на постоянное жительство и трудовые мигранты, способствуют экономическому развитию республики.

В определенной степени приезд мигрантов на постоянное место жительства способствует решению демографических проблем. Пока прирост населения за счет мигрантов не велик. Если Башкортостан будет больше давать разрешений на постоянное место жительства и поможет части мигрантов обустроиться, то доля прироста населения за счет них увеличится. Следует также иметь в виду, что трудовые мигранты также могут считаться людьми, живущими в республике. Это так называемое «временное население» региона. Это «временное население» активно взаимодействует с постоянным населением в большинстве случаев в сфере общественной жизни и является неотъемлемым элементом функционирования общества.

Мигранты начинают играть все возрастающую роль в общественной жизни республики. Мигранты, приехавшие на постоянное место жительства, становятся гражданами, участвуют в общественно-политической жизни республики наравне с местными жителями. Возникают землячества мигрантов, с годами возможно возникновение и профсоюзов, трудовых мигрантов, которые будут взаимодействовать с муниципальными и государственными органами, а также с национально-культурными и другими общественными организациями.

Мигранты становятся постоянными элементами духовно-культурной жизни республики. Некоторые землячества стали проводить различные культурно-массовые мероприятия, а также принимать участие в культурных меро-

приятиях, проводимых республиканскими организациями.

Таким образом, современная жизнь населения Башкортостана уже немыслима без учета жизнедеятельности мигрантов. Наличие определенного числа мигрантов в структуре населения считается признаком цивилизованного гражданского общества, демократического государства. По этому критерию Республика Башкортостан становится гражданским обществом, развивающимся по демократическому, цивилизованному пути. В определенной мере мигранты являются фактором формирования гражданского общества в Башкортостане.

Дальнейшее успешное использование трудового потенциала мигрантов, их оптимальная жизнедеятельность во всех сферах общества зависит в значительной мере от взаимной адаптации местных жителей и мигрантов. Ниже рассматриваются потенциальные возможности для оптимизации взаимной адаптации местных жителей и мигрантов.

1. Повышение имиджа и привлекательности Башкортостана как благоприятного региона для жизнедеятельности мигрантов. Для приезжающих на постоянное место жительства это решение основных проблем обустройства на новом месте жизни. Учитывая демографические процессы в Башкортостане думается, есть необходимость изучить возможность для увеличения приема людей на постоянное жительство. Необходимо формировать имидж Башкортостана как региона — равных возможностей для представителей всех национальностей для приезда на постоянное жительство в республику.

2. Для адаптации мигрантов к местным жителям в целом к республике большое значение имеет отношение к ним. Башкортостан относится к числу тех регионов, в которых отношение к мигрантам хорошее. Между местными жителями и мигрантами в основном толерантные отношения, а нередко и дружелюбные. Тем не менее, случаи недоброжелательного отношения и режиссируемые насилия, жестокости, драки имеют место. В настоящее время их число умножилось. Несколько хуже отзываются мигранты об отношении к ним муниципальных органов, республиканских органов, курирующих их проблемы.

3. Большой неиспользованный потенциал во взаимной адаптации местных жителей и мигрантов имеют СМИ и интернет. Республиканские газеты, радио, телевидение не балуют читателей, слушателей, зрителей передачами о мигрантах. Настало время в корне изменить отношение СМИ к освещению проблем мигрантов. Нужны публикации, передачи об их вкладе в экономику республики, в целом в развитие Башкортостана. Чаще должны появляться материалы о добросовестной работе мигрантов, об их культуре, образе жизни. Периодически целесообразно публиковать материалы о странах, из которых они приехали, о том хорошем, что у них есть. Мало распространяется информация о местных жителях, которые хорошо относятся к мигрантам, оказывают им какую-нибудь помощь. СМИ и интернет смогут сыграть значительную роль в оптимизации взаимной адаптации местных жителей и мигрантов.

4. В целом республиканские и муниципальные органы ведут работу по приему мигрантов по решению их проблем квалифицированно. Однако резервов для улучшения этой работы много. Особенно это относится к муниципальным органам. В республике, как и во всей России, деревни пустеют. Наши горожане в большом количестве в деревню не вернуться. Надо предоставлять большие льготы тем семьям мигрантов, которые хотят селиться в деревне, помогать им в обустройстве. Это относится к районам с малочисленным населением — север, восток. Увеличение населения позволит развивать экономику этих районов, а, следовательно, будет способствовать их общему социально-экономическому и социокультурному развитию.

В заключении хотелось бы отметить, что решая миграционные проблемы, Башкортостан мог бы немало сделать для улучшения от-

ношений Российской Федерации со странами СНГ. Здесь непочатый край работы. В частности, без особых экономических затрат можно было бы решить две проблемы. Первая: заключение договоров с регионами этих стран о регулировании процесса приезда обеих видов мигрантов в республику и в целом об экономическом и культурном сотрудничестве. У республики уже есть такие договора с некоторыми регионами западных стран. Второе: целесообразно создать республиканские отделения российских обществ культурной связи с соответствующими организациями в странах СНГ. Что также представлено в Республике Башкортостан.

Применительно к Республике Башкортостан приоритетами миграционной политики могут стать: дифференцированное отношение к временной трудовой и постоянной миграции, поддержка постоянных переселенцев; целенаправленная селективная политика в соответствии с дефицитом профессий и квалификаций, необходимостью заселения депрессивных и малоосвоенных местностей; создание условий адаптации мигрантов и их интеграции в принимающем обществе, на основе российской гражданской идентичности; профилактика, мониторинг и урегулирование конфликтов между постоянным населением и мигрантами, выяснение уровня толерантности; формирование институтов и процедур общественного контроля за реализацией миграционной политики; целевые заказы муниципальных образований и предприятий квот работников для постоянного проживания и трудоустройства.

Реформирование миграционной политики в Республике Башкортостан является актуальным направлением модернизации российского общества, преодоления угроз национальной безопасности в субфедеральных республиках.

¹ Демидов А.В. Формирование современной миграционной политики Российской Федерации и сотрудничество с международными организациями. М., 2003.

² Бобылев В.В. Миграционная политика: сущность, структурное строение, основные типы // Власть. 2009. № 5. С. 16–25.

³ Авцинова Г.И. Анализ проблем социальной политики в России в контексте политической теории // Новые направления политической науки. М., 2007. С. 55–68.

⁴ URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0479/barom03.php>

⁵ URL: <http://dipkurier.narod.ru/dip78/bashkortostan.htm>.

⁶ *Бобылев В.В.* К вопросу о концептуализации миграционного законодательства в Российской Федерации // Вестник Армавирского института социального образования (филиала) РГСУ: научный и учебно-методический ежегодник. Вып. 7. Армавир, 2009. С. 55.

⁷ *Галин Р.А.* Демографическая ситуация в Республике Башкортостан // Миграционные процессы в Республике Башкортостан. Уфа, 2007; *Габдрафиков И.М.* Республика Башкортостан: модель этнологического мониторинга. М., 1998; *Алмаева Н.* Демографическое развитие Республики Башкортостан: проблемы и перспективы / *Н. Алмаева, Р. Галин, А. Давыдов* [и др.] // Экономика и управление. 2007. № 1. С. 9–21; *Юнусова А.Б.* Миграционные процессы в Республике Башкортостан: аналитическая справка. Уфа, 2005.

⁸ URL: <http://www.tv-rb.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4998>

УДК 329.78:37

ЯНУСКИНА Валентина Владимировна,
студентка 5-го курса юридического факультета им. М.М. Сперанского
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: yourfac@ane.ru

ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ — ЗАДАЧА ОБЩАЯ

Автор поставил задачу привлечь внимание к вопросу о более активном вовлечении в процесс духовно-нравственного воспитания молодежи религиозных объединений.

Ключевые слова: молодежь, нравственность, воспитание, церковь, конфессии.

Учеными различных профилей уже давно установлено, что последствия поведения молодежи начинают проявляться, когда она является не только объектом, но и субъектом общественно-политических процессов. Поэтому не удивительно, что на всем протяжении истории Российского государства молодежи уделялось особое внимание¹.

Молодежь — молодое поколение, молодые люди, — читаем у С.И. Ожегова². Молодежь, — написано в Социологической энциклопедии, — группа общества, выделяемая на основе возрастных характеристик и связанных с ними основных видов деятельности; в более узком, социологическом смысле — социально-демографическая группа, выделяемая на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения молодых людей, их места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей³. В литературе можно встретить, когда лица в возрасте от 14 до 18 лет одновременно относятся и к категории «молодежь», и к категории «дети». Все зависит от целеполагания и решаемых задач.

Иначе говоря, понятие «молодежь» сложно-составное. Оно включает и социальные, и демографические, и возрастные, и функциональные, и ценностные составляющие. Отсюда к молодежи относят и юношество, и подростков, рабочих, служащих (военнослужащих), ученых, представителей других творческих профессий, жителей городов и поселков, сел и т. д. В целях воспитания большое значение, на наш взгляд,

имеют групповое самосознание и интересы, ценности, которые зависят от многих обстоятельств, в том числе, от возраста. Однако нивелировать подход к воспитанию только в связи с возрастом вряд ли оправданно. Нередко молодые люди одного и того же возраста ведут себя по-разному, даже если они оказываются в одних и тех же условиях. В данном случае, видимо, многое зависит от того, какое воспитание молодые люди получили в раннем детстве, а не в пору юношества. Раннее же детство проходит, как правило, в семье. На нее и должно быть обращено внимание всех субъектов духовно-нравственного воспитания.

Круг субъектов духовно-нравственного воспитания широк: институты государства, институты гражданского общества, как-то: министерства, школы, спортивные объединения, СМИ, кинематограф, религиозные объединения и т. д.

Одним из общественных институтов (институтов гражданского общества) является Русская Православная Церковь (РПЦ). Следовательно, РПЦ является и субъектом воспитательного процесса. Однако в условиях многонациональной и многоконфессиональной России другие конфессии мы не исключаем из процесса воспитания. Полагаем, что данные субъекты воспитания главным образом воздействуют на воспитуемых словом, молитвой. Молитвенное слово обладает особой силой. Давно замечено, что молитвы, например, на церковно-славянском языке препятствуют внушению извне, являются преградой, надеж-

ной защитой на пути нейролингвистического программирования, одного из грозных психологических орудий XXI века. Незащищенная молитвой молодежь легко поддается негативным соблазнам. И происходит это в большинстве своем через слово. Священник Александр Ильяшенко написал книгу «Как защитить вашего ребенка?» В предисловии он приводит данные из издания бывшего сотрудника спецслужб Джона Колемана «Комитет 300». Из книги видно, что Тавистокский институт человеческих отношений, входивший в состав Суссекского университета, и Калифорнийский научно-исследовательский Стэнфордский институт создали специальные слова, предназначенные «для массового управления новой целевой группой, то есть американской молодежью, сознание которой планировалось изменить против ее воли... «Тинейджерам» и в голову не могло прийти, что все «нетрадиционные» ценности, к которым они стремятся, были тщательно разработаны пожилыми учеными в мозговых центрах Англии и Стэнфорда. Они были бы потрясены, обнаружив, что большая часть их «клеевых» привычек и выражений была специально создана группой пожилых социологов»⁴. А внешне все объясняется тем, что XXI век рождает стихийно новую молодежную культуру, и страшного в этом ничего нет. На самом деле речь идет не о новой молодежной культуре, а о сознательном, целенаправленном создании, формировании другого образа человека. И в нравственном отношении этот человек будет отстоять от человека XIX, особенно XX в. (советский период). Поэтому на XI Всемирном Русском Народном Соборе была принята Резолюция, в которой говорится, что «преодоление множества кризисных явлений сегодняшнего периода российской истории невозможно без духовно-нравственного очищения и подъема общества, без опоры на классическую и народную, выдержавшую испытания временем русскую культуру народов России»⁵.

Культура народов России и нравственность — неотделимы. Нравственность — правила, определяющие поведение, духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе, а также выполнение этих правил, поведение⁶. Нравственность и мораль, как бы, перекликаются. Мораль — это этическая ка-

тегория, определяющая важнейший способ регуляции отношений в обществе. Мораль — совокупность ценностей и норм, которые ориентируют людей на поведение в соответствии с принятыми в обществе представлениями о добре и зле, справедливости, несправедливости. Мораль — это особая форма общественного сознания, вид отношений в обществе, основанных на ответственности, согласовании своих действий с интересами общества. Мораль — это «неписаный закон», норма, которая не исходит от государства или какого-либо другого института, это собственное сознание индивида, формирующееся в процессе общения людей, в том числе и в процессе воспитания. В систему моральных принципов входят честность, правдивость, совесть, доброта, порядочность, уважение к другим, готовность оказать помощь, пожертвовать и т.д. Одним словом, мораль — ценностный базис общества, ее (морали) принципы универсальны по своему характеру. Их можно и нужно применять везде: в повседневной жизни, в политике, в семье, на работе, в отношениях между народами и государствами и т.д. Моральные качества человека приобретаются, формируются в процессе жизни, обучения, воспитания, образования.

Воспитание происходит и в процессе образования. К сожалению, в XXI веке воспитательной составляющей в образовательном процессе уделяется мало внимания. Автор, относясь к категории «молодежь», испытала это на себе, обучаясь в школе, сдавая ЕГЭ.

Между прочим, в Древней Руси, в Московском (Русском) государстве в допетровский период в образовании коренным словом считали образ, то есть икону. Не случайно процесс образования лежал в основном на плечах Церкви. Таким образованием охватывались не только русские, но и все народы, составляющие государство. Ключевое направление в идеологии прекрасно выразил монах Феодосий Косой: «Все людие едино суть у Бога, и татарове и немцы и прочие языцы»⁷. Обратим внимание, что в те времена (XV в.) на Руси употреблялось слово «языцы». Каков язык, таков и народ.

Эта идеология лежала в основе воспитания с детского возраста. Например, в «Домострое» содержатся правила поведения православно-

го христианина с XI в. В нем есть следующие разделы:

19. Како детей своих воспитати во всяком наказании и страхе Божии.

20. Как дочери воспитати, с наделком и замуж выдати.

21. Како детей учить и страхом спасти (допускает телесные наказания маленьких детей, разъясняя, что «ты бо бя его по телу, душу его избавишь от смерти».

В этом разделе помещено «Василия Кесаренского поучение юношам» (XI в.).

22. Како детям отца и мать любить и беречи, и повиноватися им, и покоити их во всем»⁸.

Уже первый русский киевский митрополит Иларион в «Слове о законе и Благодати» писал, каким должен быть великий князь, какие ценности защищать: твердость духа, любовь к истине, милосердие, честность, забота о бедных, о вдовицах, гостеприимство, равное отношение к людям разных языков и т.д.⁹ Великие князья усваивали эти наставления и внушали их своим детям. К примеру, в «Починении детям» Владимир Мономах (1053–1125) советует детям, когда они вырастут, следовать закону, не мстить, быть ответственным за благополучие людей (население), стремиться к мирному решению всех спорных вопросов, помнить, что

место на земле уготовано всем народам. Для убедительности процитируем несколько мыслей Владимира Мономаха. «Когда ходите по своим землям, не давайте воинам своим, ни чужим вред причинять селам и их посевам — да не проклянут они вас. Куда же пойдете и где станете — напоите и накормите нищего и больше всего чтите гостя, откуда бы к Вам он ни пришел, простолюдин ли, знатный ли человек, или посол, и если не можете одарить его подарком, — то пищей и питьем, и они везде бывая, прославят человека по всей земле как доброго или злого. Больного навестите, мертвого проводите, поскольку все мы смертны..., чего не умеете, тому учитесь. Так вот отец мой, сидя дома, выучил пять языков»¹⁰.

С такой идеологией государства строятся и создают, что подтверждает факт создания России. Однако идеологии меняются, на смену одним приходят другие. Сейчас Россия, с точки зрения духовности, находится опять в опасности, что прямо отмечено Президентом Российской Федерации Путиным В.В. в Послании Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2012 г.¹¹ Решить задачу духовно-нравственного воспитания россиян, особенно молодежи, государству одному не под силу. К этому процессу активно должны подключиться конфессии.

¹ Автор под молодежью понимает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, хотя существуют и другие точки зрения.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. М., 1986. С. 308.

³ Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. Национальный общественно-научный фонд. М.: Мысль, 2003. С. 674.

⁴ Цит. по: Ирзабеков Василий (Фазиль). Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. М.: Даниловский благовестник, 2009. С. 51–52.

⁵ Там же. С. 162.

⁶ Ожегов С.И. Указ. соч. С. 360.

⁷ Цит. по: Болтенкова Л.Ф. Учение о федерализме и его реализация в развитии государств (второе тысячелетие до н. э. — настоящее время). Кн. 1. М.: РАГС, 2006. С. 59.

⁸ Домострой / сост., вступ.ст., пер. и коммент. В.В. Колесова; подгот. текстов В.В. Рождественской, В.В. Колесова и М.В. Тишеновой; худож. А.Г. Тюрин. М.: Сов. Россия, 1990. С. 50–51.

⁹ Иларион. Слово о законе и Благодати / пер. В.Я. Дерягина; реконстр. древнерус. текста Л. Жуковской. М., 1994. С. 40–41.

¹⁰ Цит. по: Болтенкова Л.Ф. Учение о федерализме и его реализация в развитии государств (второе тысячелетие до н.э. — настоящее время). Кн. 1. М.: РАГС, 2006. С. 57.

¹¹ См.: Российская газета. 2012. 13 дек.

CONTENTS

AYUPOV Mansur Anvarovich,

*Doctor of Political Sciences, Professor,
Vice-president of the Academy of Sciences of Bashkortostan Republic*

MODERNIZATION AND LANGUAGE IDENTITY

Now the content of ethnopolitical processes in the region is defined by two major factors. The first is an aspiration for ethnic originality, preservation and development of the native language. The second is the imperative of modernization of the ethnos in which the relation to the native language and its use in everyday and public life plays a key role. The language capacity of multiethnic regions of Russia in the conditions of modernization transformations is examined in the article.

Key words: modernization, ethnos, language, region, demography, consciousness, potential, globalization.

BAGAYEVA Alisa Valerievna

*Candidate of Social Sciences, senior lecturer of the Sociology
of International Relations Chair of Social Department
of Lomonosov Moscow State University*

REGIONAL INTEGRATION IN THE CONTEXT OF THE PROBLEMS OF NATIONAL AND FEDERAL RELATIONS

This article raises the urgent problem for Russia and other countries, the problem of influence of national and federal willingness to participate in regional integration projects. This problem is based on theoretical difficulties associated with the novelty of the specialty, as well as practical difficulties, which is manifested in all the potential of conflict development in different regions.

Key words: ethnic relations, federal relations, regional integration, conflict, nationalism.

BOLTENKOVA Lubov Fedorovna,

*DSc (Law), Professor of the National and Federative Relations Chair
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT «RUSSIANNESSE»

Analyzing scientific literature, political and legal sources, journalism, information in mass media, the authors come to the conclusion that «Russianness» is not just a phenomenon of ethnicity sphere.

Key words: Russianness, Russian, Russian land.

VLASOV Valeri Ivanovich,

*DSc (Law), Professor of the National and
Federative Relations Chair of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

ON THE RUSSIAN DIMENSION OF POLITICAL CULTURE

In his article, the author considers the notion of political culture and analyses its various versions and interpretations, its content and structure, as well as interconnection between political culture and political situation in the country.

Key words: *political culture, politics, government, law, morals, structure, content, Russia.*

GAIDUK Vadim Vitalyevich,

*Doctor of Political Sciences, Candidate of Law,
Professor, the Head of the Political Science Chair
of Bashkir State University*

NATIONAL SAFETY SHOULDN'T HAVE ANY ETHNIC SHADE

In the last decade in foreign and domestic politics of multinational states the ethnic factor becomes very important. The multiple-factor analysis of the ethno-political factor in the system of national and public security of Russia is carried out in the article.

Key words: *national safety, regional safety, ethno-policy, national tragedies, public safety, the Concept of public safety.*

GUMEROV Salavat Bulatovich,

*Candidate of Political Sciences, Chief Federal Inspector of Pskov Oblast
of the Machinery of Plenipotentiary of the President
of the Russian Federation in North West Federal District*

MODERNIZATION POLICY OF THE FEDERATIVE RUSSIA: TRAJECTORIES, BRANCHES, DEADLOCKS

The attempt to consider some features of modernization development of modern Russia in a certain historical retrospective is made in the article.

Key words: *modernization, privatization, former Soviet Union, globalism, statehood, disorder, transformation, federalism.*

DEMYANENKO Yuri Anatolievich,

*Candidate of Sociological Sciences, Rector of Pskov State University,
applicant for the Doctor's degree of the National and
Federative Relations Chair of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

TERRITORIAL MAP OF SUBJECT STRUCTURE OF THE FEDERATIVE RUSSIA: POSSIBLE TRANSFORMATIONS

The ideas of change of subject structure of the Russian Federation which can be demanded in the nearest future are considered in the article.

Key words: *federation, subject, administrative and territorial, national and territorial, transformation, associations, federal Center, federal district, political regional studies, ethnopolitics, national and federal relations.*

DROBIZHEVA Leokadia Mikhailovna

*DSc (History), Professor, Head of the Centre for the Research
of Interethnic Relations of the Institute of Sociology
of the Russian Academy of Sciences*

ON THE RUSSIA'S STRATEGY OF THE STATE NATIONAL POLICY

In this article developed on the basis of the author's presentation at the meeting of the working group for the implementation of the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation, the author presents her analysis of the today state of interethnic relations reflected in the Strategy. The author specially draws attention to the notion of «tolerance» and proposes a new notion of «interethnic harmony».

Key words: *Strategy of the State National Policy, tolerance, interethnic harmony, interethnic relations.*

YEFREMOVA Inna Vladislavovna,

*4th year post-graduate of the National and Federative Relations Chair
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*

FEDERATIVE ASPECTS OF POLICY OF THE STATE IN THE LABOR SPHERE AT THE PRESENT STAGE

In the years of formation of the market economy in Russia there were basic changes in the sphere of labor relations. It became complicated significantly, new types and forms appeared, the subjective structure of participants extended, the vertical system of regulation of multidirectional interests of subjects of relations was formed. Federative aspects of the state regulation of the labor sphere in modern Russia are examined in this article.

Key words: *federalism, labor relations, national mentality, legislation, national and federative relations.*

ZORIN Vladimir Yurievich

*DSc (Political Sciences), Professor,
Deputy Director of the Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences*

RUSSIA'S STRATEGY OF THE STATE NATIONAL POLICY: TRADITIONALISM AND NEW APPROACHES TO THE STRENGTHENING OF UNITY OF THE RUSSIA'S MULTIETHNIC PEOPLE (RUSSIAN NATION)

In this article, the author analyses new Strategy of the State National Policy of the Russian Federation. He stresses its strong and weak points and evaluates it depending on the efficiency of implementation of measures proposed in it.

Key words: strategy, national policy, people, state, efficiency.

KALININA Klavdiya Vladimirovna,

*Doctor of Historical Sciences, Professor of the National and
Federative Relations Chair of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

TIME DEFINES THE NATURE OF THE ETHNIC QUESTION

The ethnic question has specifically historical contents. For modern Russia the definition of the ethnic question and the orientation of the state policy is very urgent. It is necessary to improve the public administration for the stabilization of the national and federal relations as a socio-political basis of strengthening of the Russian statehood and guarantee of the national security.

Key words: ethnic question, national policy, the Russian Federation, subjects of the Russian Federation, republic, nationality, Russian people, and personnel.

LANDA Kamil Gazimagomedovich,

*Doctor of Political Sciences, Professor of the National and
Federative Relations Chair of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

THE CASPIAN SEA AND GEOPOLITICAL INTERESTS OF THE USA IN THE REGION

At the present stage of its development, the Caspian region turned into the most important resource base of the world economy and its value will increase as the demand for the hydrocarbons increases and energy resources in other regions of the globe runs out. Social and economic and political interests of the United States of America in the Caspian region are examined in the article.

Key words: federalism, region, interests, control, contract, Eurasianism, crime rate, globalization.

MARDANOV Marat Khamityanovich,

*Candidate of Political Sciences, Deputy Director
of the Administration of the President of Bashkortostan Republic*

MIGRATORY POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION: REGIONAL MULTICULTURALISM

The analysis of modern transformation of migratory policy in the Russian regions gains special urgency in respect of guaranteeing of national stability and safety of the state. Against the background of the world globalization the dynamics of migratory processes is observed. These processes gain new shapes, strengthen the influence on political, social, economic and spiritual spheres of society. The migratory policy in the regional cut is considered in this article.

Key words: migration, migratory policy, federalism, multiculturalism, region, stability, safety.

MATVEYEVA Lubov Dmitryevna,

*Doctor of History, Professor, Head of the Tourism and Hospitality Chair
of Ufa State University of Economics and Service*

KHAIRETDINOVA Natalya Eduardovna,

*senior lecturer of the Tourism and Hospitality Chair
of Ufa State University Of Economics and Service*

TO THE QUESTION OF THE STATUS OF UFA THEATER DURING THE INNER-PARTY POWER STRUGGLE (the end of 1922-1928)

The major factors braking the development of theatrical culture in Ufa in 1920s are examined in the article: the absence of methodological concept of the Soviet art, administrative parallelism at the state and party levels, inconsequence of decisions and censorship conclusions, influence of the petty-bourgeois environment, financial deficiency.

Key words: Ufa theater, methodological concept of the Soviet art, public and party administration of the theaters, financing of theaters.

MEDVEDEV Nikolai Pavlovich

*DSc. (Political Science), Professor
of the National and Federative Relations Chair
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

TODAY PROBLEMS ON THE WAY TO REACHING POLITICAL STABILITY: SCIENTIFIC APPROACHES AND POLITICAL PRACTICE

The article describes theoretical issues relating to the development of the political system institutions, to safeguarding political stability and political support and specifies conditions for the attainment of a political consensus.

Key words: political system, political stability, political support, consensus.

MIKHAYLOV Viacheslav Aleksandrovich

*DSc (History), Professor, Chief of the National
and Federative Relations Chair of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

RUSSIA' STRATEGY OF THE STATE NATIONAL POLICY: THEORY AND PRACTICE

In this article, developed on the basis of presentation at the seminar devoted to the discussion of the new Russia' Strategy of the State National Policy, the author substantiates the expediency of its adoption and analyses key points of this new Strategy, as well as proposes amendments aimed at its perfection.

Key words: *Strategy of the State National Policy of the Russian Federation, Russian nation, ideology, patriotism, state sovereignty.*

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna,

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Director of Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa)*

SOCIOCULTURAL FEDERALISM IN THE SPHERE OF YOUTH POLICY: PRESENT CHALLENGES

It should be noted that in the majority of scientific works federalism is examined as a political and legal, political and territorial or economic mechanism of interregional interaction. Meanwhile, in the modern political science the attempts of research of federalism at the microlevel, from the positions of sociocultural integration of concrete social groups (for example, the youth), living on one territorial space are seldom made. In the conditions of globalism the revision of the federal paradigm in the sociocultural sphere and application of its sociocultural essence to various socio-political groups, and first of all, to youth, is rather urgent.

Key words: *federalism, youth policy, globalization, volunteering, innovation, tradition, integration.*

RYABOVA Elena Lvovna,

*Doctor of Political Sciences, Professor, Director
of Ethnosocium and International Culture Publishers*

FOLKLORE AS THE MOST IMPORTANT FACTOR OF NATIONAL AND CULTURAL CONSTRUCTION

The article set out the vision of the author of the causes of the present state of Russian folklore and its possible prospects in the formation of the new Russian identity.

Keywords: *cultural code, national traditions, folk art, institutions of culture and leisure, national consciousness.*

SULEYMANOV Artur Ramilevich,

*Candidate of Political Sciences, the Dean of Law Department,
the Head of the Trade Union and Labor Law Chair of Bashkir Institute
of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations*

NATIONAL IDEA AS AN ATTRIBUTE OF STATEHOOD: POLITICAL MYTH OR REALITY

The political transformations occurring in the conditions of globalization were beyond the certain states long ago and they become more apparent in the national and ideological paradigm, defining the new conditions of international and interethnic interaction and peaceful co-existence. On the one hand, globalization erases economic and socio-cultural borders between the states, assisting in formation of the supranational identity. On the other hand, it bears destructive practice of former interstate identity, weakening the historically developed traditions of ethnic communities and nationalities. In connection with this, the «national idea» as an attribute of statehood qualitatively changes its contents, maneuvering between the categories of «supranational» and «interstate».

Key words: national idea, statehood, globalization, culture, traditions, integrity, identity, ideal.

SULEYMANOVA Shukran Saidovna,

*Doctor of Political Sciences,
observer of «The Caucasus» Radio Channel
of «The Voice of Russia» Radio Company*

PROBLEMS OF ETHNIC ADAPTATION IN MODERN RUSSIA

The reasons of emergence of crisis situations during the Post-Soviet period are reflected in the article. The article is devoted to determination of the main goal of the national policy in formation of such society where the national requirements would be fully satisfied in time, both of a certain person, and of a concrete ethnos or of all people living in the country so that it wouldn't infringe upon the legitimate interests of ethnic groups, wouldn't be accompanied by intensity and conflicts. Achievement of this purpose assumes the creation of corresponding conditions and mechanisms of reproduction of national and ethnic life of each people in its wealth preserving and deepening the traditions of equal development, cooperation of people.

Key words: ethnic factor, international relations, solution of an ethnic problem, democratic processes.

TERNOVAYA Lyudmila Olegovna,

*Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Sociology and Management Department
of Moscow State Automobile and Road Technical University*

THE IMPACT OF NATIONAL AND FEDERAL RELATIONS FOR THE DEVELOPMENT OF STATE SYMBOLS

This article deals with the complex of the state symbols, which was formed by now. Understanding the importance of state symbols is important for correct reading of history of the country, especially its ethnic relations, clarify the logic of a federal or unitary structure.

Keywords: national symbols, patriotism, nationalism, ethnic relations, federal relations.

FONARYOV Mikhail Alexeyevich,
*President of Eurasian Political Expert Club,
Deputy Director of the Center of Political
and Legal Researches of Eurasian Scientific
Research Institute of Law*

REVOLUTIONARY TRANSFORMATIONS OF THE FORMER SOVIET UNION: «COLOURS» AND «VELVET»

Over the last 10 years a wave of «color revolutions» swamped over the countries of the former USSR and the Soviet block. Some countries could resist these revolutions, others were not so lucky. How do these revolutions arise, after all? What are their reasons? The answers to these and other questions are given in this article. The main reasons of revolutions are in the states where they occur, in the internal contradictions and conflict situations in the society. And the best revolution preventive measures are to make considered and deliberate political decisions on the government.

Key words: Soviet Union, «color revolution», «orange revolution», «velvet revolution», integration, disintegration, CIS, crisis, youth movements, opposition, mass-meeting.

KHOROSHAVTSEVA Olga Petrovna,
*Candidate of Cultural Sciences, Associate Professor
of the Humanitarian Disciplines Chair
of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labor and Social Relations*

SPECIFICS OF FUNCTIONING OF MASS MEDIA AND ITS ROLE IN THE CROSS-CULTURAL DIALOGUE AT THE REGIONAL LEVEL (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

The regional level of development of mass media and its role in cross-cultural interactions is characterized in this article. Mass media is a powerful tool of impact on the society today, including in the Republic of Bashkortostan. Need of activation of the educational activity by means of the mass media, directed to the integration of representatives of different ethnic groups and confessional cultures, both constantly and temporarily living on the territory of the republic, and also of the urban and country people is revealed and proved in the article.

Key words: mass media, integration, cross-cultural interaction.

SHMIDT William Vladimirovich,

*Doctor of Philosophy, Professor of the National and
Federative Relations Chair of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

DANNENBERG Anton Nikolayevich,

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the National and
Federative Relations Chair of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

RELIGIOUS AND ETHNOCULTURAL TRADITIONS OF EURASIA: EAST AND WEST AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

The current status of the main religious traditions of the Eurasian continent is considered in the article. The forecasts of the possible genesis of the world and national religions in the near-term and remote outlook are made. The authors analyze the main approaches to the problem of forming of interreligious dialogue; recommendations on the formation of the future vector of interaction between various religions in the conditions of globalization, secularization and pluralism are formulated.

Key words: religion, interreligious dialogue, Christianity, Islam, Buddhism, Daoism, Confucianism, Hinduism, Eurasia.

YUSUPOV Marsel Khfrisovich,

*Deputy of the State Duma
of the Federal Assembly
of the Russian Federation VI convocation*

MIGRATION PROCESSES IN FEDERATIVE RUSSIA: REGIONAL TRANSIT

The article evaluates regional peculiarities of the constituent entities of the Russian Federation determining migration flows in the country. In particular, it examines the migration potential of the Republic of Bashkortostan.

Key words: migration, politics, region, attractiveness, republic, labor, illegal immigrants, municipality, city, village, infrastructure.

YANUSKINA Valentina Vladimirovna,

*5th year student of Speransky Law Department
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

YOUTH EDUCATION IS A PUBLIC TASK

The author set the task to draw attention to the question of more active involvement of the youth in the process of spiritual and moral education of religious associations.

Key words: youth, morality, education, church, religions.

АВТОРАМ

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» приглашает к сотрудничеству на страницах журнала ведущих ученых, молодых исследователей, аспирантов, соискателей и всех заинтересованных лиц в качестве авторов статей, участников круглых столов, рецензентов и т. п.

Наш журнал новый в мире научной периодики Республики Башкортостан. Основную миссию журнала мы видим в консолидации усилий ученых России и Республики Башкортостан по формированию единого научного информационного пространства.

Целью издания является широкое распространение информации о научной деятельности преподавателей и студентов БИСТ; публикация научных трудов, дискуссионных, аналитических и прогнозных статей ученых и практиков по наиболее актуальным проблемам развития современного общества.

В «Вестнике БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» публикуются научные исследования по следующим направлениям:

- экономика;
- юриспруденция;
- регионалистика и этнополитика;
- общественные науки.

Журнал издается раз в квартал. Срок предоставления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Мы заинтересованы в эффективном сотрудничестве с высококвалифицированными специалистами и будем благодарны всем, кто поможет нам сделать журнал ярким и интересным.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)»

1. Материалы представляются в редакцию журнала в электронном виде и на бумажном носителе (1 экз.), которые должны быть идентичны. Бумажный вариант не должен содержать рукописных вставок и подписывается на последнем листе всеми авторами. Для тех, кто направляет статью по e-mail: **vestnikBIST@mail.ru**, подпись (авторучкой) сканируется в черно-белом режиме и вставляется в конец документа.

2. Работы аспирантов и соискателей должны сопровождаться отзывом научного руководителя и выпиской с заседания кафедры с рекомендацией.

3. Максимальный объем статьи 15 полных страниц, минимальный — 5 страниц, набранных в соответствии с указанными ниже требованиями:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пт, междустрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: левое поле — 3 см, верхнее, нижнее поля — 2 см, правое — 1,5 см;
- абзацный отступ 1,25 см устанавливается автоматически. **Внимание!** Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел»;
- ориентация книжная;
- выравнивание по ширине;
- сноски концевые;
- нумерация страниц производится внизу справа, начиная с 1-й страницы. **Внимание!** Не используйте колонтитулы для нумерации страниц.

4. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения раскрываются при первом упоминании их в тексте.

5. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word **Внимание!** Не принимаются в работу отсканированные таблицы и в виде рисунка.

6. Графики, схемы, рисунки, диаграммы, фотографии и другие графические объекты должны быть пронумерованы и дополнительно представлены отдельными файлами в формате *.jpg или *.tif в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi. Подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект. Изображения должны располагаться в пределах рабочего поля, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Линии графиков и рисунков в файле должны быть сгруппированы.

7. Формулы должны быть набраны в стандартном редакторе формул.

8. Файл именуется по фамилии автора (например, «Иванов.doc»); графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т. п. (например, «рисунок 1.jpg», «таблица 3.doc»).

9. Список используемых в статье источников оформляется в конце статьи в строгом алфавитном порядке (авторов или заглавий). Отдельно выстраивается алфавитный ряд на кириллице (русский язык, болгарский и т. п.) и ряд на языках с латинским написанием букв (английский, французский, немецкий и т. п.).

10. Отсылка к списку используемых в статье источников в тексте статьи заключается в квадратные скобки.

11. К материалу прилагается следующая информация **на русском и английском языках:**

- Заголовок статьи.
- Сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, почетные степени и звания, место работы и занимаемая должность, электронный адрес.
- Аннотация текста публикуемого материала (не более четырех предложений). В аннотации указываются предмет, объект исследования; цель и задачи исследования; краткие выводы.
- Ключевые слова (не более семи речевых единиц).

12. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

13. Плата за публикацию с авторов не взимается.

14. Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

15. Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания.

16. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются, рукописи не возвращаются.

17. Для своевременной подготовки журнала необходимо заполнить и предоставить в редакцию на отдельном бумажном носителе и в электронном виде **регистрационную карту** по следующей форме:

Фамилия, имя, отчество	
Место работы, занимаемая должность (с указанием кафедры, отдела, лаборатории)	
Ученая степень, ученое звание (при наличии)	
Полное название статьи	
Отрасль научной статьи	
Эл. почта (обязательно)	
Контактный телефон (обязательно)	
Адрес (с указанием почтового индекса; обязательно)	

К сведениям об авторе обязательно прилагается в электронном виде цветная фотография размером не менее 5х6 см, отсканированная с разрешением 300 dpi и сохраненная в формате *.jpg или *.tif.

Информация об авторе (-ах) **обязательна** для заполнения. При отсутствии сведений об авторах статьи не рассматриваются.

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Спецвыпуск. 2013. № 5 (21)

Компьютерная верстка А.Г. Бурмистровой
Техническое редактирование: Т.Е. Бочарова

Сдано в набор 01.11.2013. Подписано в печать 06.11.2013.
Формат 60 x 84/8. Усл. печ. л. 23,48. Уч.-изд. л. 25,03.
Гарнитура «FranklinGothicBookC». Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Тираж 1500 экз. Заказ 67

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 2 декабря 2008 г.

Адрес редакции:
450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2;
БИСТ (ф-л) ОУП ВПО «АТиСО»;
тел. +7 (347) 237-24-82;
www.bist.ru;
e-mail: vestnikbist@mail.ru

Отпечатано в ИП Абдуллина
450059, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 27, корп. 2, оф. 21

